

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Пол Брэнд
Филипп Янси

По образу

ЕГО

Г. Честертон посвятил одну из книг своему секретарю, написав в посвящении такие слова: «Тому, без кого книга была бы напечатана вверх ногами». Издатель нашей книги сумел найти единственно верный способ напечатать ее как положено, несмотря на оставляющее желать лучшего состояние предоставленной ему рукописи. Но окончательный вариант книги неминуемо пострадал бы, если бы не особая заслуга людей, принявших участие в ее выпуске в свет. Доктора Кристофер Фанг и Кеннет Филлипс тщательно проверили все относящееся к медицинской тематике, а Джон Скиллен, Тим Стаффорд и Хэрольд Фикет внесли бесценные редакторские предложения и правки. Машинистка Хэрриет Лонг сумела разобрать совершенно немыслимые каракули рукописи книги. А наш редактор в издательстве Зондervан, Джудит Маркxэм, как всегда замечательно руководила всем издательским процессом. Выражаем свою искреннюю благодарность каждому из них.

Предисловие

Наша первая книга «Ты дивно устроил внутренности мои» вышла в свет в 1980 году, и мы с доктором Брэндом и нашим издателем с огромным волнением ожидали реакцию читателей на нее. Очень мало книг строится на каком-то сравнении, а потому нам трудно было представить, как воспримут книгу читатели.

Когда же мы писали данную книгу, у меня было чувство, что я работаю сразу над тремя изданиями. Во-первых, мне хотелось коснуться основных моментов жизни доктора Брэнда и с помощью фактов его биографии рассказать о профессиональных достижениях этого выдающегося человека, о годах его работы в Англии и Индии. Во-вторых, я надеялся рассказать о чуде — человеческом теле, предоставив вниманию читателей достоверные медицинские факты. И, в-третьих — и это главная суть книги, — осветить те Духовные истины, которые мы постигаем, размышляя о теле. Именно благодаря им описанные факты кажутся нам чудом, вызывают похвалу или же дают пророческое видение. *До тех пор, пока жизнь не станет способом постижения откровений, никакое откровение невозможно.*

Уильям Тэмпл

ПО ОБРАЗУ ЕГО

В каждой главе я старался объединить между собой эти различные направления. Нередко мне казалось, что существуют три отдельные книги, каждая сама по себе, и я делал все возможное, чтобы объединить их в одну. Я трудился не покладая рук только потому, что понял, насколько уникальной и талантливой личностью является доктор Брэнд. Даже после 40 лет медицинской практики он с юношеским задором говорил о величии человеческого тела. Два десятка лет миссионерского служения в Индии помогли Полу Брэнду по-новому — глубже и основательнее — задуматься над главными положениями христианской веры. Ему пришлось многое пережить, перед его глазами прошло немыслимое количество трогательных и волнующих человеческих судеб.

«По образу Его» — продолжение книги «Ты дивно устроил внутренности мои». Но она не является второй частью повествования в прямом смысле этого слова. С самого начала мы собирались выпустить две книги. Если основное внимание в издании «Ты дивно устроил внутренности мои» уделяется отдельным клеткам и их роли в теле, то в данной книге во главу угла ставится связующее начало, те силы, которые объединяют и направляют работу тела. В ней мы говорим о Боге, поддерживающем жизнь в нашем теле.

Каждый раздел начинается с краткого обзора функций человеческого организма. Софокл назвал человеческий организм самым большим чудом из всех земных чудес. Несколько тысяч лет научных открытий лишь подтвердили правильность его слов. Тело гораздо более удивительно, чем мог представить себе Софокл.

Мы думаем, что изучение человеческого тела — занятие само по себе достойное — приносит самые неожиданные плоды. Оно проливает свет на аналогию, встречающуюся в Новом Завете более 30 раз: Тело Христово и Церковь. Христиане представлены как отдельные члены единого Тела, Голова которого — Иисус Христос. Мы, конечно же, ни в коем случае не утверждаем, что Бог создал клетки человеческого организма лишь затем, чтобы разъяснить нам определенные духовные истины; или что биологические факты являются не чем иным, как отражением духовных реалий. Мы просто обращаем ваше внимание на то, что существует бесспорное сходство между человеческим телом и духовным Телом. И это сходство — результат того, что у них один Создатель.

Для воплощения своего замысла гениальный художник может использовать самые разнообразные средства. Но во всех его творениях будет прослеживаться единый стиль, единый подход — то, что характерно только для него. Поэтому неудивительно, что Всевышний Творец оставил Свою подпись под множеством разнообразнейших форм. Если вы посмотрите в телескоп на галактики, планеты и звезды нашей Вселенной, а потом в мощный микроскоп на крошечные молекулы, атомы и электроны, то вы сразу заметите безусловное сходство форм и структур тех и других. Один и тот же Создатель сконструировал оба плана бытия. Он сконструировал человеческое тело, а затем вдохновил авторов Нового Завета обратиться к образу тела, как к модели духовной истины.

Слово «символ» образовалось от двух греческих слов, означающих «перебросить». В этой книге мы попытались перебросить мост между двумя мирами: видимым, реальным и невидимым, духовным. Мы не собираемся создавать новое богословие; наоборот, мы очень хотим разъяснить постулаты уже существующего.

Вплоть до конца XVIII века наука являлась не чем иным, как непосредственным поиском Бога. Когда Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон делали свои

открытия, они искренне считали, что благодаря им человечество сможет лучше понять Бога. Они полагали, что тварный мир является откровением о Его естестве. Теперь очень редко можно встретить подобное отношение к науке. Надеемся, что наша книга окажется исключением из этого правила. Очень хорошо выразил эту мысль Уильям Блэйк: «Если бы входные двери нашего восприятия очистились, то человек стал бы воспринимать все таким, какое оно есть на самом деле, — бесконечным».

В результате моего сотрудничества с Филипом Янси на свет появились две книги, которые во многом отличаются от того, что я смог бы написать самостоятельно. Сами идеи и большинство описываемых в книгах историй — результат моего личного опыта работы в качестве хирурга и биолога. Я начал делать записи, еще работая в Индии, чтобы помочь студентам-медикам обогатить их христианскую веру, дополнив ее новыми знаниями по медицине. Тогда я читал лекции студентам с кафедры небольшой церкви при Христианском медицинском колледже в Веллоре. После этого многие годы рукописи пролежали в ящике моего письменного стола. В конце концов, я почувствовал необходимость поделиться своими мыслями с более широкой аудиторией. В этот момент я и познакомился с Филипом Янси.

Я очень надеялся, что, используя свое писательское мастерство, Филип придаст моим записям более читабельную форму, чем мог бы сделать я сам. И он оправдал мои надежды. Кроме того, задолго до нашей встречи Филип уже начал задумываться о том, что такое боль и страдания и какое влияние они оказывают на людей и их веру. Он стал писать об этом. Теперь, вооружившись моими рукописями и пленками с записями наших бесед, он приступил к более углубленному знакомству с имеющейся на данную тему литературой, а также к изучению анатомии тела и функций его клеток. И к тому времени, когда мы задумали писать книгу, он уже был экспертом по многим разделам и биологии, и богословия.

Очень скоро весь накопившийся материал превратился не в мою, а в нашу книгу. Филип доработал и отшлифовал многие из моих ранних выводов и умозаключений, подвергнув сомнению остальные. Когда первые черновики новой книги легли ко мне на стол, я понял: нужно как следует поразмыслить над теми данными биологии и теми толкованиями христианского богословия, авторство которых принадлежало не мне. Обретавшая новый облик книга явно отличалась от моих первоначальных записей. Некоторые мысли были для меня совершенно новыми. Мы обсуждали их, и многое переписывали заново. Так повторялось несколько раз. Благодаря этому динамичному творческому процессу, мы лучше поняли и стали больше уважать друг друга.

Ради сохранения последовательности излагаемого материала Филип настаивал на том, что книги должны быть написаны от первого лица: везде должно стоять «я», а не «мы». Поэтому получилось, что все мысли в книгах высказываются мной, так как из нас двоих врачом являюсь именно я. Однако меня не может не беспокоить тот факт, что большинство читателей книги «Ты дивно устроил внутренности мои», приславших свои отклики, пришли к выводу: все высказанные в этой книге идеи принадлежат мне, а Филип всего лишь придал им легко читаемую форму. Но это очень далеко от истины. Конечно, некоторые мысли — откровенные и неприкрашенные — являются только моими. Другие подверглись редакции Филипа, т.е. мои мысли он слегка видоизменил. Но немалая часть идей появилась в результате исследовательской и аналитической

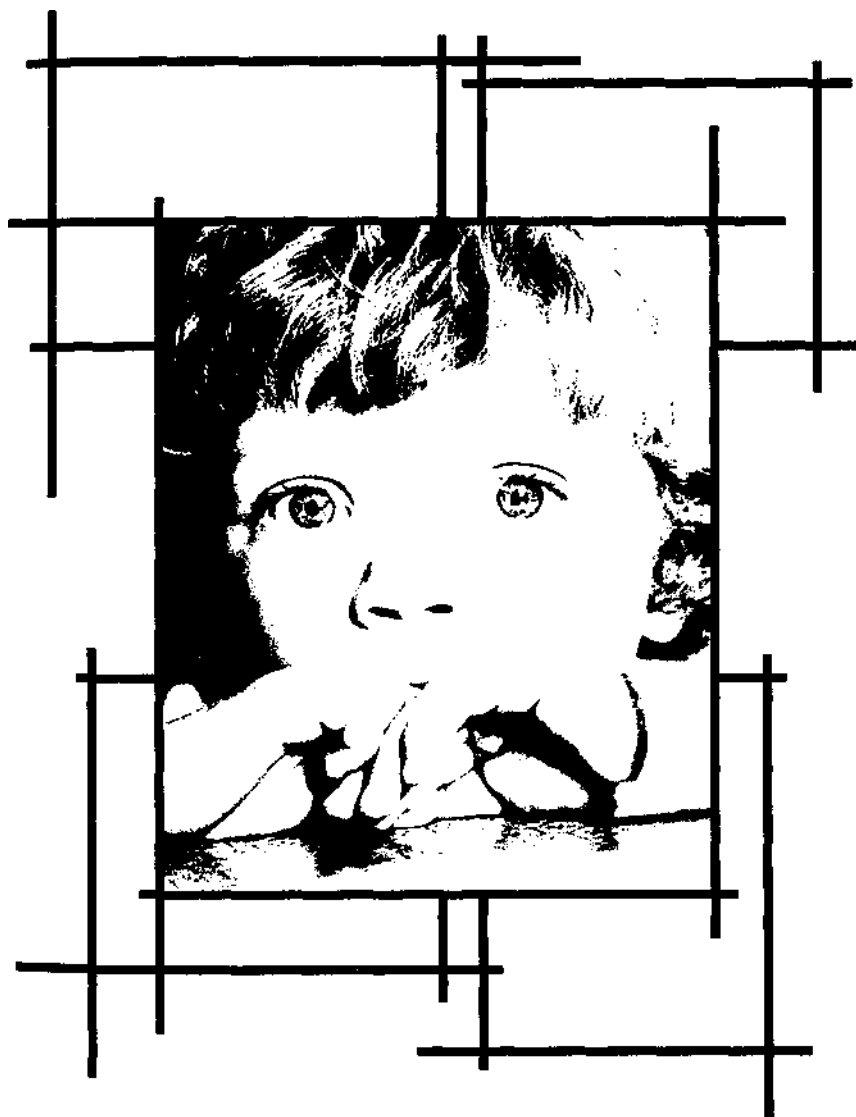
работы самого Филипа. Есть и такие места, в которых я немного поменял акценты и слегка изменил слова, написанные им.

В данном предисловии Филип уже упомянул о том, как нелегко было составить одну полноценную книгу из трех разных. Но этот процесс осложнялся еще и участием двух разных авторов. Повествование книги ведется от первого лица, как будто все написанное принадлежит только мне. Но на самом деле книга создана в самом настоящем соавторстве. Более того, каждый из нас постоянно чувствовал работу и соучастие другого. Эта книга написана во славу Бога и Святого Духа. Иисус Христос помог объединить наши усилия. Так пусть же Святой Дух станет вашим Советчиком во время чтения книги, пусть оживут ее слова и станут говорить с вами не моим голосом или голосом Филипа, а голосом всех членов Тела Христова, Глава которого — Христос.

Пол Брэнд

ПО ОБРАЗУ ЕГО

1. ОБРАЗ

Не счесть всех чудес света; но нет большего чуда, чем человеческое тело.
Софокл

Человеку не дано до конца познать Природу, заглянуть в ее тайны. Мы видим лишь то, что лежит на поверхности. А надо видеть вглубь и ввысь.

Генри Дэвид Торо

*Что за совершенное создание человек! Как благороден разумом! Как бес-
пределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в
действии! Как похож на ангела глубоким постижением! Как похож на некоего
бога!*

Уильям Шекспир

*Человек — это не взмывающий в небо воздушный шарик и не крот, зарыва-
ющийся в землю. Он гораздо больше похож на дерево, корни которого пита-
ются от земли, а ветви тянутся к звездам.*

Герберт Честертон

Что же такое Земля, если не Гнездо, из которого мы все вылетаем?

Эмили Дикинсон

Больничная палата на 40 коек. В углу за занавеской расположилась группа из десяти человек. Это мои студенты-медики и начинающие врачи. Внешне больница Христианского медицинского колледжа в Веллоре напоминала современную западную клинику, внутри же она была типично индийской. За отделявшей нас занавеской жизнь текла своим чередом: родственники навещали больных и кормили их домашними лакомствами, затем медсестры выметали крошки и выбрасывали недоеденные остатки, за которыми уже охотились вороны, а иногда и обезьяны.

Тем временем внимание всех, кто находился по эту сторону занавески, было приковано к нашему молодому коллеге — он ставил диагноз пациентке. Врач стоял на коленях у кровати больной — именно так, как я учил его, — теплую руку он просунул под простыню и положил на голый живот пациентки. Его пальцы осторожно прощупывали больное место, а сам он задавал один за другим вопросы женщине, пытаясь определить, что у нее: аппендицит или воспаление яичников.

Вдруг мне показалось, что выражение лица доктора слегка изменилось. Возможно, чуть приподнялась бровь. Что-то очень знакомое почудилось мне в этом движении, но что именно — я никак не мог вспомнить. Его вопросы затрагивали довольно деликатную тему, особенно для отличающихся скромностью жителей Индии, например: были ли у женщины раньше венерические заболевания? На сосредоточенном лице его застыло выражение одновременного сочувствия, профессионального любопытства и заинтересованного участия. Он спокойно задавал вопросы и смотрел прямо в глаза пациентки. От его ободряющего тона неловкость куда-то исчезла, женщина успокоилась и не стесняясь ответила на все вопросы.

В этот момент я вдруг вспомнил. Ну конечно! Левая бровь поднимается вверх, а правая слегка ползет вниз, губы расползаются в легкой, ободряющей улыбке, голова склоняется набок, в глазах появляется блеск — у меня не было ни малейшего сомнения: это портрет профессора Робина Пилчнера, главного хирурга больницы в Лондоне, где я работал раньше. Я непроизвольно охнул. Студенты чуть вздрогнули и вопросительно посмотрели на меня. А я ничего не мог с собой поделать; у меня было такое ощущение, что молодой врач специально изучил мимику профессора Пилчнера и сейчас демонстрирует свои способности, чтобы произвести на меня впечатление.

Отвечая на любопытные взгляды, я объяснил, что со мной случилось. «Это типичное выражение лица моего бывшего руководителя! Какое совпадение — у Вас точно такое же выражение, хотя Вы никогда не были в Англии, а Пилчнер, конечно, никогда не приезжал в Индию».

В первый момент студенты смотрели на меня, не проронив ни слова. Потом трое смущенно улыбнулись. «Мы не знаем никакого профессора Пилчнера, — сказал один из них. — Но у доктора Ваше выражение лица».

Уже поздно вечером я одиноко сидел в своем кабинете, и вдруг мои мысли перенесли меня в те давние времена, когда я работал под руководством профессора Пилчнера. Мне тогда казалось, что я учусь у него хирургическим приемам и диагностическим процедурам. Но кроме этого он сумел передать мне свое внутреннее чутье, выражение лица, даже улыбку. И все это, в свою очередь, будет передаваться дальше от поколения к поколению по непрерывной человеческой цепочке. У него была добрая улыбка, она просто идеально рассеивала завесу неловкости и замешательства, воодушевляла пациента,

вызывала его на откровенность. Какой учебник, какая компьютерная программа могли научить тому участию, которое было необходимо в данный момент здесь за занавесками больничной палаты?

Сейчас я, ученик Пилчнера, стал связующим звеном в цепочке, по которой передается его мудрость сегодняшним студентам, находящимся за сотни километров от Лондона. Молодой, смуглый доктор — уроженец Индии, говорящий на тамильском наречии, — демонстрировал несомненное сходство с доктором Пилчнером и со мной. Каким-то образом ему удалось продемонстрировать такое точное сходство с моим бывшим учителем, что я мысленно снова оказался в университете, где все и началось. Я ясно прочувствовал, что означает понятие «образ».

В наше время это слово знакомо каждому. Но его прежнее значение — «подобие» видоизменилось, и теперь слово имеет прямо противоположный смысл: «имидж». Политики нанимают себе имиджмейкеров, желающие получить работу идут на собеседование, одеваясь так, чтобы создать определенный имидж, каждая фирма стремится к созданию собственного имиджа. Во всех этих случаях слово «имидж» означает иллюзию того, что хотят преподнести, а не то, чем человек является на самом деле¹. В этой книге, названной «По образу Его», я хочу попытаться вернуть первоначальное значение слову «образ». Образ — это точное сходство, подобие, а не обманчивая иллюзия. Мы обязаны понять это для того, чтобы суметь осмыслить «Божий образ», который мы намерены воплощать. У нас еще сохранились отдаленные представления о первоначальном смысле этого слова. Например, когда я смотрю на нервную клетку через растровый электронный микроскоп, я вижу изображение нейрона. Я вижу не сам нейрон — из-за слишком малого его размера — я вижу лишь его оптическое изображение, соответствующим образом увеличенное специально для восприятия моего глаза. В данном случае изображение существенно увеличивает саму клетку, но несколько не искажает ее образ.

В этом же смысле слово «изображение» используется и фотографами, когда они говорят о конечном результате своего труда. Изображение рожи вечнозеленой секвойи, сплющенное до размеров небольшого черно-белого прямоугольника, естественно, не отражает всей мощи оригинала. Но воссозданное мастером, оно с огромной силой воздействия передает нам сущность своего прототипа.

Или представьте себе завернутый в одеяльце сморщенный шевелящийся комочек протоплазмы весом около четырех килограммов. Отец этого малыша весит раз в пятнадцать больше, у него гораздо более широкий диапазон способностей и ярче выражена личность. Тем не менее, мама гордо заявляет, что ребенок — «вылитая копия» отца. Гость пристально всматривается в малыша. Конечно, сходство есть; очень похожа расширяющаяся, с ямочками по краям линия ноздрей, точь-в-точь такая же ушная мочка. А очень скоро и манера говорить, и жестикуляция, и тысячи других мелких мимических черт будут безошибочно указывать на сходство с отцом.

Все эти смысловые значения слова «образ», применяемые к изображениям микроскопа, фотоаппарата, к сходству ребенка с отцом, несут в себе именно такое

¹ Посмотрите, как легко можно изменить значение слова: рекламные агентства изо дня в день бьются над тем, какой «имидж» придать товарам своих клиентов. 20 лет назад спрос на сигареты со щегольским названием «Мальборо» стал резко падать; мужская часть населения перестала покушать их, потому что у этих сигарет был изначально женский имидж. Была проведена серьезная рекламная кампания, изменившая имидж сигарет; изменилось и их название. Они стали называться «Мужчина из Мальборо». Сейчас имидж этих сигарет — мужественный ковбой, затмевающий собой все вокруг, закуривающий сигарету «Мальборо», тем самым как бы приглашающий вас подняться над повседневностью. Качество сигарет ничуть не изменилось: это те же самые сигареты, что и были раньше. Поменялось лишь иллюзорное представление о них — их имидж. В результате, «Мальборо» — самая популярная марка сигарет в Америке.

понятие «подобия», которое всплыло в моей памяти в связи с профессором Пилчнером, когда я невольно отнес на его счет мимику индийских студентов. Все это — реальные образы, где сходство оригинала с изображением несомненно. И нам становится понятнее великое и до конца непостижимое выражение из Библии: «образ Божий». Выражение появляется в самой первой главе книги Бытия. Чувствуется, что его автора переполняет едва сдерживаемое восхищение, он пытается передать его нам, дважды повторяя одну и ту же мысль: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (1:27). Образ Божий. Его был удостоен первый человек на земле, и в несколько преломленном виде каждый из нас унаследовал это «удивительное, дивное» качество.

Каким же способом человеческие существа способны нести в себе Божий образ? Естественно, мы не можем выглядеть так же, как Он, иметь такие же черты внешности (сходную форму бровей или ушей), ведь Бог — невидимый дух. В течение длительного времени философы и богословы строили различные предположения по поводу того, какая тайна заключена в данном конкретном выражении. Как и следовало ожидать, они пытались объяснить его смысл с помощью тех понятий и идей, которые были господствующими в их время. Так, в эпоху Просвещения ни у кого не вызывало сомнения, что образ Божий — не что иное, как данный человеку разум; пиетисты¹ считали

Божьим образом духовные способности; жившие в викторианскую эпоху определяли образ как способность нести моральную ответственность; а мыслители эпохи Ренессанса объясняли Божий образ как творческую созидательность.

А как считаем мы в наш космический век? Нам говорят, что под Божьим образом подразумевается не что иное, как способность устанавливать тесную связь с другими людьми и с Богом. Так как за все прошедшие века даже профессиональным богословам не удалось прийти к единому мнению по этому вопросу, я не буду утверждать, что образ Божий — это именно то, а не другое. Но как раз образ Божий отличает человека от остальных Божьих созданий, так уделим этому понятию особое внимание.

В книге Бытия словосочетание «образ Божий» впервые появляется при описании завершения созидательной деятельности Бога. После каждого этапа созидания, как скрупулезно подмечается в Бытии, Бог смотрит на Свои творения и говорит, что это «хорошо». Но в созданном пока еще отсутствует такая тварь, которая бы несла в себе Его образ. Только когда закончены все приготовления, Бог объявляет о кульминационном моменте творения: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (1:26).

Среди всех Божьих тварей только человек наследует Божий образ. Именно это качество и отделяет нас от всех остальных. Мы обладаем тем, чем не обладает ни одно животное: своей сущностью мы связаны с Богом. (Позже, когда Бог будет обсуждать с Ноем власть человека над животными, опять всплывет это качество — способность человека нести в себе Божий образ. Именно она решительно и дивно выделяет человека из царства животных. Убийство животного — это одно,

---

¹ Пиетизм — (от лат. pietas — благочестие) — мистическое течение в протестантизме (особенно в немецком лютеранстве) конца XVII—XVIII вв. Пиетисты отвергали внешнюю церковную обрядность, призывали к углублению веры, объявляли греховными развлечения (прим. перев.).

а убийство человека — совсем другое («ибо человек создан по образу Божию» — Быт. 9:6).

Один из величайших художников всех времен изобразил историю сотворения мира на каменных сводах Сикстинской капеллы в Риме. В центральной части шедевра Микеланджело — тот миг, когда Бог пробуждает к жизни человека, передает ему Свой образ.

Мне довелось посетить Сикстинскую капеллу. Только сегодня в ней многое выглядит иначе, чем задумывал Микеланджело. Ему, скорее всего, по-другому мыслилась та обстановка, в которой будет представлено его творение. Туристы посещают капеллу целыми толпами — до нескольких сотен человек за раз — в сопровождении гида, который рассказывает им об этом чуде.

Посетители оказываются совершенно не готовыми к тому, что они видят на сводах капеллы. Удивительные шедевры живописи покрывают каждый сантиметр грандиозной залы. Человек видит образы из Библии: разделение тьмы и света, сотворение Солнца и планет, картины из времен Ноя, страшный суд. И в самом центре этого кружения фресок — словно гигантский зрачок: сотворение человека.

Мускулистое тело Адама покоится на земле в классической позе, в которой принято было изображать речных богов. Все еще сонный, он приподнимает руку к небу, откуда к нему тянется Божья рука. Руки Бога и Адама не соприкасаются. Между их пальцами остается промежуток, по которому, словно по синапсу¹, Божья сила перетекает к человеку.

В каком-то смысле Микеланджело, как никакой другой художник, уловил суть «действия» сотворения человека. Слово «адам» по-еврейски значит «земля» или «прах». Мы и видим: тело Адама покоится на настоящей земле. Но Микеланджело удалось передать двойственную натуру Адама, ибо он изображает первого человека именно в тот момент, когда Бог пробуждает его к духовной жизни. Глава 2 книги Бытия поясняет историю сотворения человека: «И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7).

Когда в детстве я слышал этот стих, то представлял себе Адама лежащим на земле — уже совершенным по форме своей, но еще не живым. И представлял себе Бога, Который склоняется над Ним и делает нечто вроде искусственного дыхания «изо рта в рот». Теперь эта сцена видится мне иначе. Мне кажется, что, с точки зрения биолога, Адам в тот момент уже был «жив» — ведь в животных не нужно было вдыхать смесь кислорода, азота и двуокиси водорода, чтобы они начали дышать самостоятельно, так зачем это проделывать с человеком? Для меня Божье дыхание является символом духовной действительности. В тот момент Адам мне видится живым, но обладающим всего лишь животной жизнью. И вот Бог вдыхает в него новый дух, наполняет его Своим образом. Тут-то и становится Адам живою душою, а не только живым телом. Образ Божий — это не определенная комбинация кожных клеток и не конкретное физическое обличив. Это скорее богоданный дух.

Уникальный творческий акт — Бог вдохнул «дыхание жизни» в человека — отделил людей от всех остальных существ. Биологическое строение — наличие скелета, внутренних органов, жира, кожи — роднит человека с животными. Что там говорить: человек даже проигрывает при сравнении с некоторыми из живых

---

¹ Синапс — так называемая синаптическая щель между клетками живого организма, через которую возбуждение передается от одной клетке к другой (прим. перев.)

организмов. Например, кто может сравниться по красоте с великолепием попугая макао или даже смиренной серебристой ночной бабочки? Лошадь с легкостью обгонит самого быстрого бегуна. Ястреб видит намного дальше человека. Собака улавливает звуки и запахи, неразличимые для человека. Сумма физических свойств человека не более богоподобна, чем набор физических данных кошки.

Но, тем не менее, именно о человеке сказано, что он сотворен по образу Божьему! Для нас оболочка из кожи, мышц и костей служит лишь вместилищем Божьего образа. Мы в состоянии понять и даже отразить некоторые из качеств Творца. Клетки организма, расположенные по указанию ДНК так, а не иначе, могут стать вместилищем Святого Духа. Мы — не «простые смертные». Каждый из нас бессмертен.

Я начал с рассказа о профессоре Пилчнере, моем старом учителе. Будучи еще молодым студентом, я перенял кое-какие из его жестов и привычек, перенял часть его образа и унес с собой за тысячи километров — в Индию. Там я передал частицы его образа индийским студентам. Сегодня мои бывшие студенты трудятся в больницах разных стран мира. В трудную минуту на лице каждого из них может появиться выражение профессора Пилчнера. Произойти это может на Борнео, Филиппинах, в Африке. Сам Пилчнер умер много лет назад, но его частичка — свойственное только ему выражение, которое возникало на его лице в конкретной ситуации, — жива. Она живет на моем лице и на лицах моих учеников.

То же самое хочет видеть в нас Бог, но в большем масштабе. Он просит, чтобы мы несли Его образ миру. Бог есть Дух. Мы не можем увидеть Его в материальном мире. Но Он полагается на нас и хочет, чтобы мы стали плотяной оболочкой Его Духа. Он хочет, чтобы мы были носителями Его образа.

2. ОТРАЖЕНИЕ

*То, что мешает жить,
материалисты ошибочно
принимают за саму жизнь.*

Лев Толстой

*Познай самого себя, ибо ты есть образ Мой. И, познав Меня через свой образ,
ты найдешь Меня в себе.*

Уильям Сен-Тьерский

Проработав 40 лет хирургом, я повидал немало человеческого горя. Но самое сильное впечатление произвели на меня события, произошедшие в самом начале моей хирургической деятельности, когда я еще был студентом. Это случилось во время немецких бомбардировок Лондона в годы Второй мировой войны. Каждый день эскадры огромных, жутких бомбардировщиков «Люфтваффе» появлялись в небе над городом; рев их моторов напоминал оглушительные раскаты грома; из своих бомбовых отсеков они извергали смертоносный груз.

Отдельные эпизоды тех дней настолько сильно врезались в мою память, что и сейчас — спустя 40 лет — все происходящее так же отчетливо стоит у меня перед глазами, как и в тот день, когда произошло прямое попадание бомбы в турецкие бани, расположенные в отеле «Империял». В тот раз не было объявлено воздушной тревоги, и в момент, когда взорвалась бомба, в бане было полно народу. Когда я прибыл на место происшествия, передо мной разыгрывалась сцена из произведения Данте. Перегородки между банными отсеками были стеклянными, и теперь осколки стекла буквально застилали всю улицу. Невообразимо толстые, совершенно голые мужчины пытались выбраться из полыхающего завала, кидались на усыпанный битым стеклом тротуар. Их тела были залиты кровью, текущей из многочисленных порезов; некоторые резаные раны были очень глубокими — кровь буквально лилась рекой. Раздалось запоздалое протяжное завывание сирены воздушной тревоги. Все виделось сквозь отблески пламени — кровь, голые человеческие тела, зловеще сверкающие стеклом улицы. Санитары из машин «скорой помощи» сбивались с ног, помогая пострадавшим. Они осторожно извлекали врезавшиеся в кожу осколки стекол, тщательно перевязывали наиболее кровоточащие раны. А мы, студенты-медики, в это время помчались в свои больницы, чтобы приготовить все необходимое для операций.

Следующей ночью я дежурил на крыше нашей больницы и видел, как бомба попала в палату для новорожденных расположенной по соседству муниципальной Королевской больницы. Верхние этажи мгновенно превратились в дымящиеся руины. Я побежал к больнице. На месте взрыва уже работали добровольцы: откапывали из-под обломков младенцев, большинству из которых не было и недели от роду. Из-под завалов доставали и живых, и мертвых — залитых кровью, забрызганных грязью и засыпанных битым стеклом. Спасатели выстроились цепочкой, как бригада пожарных при тушении огня, и передавали из рук в руки запеленатых грудных детишек.

Эта цепочка протянулась от разрушенного здания больницы до подъезжающих одна за другой машин «скорой помощи». Еле слышное жалобное попискивание младенцев резко контрастировало с ужасом происходящего. Здесь же стояли матери в наспех накинутых халатах; их лица искажал страх и отчаяние: никто из

них не знал: жив ли ее ребенок. В темноте и дыме все младенцы выглядели одинаково.

И по сей день, когда я слышу протяжное завывание сирены, напоминающее сигнал воздушной тревоги во время бомбежек Лондона, меня каждый раз охватывает дрожь, и оживает такое же, как тогда, ужасающее чувство страха. Был период, когда самолеты «Люфтваффе» атаковали наш город в течение 57 ночей подряд, воздушная тревога длилась по восемь часов без перерыва. Каждую ночь прилетало до 1500 самолетов. В эти черные дни все самое дорогое, что у нас было — свобода, независимость, семья, сама жизнь, — погибало под развалинами, в которые бомбардировщики превращали все. Оставалось единственное, что давало нам надежду: храбрость летчиков Королевских Воздушных Сил, которые каждый день неустрашимо взмывали в небеса на битву с врагом.

С земли мы наблюдали за воздушными боями. Английские истребители «Харрикэн» и «Спитфайер» — маленькие и очень маневренные — были похожи на надоедливых комариков, кружащих вокруг огромных немецких бомбардировщиков. И хотя все их попытки казались тщетными и большая часть их гибла под обстрелами, английские летчики не отступали. Каждый день новые и новые бомбардировщики со своим смертоносным грузом на борту, объятые пламенем, падали на землю под наши бурные восторги. Постепенно наши пилоты стали наносить все более точные удары — потери с немецкой стороны неуклонно росли. Вскоре они достигли огромного числа, и... ночные рейды прекратились. Лондон снова стал спать спокойно.

Величайшую благодарность храбрым пилотам выразил Уинстон Черчилль, сказав: «Никогда еще в истории человечества такое малое количество храбрецов не спасало такое огромное количество людей». Не думаю, что когда-нибудь жили на земле юноши, достойные большего уважения. Они — цвет английской нации, самые яркие, самые лучшие, самые надежные, самые преданные и, в большинстве случаев, самые красивые ее представители. Когда они в парадной форме шли по улицам, люди не могли оторвать от них восторженных глаз. Мальчишки подбегали к ним поближе, чтобы лучше рассмотреть и, если повезет, дотронуться рукой. Девушки всей страны завидовали той счастливнице, которой удавалось пройти рядом с молодым человеком в голубой форме летчиков Королевских Воздушных Сил.

Мне довелось познакомиться поближе с некоторыми из этих ребят, правда, случилось это при совсем не романтических обстоятельствах. Истребитель «Харрикэн» — очень подвижный и боеспособный самолет — все-таки имел один существенный конструктивный недостаток. Единственный винтовой мотор был расположен в передней части около кабины пилота, а топливопроводы проходили прямо под кабиной. При прямом попадании снаряда кабина пилота мгновенно оказывалась объята пламенем. Теоретически пилот мог катапультироваться, но в течение одной-двух секунд, необходимых, чтобы дернуть за нужный рычаг, пламя охватывало его лицо.

Я видел немало героев-летчиков, лица которых полностью скрывали бинты — ребята переносили одну мучительную пластическую операцию за другой. Я лечил изуродованные руки и ноги сбитых пилотов. А над их обожженными лицами трудилась бригада специалистов по пластической хирургии.

Сэр Арчибальд Мэкинду и его бригада хирургов, выполняющих пластические операции, буквально творили чудеса. Они придумывали новые реконструктивные способы прямо по ходу операции. Для восстановления лица

они обычно использовали кусочки кожи с живота и груди. В те времена еще не существовало нейрососудистой хирургии: невозможно было просто снять кусок кожи с одного участка тела и сразу пришить его на другой, потому что на разных участках кожа и подкожный слой жира имеют разную толщину. Поэтому делали так: кусок кожи, подготовленный для пересадки, вырезали с трех сторон, а четвертую оставляли нетронутой для поддержания нормального кровообращения до тех пор, пока пересаженный тремя сторонами на новое место кусок не начинал питаться кровью от новых сосудов. Нередко хирурги использовали двухступенчатый процесс: временно пришивали частично отрезанный кусочек кожи с живота пациента на руку, пока кровообращение в руке не восстанавливалось. Затем окончательно вырезали этот кусок из живота. Одна его сторона оставшись закрепленной на руке, и свободный конец пришивался на лоб, щеку или нос. Постепенно кровообращение на той стороне куска кожи, которая соединялась с лицом, восстанавливалось, и кожу окончательно отрезали уже и от руки.

В результате этих сложнейших процедур в больничных палатах можно было увидеть причудливые картины: руки, растущие из головы; длинную трубчатую полоску кожи, тянущуюся от носа, будто хобот слона; веки, сделанные из таких толстых лоскутов кожи, что невозможно было открыть глаза. Обычно летчики переносили по 20 — 40 подобных операций.

В течение всего длительного периода следующих друг за другом утомительных хирургических операций моральное состояние летчиков было, как ни удивительно, на высоте: они жили с сознанием полностью выполненного долга. Самоотверженные медицинские сестры делали все возможное, чтобы создать в палатах теплую, жизнерадостную атмосферу. Летчики не обращали внимания на боль и подшучивали над своими слоновобразными чертами лица. Они были идеальными пациентами.

Но мало-помалу, когда до выписки из больницы оставалось несколько недель, они становились совершенно другими. Мы заметили, что многие из них настойчиво просили врачей внести в их лица какие-нибудь изменения: немного уменьшить кончик носа, поднять вверх уголки губ, сделать чуть-чуть потоньше правое веко. Вскоре до всех нас, включая и самих пациентов, дошло: они пытаются оттянуть время выхода из больницы, потому что не представляют себе, как смогут выдержать реакцию окружающих.

Несмотря на все чудеса, творимые доктором Мэкинду, на его замечательные изобретения, каждое восстановленное лицо неузнаваемо отличалось от прежнего. Ни одному хирургу не подвластно воссоздать необъятный диапазон выражений, которые способно принять молодое красивое лицо. Невозможно до конца оценить всю гибкость, изысканную утонченность века, пока не попытаешься сделать его из гораздо более грубой и шероховатой кожи живота. Эта оттопыренная, неэластичная ткань послужит великолепной защитой глазу, но красоты она лишена напрочь.

Больше всех мне запомнился пилот по имени Питер Фостер; он делился со мной своей тревогой, которая все больше и больше усиливалась с приближением момента выписки. Он сказал, что все страхи и беспокойства становятся особенно ощутимыми, когда он видит свое отражение в зеркале. Изо дня в день месяц за месяцем он смотрелся в зеркало, которое служило ему измерительным устройством: рассматривал в нем рубцовую ткань, появившиеся морщины,

толщину губ и форму носа. После тщательной проверки он просил докторов кое-что подправить, и они говорили, возможно это или нет.

Но чем ближе был день выписки, тем больше менялось его отношение к зеркалу. Теперь, когда он смотрел на свое новое лицо, он пытался взглянуть на себя глазами окружающих. В больнице пилот был объектом всеобщей гордости, окруженным товарищами и заботливым персоналом. За пределами же больницы его могли принять просто за уродца. От таких мыслей невольно бросает в дрожь. Найдется ли девушка, которая пожелает выйти замуж за человека с обезображенным лицом? Захочет ли кто-нибудь дать такому человеку работу? Страшно даже думать об этом.

Фостер пришел к следующему выводу: в этот тяжелейший момент, когда невозможно не задумываться о том новом образе, в котором ты предстанешь перед глазами окружающих, огромное значение имеет отношение к тебе членов семьи и близких друзей. Успех хирурга, восстановившего твое лицо, в данный момент не имеет большого значения. Твое будущее зависит от того, как отреагируют домашние, когда услышат, что хирурги сделали все от них зависящее и что больше с этим лицом сделать ничего нельзя. Что впереди у этих пилотов — любовь и взаимопонимание или безразличие и отчуждение?

Это был очень драматичный период в жизни молодых людей. Им на помощь пришли психологи. В соответствии с душевным состоянием, в котором ребята находились после реакции своих близких, их можно было разделить на две группы. В одной группе были те, чьи подруги и жены не смогли привыкнуть к их новым лицам. Эти женщины, когда-то идеализировавшие своих героев, теперь просто исчезли из их жизни или подали на развод. Характеры молодых людей, которым пришлось столкнуться с этим, конечно же, претерпели серьезные изменения. Они перестали выходить на улицу, постоянно сидели дома, покидая его ненадолго лишь по ночам, искали работу, которую можно было делать на дому. В то же время те, кого приняли и продолжали любить жены и друзья, добились огромных успехов — по существу, они стали элитой Англии. Многие из них впоследствии заняли руководящие посты, стали профессионалами своего дела, добились лидирующего положения в той или иной области.

К счастью, Питер Фостер оказался во второй группе. Его девушка сказала, что для нее он не изменился, лишь кожа на его лице стала толще на несколько миллиметров. Как она выразилась, она любила его самого, а не его оболочку. Они поженились незадолго до того, как Питер вышел из больницы.

Естественно, Питеру пришлось столкнуться с недружелюбным отношением многих окружающих. Некоторые просто отворачивались, когда он шел навстречу. Дети, самая честная и жестокая категория населения, строили ему рожи, смеялись и передразнивали его.

Питеру хотелось крикнуть: «В душе я остался таким же, каким вы знали меня раньше! Неужели вы не узнали меня?» Вместо этого он научился видеть свое отражение в глазах жены. «Она стала моим зеркалом. Она дала мне новый образ меня самого, — констатировал он с благодарностью. — Даже сейчас, независимо от того, как я себя чувствую, она дарит мне свою сердечную, любящую улыбку, когда я смотрю на нее. Это означает, что у меня все прекрасно».

Прошло много лет с тех пор как я лечил молодых военных летчиков. И вот однажды мне на глаза попала статья в Британском журнале по пластической хирургии под названием «Комплекс Квазимодо». Она взволновала меня до глубины души. В этой статье два врача описывают результаты своего иссле-

дования, проведенного на 11 000 заключенных, отбывающих срок в тюрьме за убийство, проституцию, изнасилование и другие серьезные преступления. Авторы приводят множество данных, на основании которых можно сделать следующий вывод: 20,2 % взрослых людей имеют недостатки внешности, которые можно исправить хирургическим путем (оттопыренные уши, изуродованные носы, срезанные подбородки, следы кожных заболеваний, родимые пятна, деформация глаз). А среди 11 000 преступников насчитывается более 60 % подобных случаев.

Авторы, назвавшие данный феномен именем Квазимодо, «горбуна из Нотр-Дама» из романа Виктора Гюго, заканчивают свою статью тревожными вопросами. Сталкивались ли эти преступники с враждебностью и неприятием одноклассников и однокурсников из-за своих дефектов? Могло ли жестокое отношение сверстников вывести их из состояния душевного равновесия, что впоследствии и привело к преступлениям?

Далее авторы предлагают частичное решение данной проблемы: разработать программу развития корректирующей пластической хирургии для всех желающих из числа правонарушителей¹.

Их волнует следующий вопрос: «Если внешний вид заставляет общество отвергать этих людей и, возможно, толкает на преступление, то, может быть, изменение внешности поможет им изменить представление о самих себе?» Будь то преступник из камеры смертников или пилот Королевских Воздушных Сил, — любой человек формирует представление о самом себе во многом благодаря тому образу, отражение которого он видит в глазах окружающих.

Это исследование комплекса Квазимодо статистически описывает состояние, которое постоянно испытывают люди, получившие ожоги, ставшие инвалидами, страдающие проказой. Мы — живущие на земле люди — уделяем чрезмерное внимание своему телу, т.е. физической оболочке, внутри которой находимся. Редкий человек способен видеть сквозь оболочку и ценить внутреннюю человеческую сущность, внутренний образ Божий.

Пока я размышлял над комплексом Квазимодо, я понял, что, по сути говоря, и сам сужу о людях и навешиваю им ярлыки исходя исключительно из внешних данных. Мне вспомнилась одна давняя семейная традиция, установившаяся в нашем доме, когда дети были маленькими. Каждое лето во время школьных каникул я придумывал какую-нибудь приключенческую историю с продолжением, действующими лицами которой были все члены моей семьи со своими реальными именами и чертами характера. Вечерами перед сном, рассказывая детям продолжение истории, я пытался вплести в повествование какой-то эпизод, который был бы полезен с воспитательной точки зрения: если дети услышат о самих себе какие-то подробности, свидетельствующие об их храбрости или доброте, то, возможно, в будущем они постараются применить это на практике.

В этих рассказах присутствовали и отрицательные герои. Я умышленно день за днем нагнетал напряжение, придумывая ситуации, в которых злодеи хитростью заманивали детей в свои сети, а выбраться из них представлялось почти невозможным. Дети должны были приложить все силы, чтобы выпутаться из трудного положения. Сейчас я с содроганием вспоминаю, что моих самых

---

¹ Благодаря авторам этой статьи — Ф. Мастерсу и Д. Гривзу — во многих штатах США были разработаны программы бесплатной пластической хирургии для заключенных, имеющих врожденные физические дефекты.

главных злодеев, кочующих из рассказа в рассказ, звали Изрубцованный и Горбатый. У одного через все лицо проходил безобразный шрам, а другой был маленького роста с огромным горбом на спине. По сюжету эти двое всячески пытались замаскировать свои недостатки, но рано или поздно кто-то из детей разгадывал их хитрость и разоблачал злодеев.

Теперь я задумываюсь: почему тогда дал отрицательным персонажам своих рассказов эти имена и снабдил такими физическими недостатками? Вне всякого сомнения, я следовал сложившемуся стереотипу: мы ставим знак равенства между безобразным внешним видом и отрицательными чертами характера, между красивым внешним видом и положительными чертами характера. Получается, что я непреднамеренно поощрял своих Детей отождествлять уродство со злом, тем самым, возможно, лишая их способности любить людей с физическими недостатками или со шрамами от прошлых ран.

Средневековые правители держали карликов, уродцев и горбунов для развлечения. Наша цивилизованность не позволяет нам этого, но разве не продолжаем мы ставить себя выше таких людей? Прочитав о комплексе Квазимодо и осмыслив все расставленные акценты в собственных рассказах, я стал более внимательно изучать влияние той культуры, которая дает нам представление о совершенной человеческой личности. Для Америки национальным идеалом является высокий, симпатичный и уверенный в себе мужчина или стройная, с выпуклыми формами, постоянно улыбающаяся женщина. Реклама упражнений для создания стройной фигуры, диет для похудения, коррекции черт лица, «скрывающей все недостатки» одежды постоянно подчеркивает нашу зависимость от физической красоты. Если бы мы судили о населении Америки по тем образам, которые создаются журналами и телевидением, мы подумали бы, что живем в обществе богов и богинь.

Результат нашей заикленности на физическом совершенстве я видел на своих страдающих проказой пациентах, которым никогда не удастся воплотить образ олимпийского чемпиона или «мисс Америки». Еще более страстные попытки достичь совершенства я стал наблюдать на собственных детях, когда они начали ходить в школу. Каким-то образом созданные нами идеалы превратили нас в рабов: в наших представлениях уже не находится места полному, стеснительному или некрасивому ребенку. Такие дети постоянно сталкиваются с неприязненным отношением. «Зеркала» в лице окружающих формируют их представление о самих себе, и это представление не соответствует принятым стандартам. Скольких Солков и Пастеров¹ мы недосчитались из-за убийственного неприятия окружающими!

Нам еще очень многому надо научиться, чтобы правильно отражать увиденное. Я всю жизнь занимался медициной для того, чтобы совершенствовать «оболочки» своих пациентов. Я старался лечить их больные руки, ноги, лица, делать их такими, какими они должны были быть изначально. Я радовался, когда мои больные заново учились ходить, работать руками, а потом возвращались в свои деревни, в свои семьи, чтобы жить нормальной жизнью.

Но все более четко я понимаю, что та физическая оболочка, на которую я трачу столько времени, — это далеко не сам человек. Моих пациентов нельзя назвать простой комбинацией сухожилий, мышц, волосяных мешочков, нервных и

---

¹ Солк — создатель вакцины против полиомиелита (прим. перев.).

Пастер — основоположник современной микробиологии и иммунологии (прим. перев.).

кожных клеток. В каждом из них, невзирая на физические недостатки или увечья, живет бессмертный дух. Они являются сосудами Божьего образа. Их физические тела однажды перемешаются с частицами земли, станут «гумусом», который некогда составлял их человеческое естество. Но души их будут жить, и то воздействие, которое я окажу на них, возможно, будет гораздо значительнее, чем мои попытки исправить их физические недостатки.

В нашем обществе поклоняются силе, богатству и красоте. Но Бог поселил меня среди прокаженных — слабых, бедных и некрасивых. И в этой среде все мы, как и жена Питера Фостера, являемся зеркалами. Каждый из нас способен пробуждать во встреченных нами людях образ Божий, зажигать Божью искру в их человеческом духе. Мы вольны поступить иначе: можем проглядеть в них Божий образ или проигнорировать его и судить о людях только по их внешности. Поэтому я молю Бога, чтобы Он помог мне видеть Божий образ в каждом, кого я встречаю, видеть ценность каждого человека, а не только тот имидж, который он выработал или стремится выработать¹.

Мать Тереза говорила, что когда смотрит в лицо умирающего бедняка в Калькутте, то молит Бога увидеть лицо Иисуса Христа, чтобы служить умирающему так, как служила бы Самому Христу. Клайв Льюис выразил сходную мысль: «Очень серьезная вещь — жить в обществе будущих вечных жителей: при этом надо помнить, что скучнейший из людей может однажды превратиться в существо, которому вы, повстречай вы его теперь, захотели бы поклониться; или же может стать жуткой, мерзкой тварью, которую увидишь разве что в кошмарном сне. И вот, целые дни мы только и делаем, что помогаем друг другу достичь одного из этих состояний».

---

¹ Автор книги Притч говорит о ценности человеческой личности: «Кто теснит бедного, тот хулит Творца его; чтущий же Его благотворит нуждающемуся» (Пр. 14:31).

3. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сам Адам теперь развеян по лицу земли. Пребывая целиком в одном месте, он поддался искушению и пал. Будучи же развеян в прах, он наполнил собой вселенную. По милости Своей Бог собрал его останки и, пропустив через горнило благодати Своей, восстановил нарушенное единство.

Блаженный Августин, «Град Божий»

Но христианский идеал изменил, перевернул все так, что, как сказано в Евангелии: «что было велико перед людьми, стало мерзостью перед Богом». Идеалом стало не величие фараона и римского императора, не красота грека или богатства Финикии, а смирение, целомудрие, сострадание, любовь. Героем стал не богач, а нищий Лазарь; Мария Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаяния; не приобретатели богатства, а раздававшие его, живущие не во дворцах, а в катакомбах и хижинах, не властвующие люди над другими, а люди, не признающие ничьей власти, кроме Бога.

Лев Толстой, «Что такое искусство?»

Я стою под сводами Сикстинской капеллы. Большая часть туристов ушла. Близятся сумерки. Свет приобрел золотистый оттенок. Шея слегка болит оттого, что я уже давно хожу с поднятой вверх головой. Я думаю: как чувствовал себя Микеланджело, покидая эти стены после рабочего дня? Взгляд мой постоянно возвращается к центральной сцене росписи — Бог дает человеку жизнь. Благодаря образу Божьему, каждый человек обладает внутренним достоинством и ценностью. Ничто не говорит ярче об этой внутренней силе человека, чем окружающие меня фрески. Но, когда я смотрю на сцену сотворения человека, кое-что меня беспокоит. Микеланджело мастерски изобразил двойственную натуру человека и драматичность акта его сотворения. Но ему, как и всем остальным художникам, так и не удалось написать Бога. Бог у Микеланджело — это не дух, а Бог, сотворенный по образу человека.

За шесть веков до рождения Христа греческий философ Ксенофан¹ отмечал: «Если бы у волов, лошадей и львов были руки и они умели создавать произведения искусства, какие умеет делать человек, то лошади нарисовали бы богов подобными лошадям, волы — подобными волам... Эфиопы изображают богов с широкими носами и черными волосами, фракийцы — с серыми глазами и рыжими волосами».

Бог Микеланджело обладает всеми признаками человека — даже его прямой римский нос похож на нос Адама. Сходство между Богом и человеком художник изобразил буквально, физически, но никак не духовно. Более того: если взять лицо Адама и состарить его, увенчать седыми кудрями и бородой, то у вас получится микеланджеловский Бог Отец.

Как же может художник нарисовать Бога, Который есть Дух? А если мы не в состоянии Его увидеть, то как мы можем выдумать Его образ? В нашем языке есть множество точных и замечательных слов, позволяющих описать материальный мир, но, как только доходит до духовных материй, язык теряет силу. Даже само слово «дух» на многих языках означает лишь «дыхание» или

---

¹ Ксенофан (570—480 гг. до Р.Х.) — греческий философ, поэт и рапсо́д. В центре его философии — критика традиционной религии. Он осуждает людей за то, что они представляли богов подобными себе. В противовес им Ксенофан развивал пантеистическое представление: бог — неотделимый от мира и пронизывающий его мировой дух, который правит Вселенной силой своего разума и которого нельзя сравнивать с людьми (прим. перев.).

«ветер»¹. Через весь Ветхий Завет проходит мысль о том, что Бог есть Дух и что никакой земной образ не может отразить Его сущность.

Вторая заповедь запрещает создавать изображения Бога. И всякий раз, когда евреи пытались это сделать, Бог называл их порывы святотатственными. Пожив в стране, в которой изобилуют изображения богов и идолы, я хорошо могу понять сущность этого запрета.

В индуизме существует около тысячи разных богов. В индийском городе не пройти и нескольких шагов, чтобы не увидеть идола или изображение какого-нибудь божества. Я наблюдал, какое воздействие оказывают эти изображения на рядовых индийцев. С одной стороны, они принижают самих богов. Боги теряют ореол святости и тайны, становятся чем-то вроде амулетов или талисманов. Таксист приделывает статуэтку богини на крышу своего автомобиля, украшает ее цветами, курит ей благовония — так он молится о безопасном пути. Для других индийцев боги становятся гротескными символами, внушающими страх, требующими раболепства. Например, у жестокой богини Кали — пламя вместо языка, а талию охватывает пояс из окровавленных голов. Индийцы могут поклоняться змее, крысе, изображению фаллоса, даже богине чумы. Именно такие символы пестрят на стенах местных храмов.

Немудрено, что Библия предупреждает нас не низводить Божий образ до уровня материального. Изображение ограничивает наше восприятие подлинной сущности Бога. Он может показаться нам просто бородатым старцем в небесах, как это получилось на картине Микеланджело. Будучи вездесущим Духом, Бог не может обладать сковывающей Его оболочкой. «Итак кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему?» — говорит пророк Исайя (Ис. 40:18)².

Итак, нашего Бога невозможно изобразить. Но на кого же Он похож? Как нам найти Его? Где увидеть Его образ? Каким-то чудом Божье естество проникло в первых людей, и они служили Его образами на этой планете. Некоторое время материальное естество, состоящее из внутренних органов, крови и костей человека, и духовное начало, служащее для связи человека с Богом, мирно уживались. Но, как это ни грустно, гармония не продлилась долго.

Событие, описанное в главе 3 книги Бытия нарушило равновесие между двумя естествами человека. Бунт Адама и Евы навсегда исказил вживленный в них Божий образ. В этот-то миг и разверзлась пропасть, разрушившая связь между человеком и Богом. Теперь, когда мы смотрим на людей, мы видим среди них личности, похожие на Чингисхана, Сталина, Гитлера. Далекая трагедия оставила след в каждом из нас — Божий образ был нарушен. Все мы и каждый из нас не в состоянии уже адекватно служить «отражениями» Бога. История человечества — печальное доказательство нашей непохожести на Бога.

Недостаточно показать наличие в себе духа, недостаточно явить чувство собственного достоинства. Нужно нечто большее, чтобы понять, Каков Бог. Нам нужен новый образ, новый пример богоподобия.

Христиане твердо верят, что образ Божий был явлен нам в лице Иисуса Христа, Второго Адама. Пришествие Его перевернуло мир, породило новую религию. Бог Дух согласился стать человеком, облечь дух в плоть. Бог жил внутри состоящего из кожи, костей и крови тела, словно в микрокосме. Жил, как живет солнце в

¹ Эта закономерность прослеживается в славянских языках, в том числе и русском, где слово «дух» означает «дыхание», «воздух» и даже «аромат», «запах» (прим. перев.).

² В главе 44 книги пророка Исайя приведена речь Бога, в которой убедительно и остроумно говорится о глупости людей, создающих идолов.

капле воды. Как сказал Герберт Честертон, «Бог, Которого считали окружностью, стал ее центром».

В трех местах Нового Завета Иисуса Христа называют Словом (см. Кол. 1:15; 2 Кор. 4:4; Евр. 1:3). Он, как говорится в отрывке из Послания к Евреям, — «сияние славы и образ ипостаси Его». Христос пришел на землю, чтобы явить нам образ Божий в полном смысле этого слова. Он в точности показал нам, Каков Отец, и одел Свой ответ в телесную оболочку. «В Отце, — говорит Майкл Рэмси¹, — нет ничего нехристоподобного».

Врачи предупреждают нас, что очень опасно смотреть на небо, особенно при ярком солнце: клетки световых рецепторов невооруженного глаза «зашкаливают», и, даже закрыв глаза, вы будете видеть образ этой звезды, прожегший вашу сетчатку, словно огнем. Так же и с Иисусом Христом. В визуально доступной нам форме Он «вжигает» в нас образ Божий.

И вот в чем загадка: образ, который открывает нам Иисус, удивляет почти каждого. Многие из нас уже слышали об Иисусе и даже видели киноверсии Его жизни. Мы живем во власти стереотипов: для многих из нас Иисус — тоже один из стереотипов. Каким шоком, каким потрясением оказывается для нас мысль о том, что Бог просто взял и пришел в мир «инкогнито»! Он не явился в Риме, не родился в Иерусалиме, а выбрал место из тех, которые принято называть «забытыми Богом». Он не пришел в царском облике, в котором Его ожидали увидеть. Некоторые даже дивились: «Не плотника ли это сын?» Да и народная мудрость Ему не льстила: «Может ли что путное выйти из Назарета?» — говорила пословица. Ему не верили собственные братья; однажды они даже сочли Его сумасшедшим. Иоанн Креститель — который предсказывал пришествие Христа, крестил Его, — и то колебался в вере на закате своей жизни. Ближайший ученик Иисуса проклял Его.

Иисус говорил, что Он царь, выше, чем был Давид. Но ничто в Его облике не выдавало царственной особы. Он не носил оружия, не размахивал знаменами. Единственный раз Он позволил устроить торжественную процессию, да и тогда ехал на осле, а ноги Его волочились по пыли. Совершенно ясно: Иисус никак не походил на укоренившийся в народе образ царя или Бога.

Мы инстинктивно представляем себе Иисуса образцом физического совершенства. Художники изображали Его высоким, с развевающимися волосами, тонкими чертами лица — идеалом красоты. А почему? Нигде в Писании не говорится о Его физическом совершенстве.

Помню, когда я был еще маленьким, моя тетушка Яниса вернулась домой из церкви в ярости. Ей зачитали описание Иисуса Христа, приведенное Иосифом Флавием или каким-то другим историком, и в нем говорилось, что Иисус был горбуном. Тетушка дрожала от стыда и гнева. Она заявила, что это — чистое святотатство. «Мерзкая карикатура, а не описание моего Господа!» Я был очень впечатлительным ребенком и просто не мог не кивать головой, сочувствуя ей и негодуя вместе с ней.

Но мысль об уродстве Иисуса потрясла меня, а потому теперь я уже не испытаю шока, узнав, что Иисус не был красавцем и физическим совершенством. В Библии нигде не приводится описание лица и тела Иисуса, но нечто вроде описания есть в пророчестве о слуге-страдальце, данном Исайей:

---

¹ Майкл Рэмси с 1961 по 1974 г. был архиепископом Кентерберийским, главой англиканской церкви. Считается одним из выдающихся англиканских богословов, автор книг «Воскресение Христа», «Слава Божия и Преображение Христово» (прим. перев.).

*«...Как многие изумлялись,
смотря на Тебя, — столько был обезображен
паче всякого человека лик Его, и вид Его —
паче сынов человеческих!.. ...Нет в Нем ни вида, ни величия;
и мы видели Его,
и не было в Нем вида,
который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми,
муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него
лице свое; Он был презираем,
и мы ни во что ставили Его» (Ис. 52:14; 53:2-3).*

Иисус отождествлял Себя с голодными, больными, странниками, нагими, пленниками, причем так полно, что даже сказал: если вы сделали что-то для этих убогих, то считайте, что сделали для Самого Христа (см. Мф. 25:40). Мы встречаем Сына Божьего не в коридорах власти и богатства, а на перепутьях человеческих страданий и нужды. Иисус добровольно встает в ряды тех, кто казался миру безобразным и ненужным.

Именно факт самоотождествления Иисуса с наименьшими мира сего и научил меня правильно понимать слово «образ». Будучи на земле, Бог вовсе не старался создать Себе «идеальный» по людским меркам «имидж». Зато люди в большинстве своем стремятся к этому — в деловом мире, на конкурсах красоты, во время предвыборных кампаний. Тем не менее, Тот, Кто пришел из малоизвестного Назарета — сын плотника, израненное, прибитое ко кресту тело, — смог явить нам образ Божий, показать точное подобие Бога.

Мне трудно сказать, какое воздействие эта истина оказывает на человека, который никогда не сможет стать «самым-самым» по мирским меркам. Подумайте о прокаженных из Индии. Они страшно бедны, изуродованы болезнью. Для них Иисус становится единственной надеждой.

Иисус, подобие Бога во плоти, явил нам Божий образ. Но с самого начала Он предупреждал, что Его физическое присутствие на земле — явление временное. У Него была очень важная задача: восстановить нарушенный образ Божий, который некогда был дан человеку.

Божий промысел на земле не прекратился с вознесением Иисуса Христа. Его образ не исчез в момент восшествия к Отцу. Новый Завет говорит о новом Телѣ, состоящем из отдельных членов — людей, объединенных Божьим трудом. Говоря об этом Телѣ, священнописатели намеренно используют слово, впервые прозвучавшее в рассказе о сотворении человека, а потом — в описании Христа. Мы призваны Богом, сказал Павел, «(быть) подобными образу Сына Своего (Божия), дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим. 8:29).

Наша книга «По образу Его» — вовсе не рассказ о естестве отдельных людей. Мы не будем исследовать психические и умственные способности каждого из нас. Вместо этого мы поговорим об общине людей, которую в Новом Завете более двух Десятков раз называют Телом Христовым. Все мы, соединенные с Ним, являемся продолжением Его воплощения. Бог воспроизводит Свой образ в миллионах подобных нам обычных людей и оживляет этот образ в нас. Вот истинная тайна христианства.

Мы призваны быть частицей Тела и нести в себе образ Христов, потому что каждый из нас в отдельности не в состоянии быть совершенным Образом. Образ каждого из нас частично неверен, частично извращен. Он подобен осколку

одного большого зеркала. Но все вместе мы, такие разные, можем восстановить образ Божий в мире, ибо мы — община верующих.

Чтобы знать, куда идти, достаточно взглянуть на Иисуса — на Его божественный образ, зажженный в нашем сознании. На Его удивительные качества — смирение, желание служить, любовь — равняется все Тело Христово. Нам уже не нужно лезть из кожи вон, чтобы создать себе имидж, что-то доказать другим. Отныне наша главная задача — показать миру Его образ. Мирские представления об успехе — сила, ум, богатство, красота, власть — мало касаются Божьего образа¹.

Мне никак не удавалось до конца осмыслить революционный характер учения Иисуса. Помогла работа среди прокаженных в Индии. Я вновь и вновь смотрел на этих изгнанных из общества людей, которые умели излучать Божью любовь и благодать гораздо сильнее, чем богатые, красивые и благополучные христиане, которых я знал дома. Как Сам Бог облекся в смиренный облик, так и Его самые верные последователи отличались кротостью. У них было естественное право на горечь и обиды, тем не менее, степень преданности и духовной зрелости пациентов, познавших Христа, иногда заставляла нас — врачей и миссионеров — стыдиться за себя. Я бился над парадоксом: те, у кого было меньше всех причин благодарить Бога, лучше всех умели проявлять Божью любовь.

Эта тенденция прослеживалась настолько явно, что я задумался и стал перечитывать те места Библии, которые до этого просто не принимал в расчет. Изучив их, я, признаюсь, смутился. Описывая коринфскую церковь, Павел говорит: «Не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1:26-29). На ум мне приходили и некоторые высказывания Иисуса. Например, Нагорная проповедь, в которой Он загадочно благословляет нищих, скорбящих, гонимых. Вспомнились и Его слова о том, как трудно богатому войти в Царствие Небесное, а также осуждение Иисусом гордыни и себялюбия.

И даже сейчас, когда я читаю эти отрывки, я мысленно возвращаюсь к тому слову, которое мы с вами обсуждали выше, — к слову «образ» и его современному эквиваленту «имидж». Всеми силами души я стараюсь восстановить попорченное самовосприятие своих пациентов. Но когда я обращаюсь к Писанию, то вижу на его страницах совсем иное представление об образе, и к нему никак не применимы мирские критерии успеха. Писание показывает мне действительность совершенно противоположного принципа — некоего «комплекса Квазимодо наизнанку».

Самомнение человека чаще всего основывается на его собственной физической привлекательности, спортивности, профессиональных навыках. Я трудился ради того, чтобы вернуть все эти сопутствующие успеху элементы обожженным летчикам в Англии и прокаженным в Индии, а теперь и в Америке. Но вен парадокс: каждый из этих всеми желанных элементов может отделить человека от Божьего образа. Ибо всякое собственное качество и умение мешает человеку положиться на Бога. Красивым, сильным, влиятельным, богатым очень нелегко

¹ «Да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим.

Но хвалящийся хвалится тем, что разумеет и знает Меня, что Я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне» (Иер. 9:23-24).

явить образ Божий. Но дух Его ослепительно сияет сквозь немощь слабых, бедных, уродливых. И, зачастую, чем больше искалечено тело, тем ярче светит через него образ Божий.

Это открытие так шокировало меня еще и потому, что вдруг понял: до сих пор я всегда старался окружить себя людьми успешными, умными, красивыми. Слишком часто я обращал внимание на внешность человека, не удосуживаясь разглядеть в нем Божий образ. Я размышлял о собственной жизни, о людях, которые доходчивее всех явили мне Божий образ, и мысли мои возвращались к троим из них, причем ни один не соответствовал мирским представлениям об успехе.

Ребенком я часто посещал крупные церкви, бывал на христианских собраниях. Мне не раз доводилось слышать самых известных в Англии проповедников, демонстрировавших свою эрудицию и ораторское искусство. Но больше всего мне запомнился проповедник совершенно иного типа. Вилли Лонг — человек, которого я впервые увидел в методистской церкви одного из небольших приморских городков, — поднялся на кафедру в голубой рыбацкой фуфайке. В руках у него были покачивающиеся из стороны в сторону весы, на которых рыбаки обычно взвешивают рыбу. Помещение церкви сразу наполнилось запахом соленого морского прибоя. Этот не слишком образованный человек с сильным норфолкским акцентом, путающий предлоги и окончания, продемонстрировал такую веру, которая, на мой взгляд, и сыграла решающую роль в период становления моей личности. Именно она послужила толчком к пробуждению моей веры. Вилли Лонг дал мне больше, чем все известные проповедники. Когда он стоял перед нами и говорил о Боге, всем казалось, что он вел рассказ о своем личном друге. Он весь светился Божьей любовью, у него слезы стояли в глазах. Вилли Лонг, мало заботящийся о собственном образе в глазах окружающих, открыл для меня образ Божий.

Позже, уже в Индии, мне довелось познакомиться еще с одним человеком, поразившим меня такой же гармонией духа,

— Марией Вержес. Мария была нашим врачом и уникальной личностью: с парализованными ногами она умудрялась работать хирургом. Мне не раз приходилось наблюдать благоговейный трепет, который испытывали пациенты при общении с этой женщиной.

Мария была одной из самых лучших моих студенток. Но случилось так, что она попала в жуткую автомобильную аварию. В результате вся нижняя часть ее тела, начиная от талии, оказалась парализованной. Несколько месяцев она провела на больничной койке, проходя курс лечения и реабилитации. Как она сама считала, восстановительные упражнения для ног были лишь пустой тратой времени, но она твердо верила в божественное исцеление. Она не сомневалась, что в один прекрасный день Бог полностью вернет ей работоспособность нижних конечностей.

Однако со временем Марии хватило мужества посмотреть правде в глаза: она оставила навязчивую идею о чудесном исцелении. Вместо этого она приобрела небывалую силу духа, которая наилучшим образом проявилась в ее теперешнем положении. Наперекор своим физическим недостаткам она закончила учебу и стала работать хирургом в больнице Христианского медицинского колледжа. Она являла собой пример несгибаемой силы духа.

Вдобавок к полной неподвижности нижних конечностей у Марии еще было серьезно травмировано лицо. Пластический хирург провел серию операций по

восстановлению микроструктуры костной ткани ее щек. Он сделал все возможное, но в результате через все лицо девушки прошел огромный, безобразный шрам. Когда Мария улыбалась, на нее было больно смотреть. Но то влияние, которое она оказывала на пациентов в Веллоре, трудно было переоценить.

Страдающие проказой пациенты с утра в подавленном состоянии бесцельно слонялись по проходам между кроватями своих палат (в то время их передвижение по остальным помещениям больницы было строго ограничено). Вдруг до них доносилось еле слышное поскрипывание. Это означало, что инвалидная коляска Марии движется в их направлении. В мгновение ока все лица расцветали такими сияющими улыбками, как будто им объявили, что они полностью выздоровели. Мария обладала способностью вселять в людей веру и надежду. Каждый раз, когда я вспоминаю Марию, я вижу не ее лицо, а его отражение в лицах множества людей. Я вижу не ее образ, а образ Бога, проступающий через ее обезображенную физическую оболочку.

И есть еще одна личность, стоящая над всеми остальными, оказавшая огромное влияние на мою жизнь. Это моя мама Бабуля Брэнд. Я не могу говорить о ней иначе, как с теплотой и любовью. В молодости она отличалась классической красотой — и фотографии могут доказать это, — но к старости тяжелейшие условия существования в Индии, последствия падений с лошади, борьба с брюшным тифом, дизентерией и малярией превратили ее в изможденную, сгорбленную старушку. Постоянные ветры и палящее солнце иссушили ее кожу: лицо покрылось такими глубокими и длинными морщинами, которых я не видел больше ни у одного человека. Она знала лучше других, что ее внешность не очень привлекательна, поэтому у нее в доме не было ни одного зеркала.

Мама жила и работала в горной местности на юге Индии. Ей было 75 лет, когда она упала и сломала бедро. Всю ночь она пролежала на полу, корчась от боли, пока наутро ее не обнаружил рабочий. Связав доски и уложив на них маму, четверо мужчин по горной тропе доставили ее вниз к подножию горы. Потом ее погрузили на джип, и почти 250 км она тряслась по проселочной дороге, испытывая сильнейшую боль при каждом толчке. (Она уже однажды проделывала такое же путешествие, когда в первый раз упала с лошади на крутой горной дороге; после того падения у нее развился паралич ног ниже колен).

После этого случая я отправился в расположенную высоко в горах глинобитную хижину мамы, чтобы уговорить ее, наконец, оставить все свои дела и уйти на отдых. К тому времени она передвигалась только с помощью двух длинных бамбуковых палок: она должна была переставлять одну за другой палки и затем по очереди подтаскивать к ним ноги, причем каждую ногу надо было поднять повыше, чтобы она не волочилась по земле — это причиняло ей сильную боль. Тем не менее, преодолевая эту боль, мама продолжала ездить на лошади по отдаленным деревням, неся их жителям Благоую весть и врачую болезни. Я приехал, вооружившись, как мне казалось, неотразимыми доводами, чтобы убедить маму выйти на пенсию. Ей было небезопасно оставаться жить в уединенном месте, от которого около суток надо было добираться до ближайшего населенного пункта, где могли бы оказать более или менее квалифицированную помощь. Ее парализованные ноги, неспособность нормально ходить вызывали немалую тревогу. Кроме того, после полученных ранее переломов ребер и трещин позвонков, ее мучили непроходящие боли в позвоночнике. А еще она перенесла сотрясение мозга, перелом бедренной кости, тяжелейшую инфекцию...

«Даже самые лучшие люди на восьмом десятке уходят на пенсию, — с улыбкой закончил я свою речь. — Мама, переезжай к нам в Веллор и живи с нами».

Бабуля не восприняла всерьез ни один из моих аргументов. Она удивленно спросила: «А кто же будет работать здесь? Во всей ближайшей округе нет больше никого, кто мог бы благовествовать, перевязывать раны и удалять зубы». И закончила следующими словами: «В любом случае незачем беречь мое старое тело, если оно больше не будет служить там, куда призывает его Бог».

И мама осталась жить в горах. Спустя 18 лет, когда ей было уже 93 года, она с большой неохотой отказалась от поездок верхом на своем пони, потому что слишком часто падала с него. Преданные ей индийцы стали носить ее из селения в селение в гамаке. Таким образом она продолжала заниматься своей миссионерской деятельностью еще два года; она умерла в возрасте 95 лет. Ее похоронили, как она просила, завернув в старенькую простыню — без гроба. Так хоронят простых деревенских жителей. Ее угнетала сама мысль, что на ее гроб будет потрачена дорогостоящая древесина. Кроме того, ей нравился простой символический переход физического тела в органическое состояние, в то время как душа становилась свободной.

Одно из моих последних и самых сильных зрительных воспоминаний о маме связано с деревенькой, расположенной в горячо любимых ею горах. Она сидела на невысокой каменной ограде, окружавшей деревню. Вокруг нее стояла толпа людей, которые жадно слушали все, что она рассказывала им о Христе. Люди сначала молча замерли, склонив головы, а потом стали задавать маме один за другим очень взвешенные, продуманные вопросы. Мамины слезящиеся глаза сияли. Я стоял рядом с ней и старался понять, что эта полуслепая женщина видит в этот момент перед собой. Перед нами были сосредоточенные лица, выражающие абсолютное доверие и искреннюю привязанность к той, кого они бесконечно любили.

Я уверен: при всей своей относительной молодости, энергии, всех специальных знаниях о здоровье и сельском хозяйстве, я никогда не сумею заслужить такую же любовь и преданность этих людей. Когда они смотрят на старое морщинистое лицо, съезжившиеся ткани становятся все прозрачнее, потом как бы совсем растворяются, и их глазам предстает излучающая яркий свет душа. Она им кажется необыкновенно прекрасной. Бабуля Брэнд не нуждалась в сверкающем хромированной окантовкой зеркале, вместо него перед ней были пылкие лица тысяч индийских деревенских жителей. Ее состарившийся физический образ являл собой не что иное, как образ Бога, светящийся сквозь нее как путеводная звезда.

Вилли Лонг, Мария Вержес, Бабуля Брэнд — вот три человека, в которых я видел Божий образ наиболее отчетливо. Я не говорю, что Мисс Вселенная или Олимпийский чемпион не могут продемонстрировать любовь и силу Бога. Но мне кажется, что они отчасти находятся в невыгодном положении. Талант, приятная внешность, комплименты окружающих — все это оттесняет на второй план такие качества, как скромность, самоотверженность и любовь, т.е. именно то, что требует Христос от всех, кто несет Его образ.

В Писании сказано абсолютно ясно: «Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге» (1 Кор. 12:24-25). В наших физических телах, как подчеркивает Павел, те части, которые кажутся слабейшими, оказываются самыми нужными, а которые кажутся наименее благородными — демонстрируют

наибольшую скромность. То же самое можно сказать и о Телѣ Христовом. Когда мы присоединяемся к Его Телу, мы должны стремиться найти образ Самого Бога, а не свой собственный. Мы найдем его, если перестанем считать себя центром всего. Мы найдем его, если избавимся от разрушительной зависимости от собственного образа ради принятия Его восхитительного образа.

Я, Пол Брэнд, семидесяти лет от роду, с гораздо большим, чем мне хотелось бы, количеством морщин и гораздо меньшим количеством волос, могу не тревожиться по поводу своего здоровья, внешности и способностей, число которых неуклонно уменьшается. Болезненная и нездоровая зависимость от моего собственного воображаемого образа уступает место свободной, радостной зависимости от самого образа Божьего.

Я вижу, что становлюсь все менее самостоятельным. Мне нечем гордиться. Но я принадлежу к Телу Христову, и эта принадлежность таит в себе высшую награду. С Божьей точки зрения, мы, члены Тела Христова, поглощены, окружены Телом. Мы — «во Христе», как не устал повторять Павел. Авторы Нового Завета старались подыскать подходящие сравнения, чтобы пояснить эти слова. Они говорят: мы живем, мы пребываем в Нем (см. 1 Ин. 2:6). Мы — «Христово благоухание Богу» (2 Кор. 2:15). Мы сияем, как светила в мире (см. Флп. 2:15). Мы «святые и непорочны пред Ним в любви» (Еф. 1:4). Это лишь несколько отрывков. Все новозаветные послания рассказывают нам о том, кем мы являемся, будучи во Христе. Мы — радость Божия, Его гордость, мы — эксперимент Божий на земле. Мы призваны явить Его мудрость «начальствам и властям на небесах» (Еф. 3:10). Бог через нас восстанавливает на земле Свой разрушенный при грехопадении образ.

Членами Его Тела стали представители всех стран и народностей. Ибо в Нем нет ни эллина, ни еврея, ни раба, ни свободного. Простой рыбак, летчик с обожженным лицом, паралитик, ветхая старуха с радостью могут занять в Телѣ свое законное место. И тогда мы одеваемся в Его славу. Нашей славы тут нет. Труднее приходится обладателям богатства, красивой внешности, спокойной жизни. Но для всех нас награда одна: Бог будет судить нас исходя не из наших заслуг или промахов, а только из заслуг Христовых. Когда Он смотрит на нас, то видит Своего возлюбленного Сына.

«Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18).

4. СИЛА

Муха — более благородное создание, чем солнце, потому что муха имеет жизнь, а солнце нет.

Блаженный Августин Сила

Моя карьера врача началась в одну из мрачных ночей в Коннотской больнице в восточной части Лондона. До этой ночи я упорно игнорировал любые попытки окружающих уговорить меня поступить в медицинский колледж. В течение длительного времени моя семья целенаправленно убеждала меня заняться медициной; дядя даже предложил оплатить весь курс учебы в университете. Я оканчивал школу, когда из Индии вернулась мама, и мы серьезно задумались о моем будущем.

Однажды мы вдвоем с мамой сидели у камина в ее спальне. Мы не виделись шесть лет, и я был потрясен переменами в маминой внешности. Двенадцать лет жизни в сельских районах Индии стерли с ее лица британскую аристократическую отточенность линий, оставив свой разрушительный след. Горе превратило лицо в маску: мой отец умер от гемоглобинурийной лихорадки в этом году. Она вернулась домой отчаявшимся, сломавшимся человеком, ища защиты и убежища.

Для меня было довольно странно обсуждать свое будущее с человеком, которого я не видел шесть лет. «Ты знаешь, твой отец обожал жить в горах и лечить там людей, — мягко начала мама. — Ему всегда хотелось получить хорошее

медицинское образование, а он прошел всего лишь краткий курс в Ливингстонском колледже. Если бы он... кто знает, может быть, сейчас он был бы с нами — он бы знал, как лечить лихорадку».

В маминых глазах стояли слезы, она периодически замолкала, чтобы подавить рыдания. Она стала рассказывать мне о новых законах Индии, запрещающих заниматься врачебной практикой лицам, не являющимся дипломированными специалистами. Потом она вдруг посмотрела мне прямо в глаза и серьезно сказала: «Пол, твой отец все время мечтал, чтобы ты продолжил его дело. Он хотел, чтобы ты стал настоящим врачом».

«Нет, мама! — Я оборвал ее на полуслове. — Я не хочу быть врачом. Мне не нравится медицина. Я хочу быть строителем: строить дома, школы и, возможно, больницы. Но я не хочу быть врачом».

Она не стала спорить, но я почувствовал, как между нами выросла стена. У меня возникло гнетущее ощущение, что своим нежеланием изучать медицину я разочаровал ее, а также своего отца и великодушного дядю. Я не мог тогда сказать маме, я даже самому себе признавался с трудом, что настоящая причина крылась в другом: я не выносил вида крови и гноя. Меня с самого детства тошнило даже при мысли об этом.

В детстве мы с сестрой жили с родителями в Индии. Естественно, мы — дети — совали свой нос во все их дела. Иногда в наш дом приходили пациенты с загноившимися нарывами, и, когда отец делал перевязку, мы держали наготове бинты. Когда мы жили во временно разбитом лагере, отец ставил стерилизатор куда-нибудь в тень большого дерева, кипятил инструменты и начинал вскрывать нарыв. Он не применял анестезию, поэтому во время вскрытия и дренажа нарыва пациент из-за боли судорожно цеплялся за все что было под рукой. Моя сестра сразу же отворачивалась, как только отец брал в руки нож. Я смеялся над ней и говорил, что мальчишки ничего не боятся.

На самом же деле я органически не переносил крови и гноя. Я ненавидел все эти процедуры и последующую стерилизацию инструментов, и влажную уборку помещения. Спустя годы воспоминания ничуть не притупились, и я категорически не хотел становиться врачом.

Прошло пять лет с того неприятного разговора с мамой. В это трудно поверить, но случилось так, что я стал работать в Конноте, небольшой больнице в восточной части Лондона. Я неукоснительно следовал своей мечте стать строителем: испробовал разные строительные профессии, работая учеником плотника, каменщика, маляра и укладчика. Мне очень нравилось все это. Вечерами я учился, овладевая теорией строительного дела, чтобы получить диплом инженера-строителя. Мне не терпелось освоить специальность и поехать работать в Индию. Миссионерская организация предложила включить меня в список желающих посещать курс обучения в Ливингстонском колледже по курсу «Гигиена и тропическая медицина». Это был тот же курс, который закончил мой отец. В конце курса предполагалась практика, для прохождения которой меня и направили в местную больницу, чтобы я прямо в палатах делал перевязки лежачим больным, а также чтобы учился у опытных врачей основам медицины: ставить диагноз и назначать курс лечения.

И тут случилось непредвиденное. Это произошло во время моего дежурства в Конноте. Случившееся окончательно и бесповоротно изменило мое отношение к медицине. В ту ночь санитар привез в мою палату молодую красивую женщину, попавшую в аварию. Она потеряла много крови, ее кожа была мертвенно

бледной, а каштановые волосы резко контрастировали с белизной кожи. Женщина находилась без сознания.

Персонал больницы быстро и без паники трудился над Доставленной с места аварии пациенткой. Медсестра побежала за бутылкой с донорской кровью, врач возился с капельницей для переливания крови. Другой врач, увидев меня в белом халате, протянул мне манжету от прибора для измерения артериального давления. К счастью, к тому моменту я уже знал, как находить пульс и измерять давление. Но на холодном, влажном запястье женщины не прощупывался даже малейший пульс.

В ярком свете больничных ламп она напоминала восковую Мадонну или гипсовую фигурку святого, которые нередко можно встретить в католических церквях. Даже губы у нее были мертвенно бледными. Когда доктор взял стетоскоп, чтобы прослушать пациентку, и расстегнул одежду у нее на груди, я заметил, что и соски у этой женщины были какими-то побелевшими. На фоне этой повсеместной бледности яркими пятнышками выделялись несколько веснушек. Казалось, что женщина не дышит. Я был в полной уверенности, что она мертва.

Появилась сестра с бутылкой крови, вставила ее в металлический штатив. В этот момент врач вколол в вену пациентки большую иглу. Бутылку подняли как можно выше и соединили с длинной трубкой, чтобы давление в потоке было высоким и кровь быстрее продвигалась по трубке. Меня они попросили проследить и сообщить, когда кровь в бутылке закончится, а сами ушли за новой порцией крови.

Ничто в моей жизни не может сравниться с тем радостным возбуждением, которое охватило меня в следующий миг. Я до мелочей помню все происходящее. Когда все ушли, я нервно теребил руку женщины, пытаюсь нащупать пульс. Вдруг я почувствовал еле-еле различимые слабенькие удары. А может, это пульсация в моем пальце? Я проверил еще раз — нет, это был пульс женщины, едва уловимый, но непрерывный. Принесли и быстро подсоединили следующую бутылку крови. На щеках пациентки появился бледный румянец, как будто на них брызнули и размазали несколько капелек акварельной краски. Постепенно румянец становился сочным и ярким. Губы сначала порозовели, потом стали темно-красными; все тело будто бы вздрогнуло и задышало.

Затем слегка задрожали и стали подниматься ресницы. Женщина открыла глаза и тут же прищурилась от яркого света. Наконец, она посмотрела прямо на меня. К моему огромному удивлению, она заговорила — попросила пить.

Эта молодая женщина появилась в моей жизни около часа назад, но все связанное с ней круто изменило мои привычные представления, Я увидел чудо: мертвая воскресла, воплощение Евы стало дышать, ее тело ожило. Если медицина, если кровь способны на такое...

Я взял в руки пустую стеклянную бутылку, по ее стенкам еще стекали капельки крови. Прочитал надпись на этикетке. Кто дал эти миллилитры жизни? Я попытался представить себе, как выглядит донор, сделавший возможным чудо. На этикетке было написано, что донор проживает в Эссексе, на улице Сэвен Кинге — как раз там, где я работал на строительной фирме. Я закрыл глаза и вспомнил одного из дюжих рабочих, множество которых трудилось на расположенных по соседству многочисленных производствах. В эту минуту, возможно, он поднимался по лестнице строящегося дома или клал кирпичи — большой, пышущий силой и здоровьем, совершенно не думающий об этой

слабой хрупкой женщине, возрожденной благодаря его кровяным клеткам и находящейся на огромном расстоянии от него.

К моменту окончания Ливингстонского колледжа я был страстно влюблен в медицину. Спустя некоторое время, испытывая угрызения совести из-за того, что когда-то гордо отказался от дядиной помощи, я все же обратился к дяде и получил от него финансовую поддержку для учебы на медицинском факультете. Вид крови когда-то отвалил меня от медицины; сила крови, способной вернуть жизнь, теперь привела меня в медицину.

Если человек потеряет много крови, он может упасть в обморок. Наличие крови в моче, кровь, текущая из носа, кровоточащая рана вызывают у нас тревогу и беспокойство. Но мы забываем о величайшей силе крови — силе, которая ни на секунду не дает замереть нашим жизням.

«А что целый день делает моя кровь?» — спросил пятилетний малыш, подозрительно разглядывая свою ободранную копенку. Наши античные предки дали элегантно, нежное и не лишнее чувства юмора определение крови — «чистейший волшебный дивный и приятный сок». Но, думаю, в наше время лучшее представление нам даст технологическая метафора. Представьте себе гигантский трубопровод, простирающийся от Канады через дельту Амазонки, ныряющий в океан и выходящий на поверхность каждого обитаемого острова, далее тянущийся на восток через джунгли, равнины и пустыни Африки, разветвляющийся у берегов Египта, чтобы охватить все европейские страны и Россию, пройти по Ближнему Востоку и Азии, — трубопровод настолько всеобъемлющий и всепроникающий, что он охватывает каждого живущего на Земле человека. По этому трубопроводу движется нескончаемый поток сокровищ: овощи и фрукты с каждого континента; часы, калькуляторы, фотоаппараты и видеокамеры; драгоценные и полудрагоценные камни; множество видов хлебопродуктов и зерновых; все виды и размеры одежды; содержимое крупных торговых центров — и все это в изобилии. Миллиарды людей имеют к трубопроводу доступ: как только им что-то понадобится, они заглядывают в трубу и берут из нее то, что им нужно. А где-то в самом начале трубы все это постоянно производится и загружается внутрь.

Подобный трубопровод существует в каждом из нас. И обслуживает он не шесть миллиардов, а сто триллионов клеток человеческого тела. Волны с нескончаемыми запасами кислорода, аминокислот, азота, натрия, калия, кальция, магния, сахаров, липидов, холестерина и гормонов подкатывают к нашим клеткам, неся все необходимые припасы на плотиках из кровяных клеточек или в жидком виде. У каждой клеточки есть свой особый способ передавать принесенные запасы, являющиеся незаменимым топливом для мельчайших механизмов, вступающих в сложные химические реакции.

Но, кроме того, по этому же трубопроводу удаляются отходы, отработанные газы, использованные компоненты химических реакций. Тело транспортирует все жизненно важные вещества в растворенном виде, потому что это более выгодно с экономической точки зрения¹. Пяти-шести литров этой универсальной жидкости достаточно для обслуживания сотен триллионов клеток тела.

Когда кровь просачивается наружу, она предстает перед нами в виде однородной, липкой и густой субстанции, цвет которой варьируется в диапазоне от ярко-красного до темно-багрового. Ученый-естествоиспытатель и антрополог Лорен

---

¹ Так же транспортируется уголь, который передается по трубопроводам в потоке мазута. Это гораздо эффективнее, чем доставлять его автомобильным или железнодорожным транспортом.

Эйс-ли дал очень точное определение крови: густонаселенная популяция. Однажды, уже в преклонном возрасте, по дороге на работу он споткнулся, упал и сильно разбил лоб. Из раны стала сочиться кровь. Эйсли сел прямо на дороге и в немом оцепенении уставился на образовавшуюся лужицу крови. Позже он написал об этом так:

«Скривившись от боли, я смущенно пробормотал: «Не уходи. Прости меня». Эти слова были адресованы не кому-то конкретно, а частице меня самого. Я был в здравом уме, но мой рассудок странным образом преобразился, и я начал разговаривать с кровяными тельцами, фагоцитами, тромбоцитами — всеми движущимися, живущими независимой жизнью маленькими чудесами, которые были частью меня, а теперь из-за моей глупости и неосторожности умирали, как рыба, вытащенная на берег в жаркий полдень. Я состою из миллионов этих крошечных созданий. Я существую благодаря их тяжелому труду. Они приносят себя в жертву, когда спешат залечить и восстановить нарушенную ткань этого огромного человеческого существа, составной частью которого являются не по своей воле, но которое очень любят. Я — их вселенная, их творение. Первый раз в жизни я явственно ощутил, что люблю их. Тогда (впрочем, как и сейчас — через много лет) мне показалось, что я стал причиной огромного количества смертей на планете, которую населяю. Я причинил такой же ущерб, какой причиняет взрыв только что образовавшейся звезды в космосе».

Простейший опыт подтверждает сложный состав крови. Налейте небольшое количество красной крови в чистый стеклянный стакан и дайте немного постоять. Вскоре появятся широкие горизонтальные полосы разного цвета. Это означает, что многочисленные клеточки распределились в зависимости от своей массы. А еще через некоторое время перед вами окажется многослойная, многоцветная жидкость, напоминающая экзотический коктейль. Вся масса красных кровяных телец ярко-красного цвета опустилась на самое дно; плазма — прозрачная желтоватая жидкость — всплыла вверх; тромбоциты и белые кровяные тельца устроились посередине, образовав самый бледный промежуточный слой.

Как телескоп приближает галактику, так микроскоп раскрывает перед нами капельку крови: он отдергивает завесу, представляя нашему обзору ошеломляющую реальность. Частичка крови размером вот с эту самую букву «о» содержит 5 000 000 красных кровяных телец, 300 000 тромбоцитов и 7000 белых кровяных телец. Эта жидкость — поистине океан живой материи. Если взять все красные кровяные тельца у одного человека и выложить их рядами друг за другом, то они займут площадь в 3000 квадратных метров.

Красные и белые кровяные тельца подробно описаны в другом разделе этой книги. Но существование нашего тела зависит не только от них, но еще и от клеточек, напоминающих нежный распустившийся бутон, — тромбоцитов. До недавнего прошлого их функции оставались неисследованными. Сегодняшние ученые знают, что тромбоциты, циркулирующие в потоке крови всего от шести до двенадцати дней, играют важнейшую роль в поддержании жизненно важного процесса свертывания крови. Они являются мобильными «фургончиками» «скорой помощи»: мгновенно определяют место утечки, закупоривают его и впоследствии очищают это место от всевозможных побочных отходов.

Если повреждается кровеносный сосуд, то необходимая для поддержания жизни жидкость вытекает из организма. В ответ на это крошечные тромбоциты

начинают таять, будто снежинки, при этом затягивая поврежденные соединительные ткани. Красные кровяные тельца одно за другим быстро накапливаются в этой ткани. Они похожи на автомобили, наталкивающиеся друг на друга в тот момент, когда на дороге образуется пробка. Очень быстро тоненькая стеночка из красных кровяных шариков достигает толщины достаточной, чтобы остановить кровотечение.

Тромбоциты действуют очень точно, они имеют совсем незначительные пределы погрешности. Ведь любой сгусток крови, выступающий за пределы стенок сосуда, несет в себе угрозу закупорки просвета самого сосуда. А это может стать причиной прекращения прохождения по нему крови или вызвать коронарный тромбоз и, как следствие, смерть. С другой стороны, те люди, кровь которых лишена способности свертываться, обычно долго не живут: даже простейшее удаление зуба у них может привести к летальному исходу. Тело само способно определять, достаточен ли размер сгустка, чтобы остановить кровотечение, и не слишком ли он велик, чтобы стать помехой продвижению потока крови по самому сосуду¹.

Через микроскоп ясно различаются многочисленные компоненты, входящие в состав крови, но не воссоздается картина той безумной деятельности, которой ежедневно занимается каждая клеточка. Так, красные кровяные тельца никогда не находятся в неподвижном состоянии. Как только они попадают в кровоток, их сразу же начинают толкать со всех сторон, и им приходится приложить немало усилий, чтобы продвинуться по переполненному сосуду, напоминающему загроможденную автомобилями улицу в час пик. Начиная свое движение от сердца, они совершают короткое путешествие к легким, чтобы принять на борт тяжелый груз — кислород. Без промедления они возвращаются в сердце, которое с силой проталкивает их к «Ниагарскому водопаду» дуги аорты. Далее высокоскоростные магистрали, заполненные миллиардами красных кровяных телец, разветвляются на переулки, ведущие к мозгу, конечностям и важнейшим внутренним органам.

Кровеносные сосуды протяженностью почти в десять тысяч километров охватывают каждую живую клетку; даже сами кровеносные сосуды питаются с помощью кровеносных же сосудов. Многорядные магистрали постепенно сужаются до однорядных, затем превращаются в узкие улочки, по которым можно проехать сначала лишь на мотоцикле, потом и вовсе только на велосипеде. В конце концов, красное кровяное тельце, согнувшись и сплюснись до немыслимой формы, с трудом пробирается по сосудику диаметром в одну десятую часть человеческого волоса. В такие узкие закоулки клетки доставляют еду и кислород и забирают оттуда углекислый газ и мочевины. Если бы мы уменьшились до их размера, то увидели бы, что красные кровяные тельца представляют собой раздувшиеся железистые желеобразные мешочки, дрейфующие по течению реки, пока не достигнут узкого сосуда, в который заплывают и из которого выплывают с шипением и присвистом пузырьки газа,

---

¹ В Индии встречается особо опасный вид змей под названием «одинадцатишаговая ядовитая змея». Название говорит само за себя: считается, что после укуса этой змеи жертва может сделать всего одиннадцать шагов. Подобно гадюкам, эти змеи выделяют яд, обладающий способностью свертывать кровь. Если зубы змеи прокусывают крупный сосуд, например, на ноге, то вся кровь, находящаяся в данный момент между сердцем и ногой, мгновенно свертывается. Если яд попадает в мелкий сосуд, то случается удивительная вещь. Яд, подобно магниту, притягивает к себе все тромбоциты. Поэтому они не поступают в другие зоны организма, и кровь там попросту лишается способности свертываться. И тогда малейшая царапина приведет к гибели жертвы. А может произойти и внутреннее кровотечение — мозговое или кишечное. В этом случае кровь уже не остановить. Таким образом, змеинный яд способен убить двумя противоположными способами: путем свертывания огромного количества крови и путем лишения крови способности свертываться. В Хаффкинском институте в Бомбее собирают яд этих змей и используют его в высушенном виде в бесконечно малых дозах для лечения пациентов, страдающих избыточным кровотечением.

образовавшиеся на поверхностных мембранах. Оттуда красные клеточки спешат к почкам, чтобы произвести тщательнейшую очистку, а затем возвращаются к легким для принятия новой партии груза — кислорода. И путешествие начинается снова.

Человек может прожить день-два без воды, несколько недель без пищи и всего лишь несколько минут без кислорода — основного горючего для сотен триллионов клеток. Интенсивные физические упражнения могут увеличить потребность в кислороде с четырех галлонов, являющихся нормой, до семидесяти пяти галлонов в час. При этом сердце удваивает или даже утраивает скорость продвижения красных кровяных телец к вздымающимся легким. Если самым легким не под силу преодолеть нехватку кислорода, красные кровяные тельца используют резервы. Тогда вместо пяти миллионов их количество постепенно увеличивается до семи-восьми миллионов в одной капле крови. После нескольких месяцев пребывания человека в разреженной атмосфере, например, в горах Колорадо, количество красных кровяных телец в одной капле крови достигает десяти миллионов. Таким образом компенсируется то, чего не хватает в разреженном воздухе.

Слома голову клеточки несутся по сосудам; они добираются до самой конечной точки большого пальца всего за 20 секунд. В среднем клеточки совершают около полумиллиона кругооборотов по организму за четыре месяца. Сюда входит заправка необходимым грузом, путешествие по переполненным и труднопроходимым сосудам и выгрузка в нужном месте. Совершившая последний поход к селезенке, отработавшая клеточка разбирается на части, перерабатывается клеточками-мусорщиками и поступает для дальнейшего использования как составная часть новых клеток. Каждый день триста миллиардов таких клеточек умирают и заменяются новыми. Умерев в одних частях тела, они могут возродиться в новом виде в волосяном мешочке или во вкусовой луковице¹.

Все компоненты этой циркуляционной системы работают четко и слаженно во имя одной-единственной цели: обеспечить питанием каждую живую клетку и удалить ее отходы. Если произойдет сбой в работе хотя бы одной части этой слаженной системы, сердце окажется в состоянии вынужденной остановки, сгусток крови увеличится до огромных размеров и закупорит артерию, путь для продвижения несущих кислород красных кровяных телец будет заблокирован — жизнь угаснет. Мозг, глава всего тела, без питания может оставаться полноценным всего пять минут.

Когда-то кровь произвела на меня отталкивающее впечатление. Она показалась мне самым неприятным в работе врача. Теперь же я присоединяюсь к словам благодарности и признательности, высказанным Лореном Эйсли. Я физически ощущаю, что собран из множества кровяных клеток, и без усталости пою им гимн хвалы и прославления. Борьба за жизнь, разыгравшаяся передо мной в Коннотской больнице и закончившаяся воскресением человека из мертвых, протекала незаметно — не трубили фанфары при каждом ударе вернувшегося к жизни человеческого сердца. Просто каждая клетка любого организма находится во власти крови.

---

¹ Тело обеспечивает энергию для функционирования красных кровяных телец благодаря наличию сердца. Этот орган заслуживает отдельной книги. Сейчас создаются простейшие искусственные заменители сердца.

Хочу представить вашему вниманию одобренную правительством техническую характеристику того аппарата, который мог бы стать адекватной заменой нашему сердцу:

Жидкостной насос с планируемым ресурсом 75 лет (2 500 000 000 циклов) Не требует ни технического обслуживания, ни смазки. Производительность: должна колебаться от 0,025 лошадиных сил в состоянии покоя до краткосрочных периодов в 1 лошадиную силу под воздействием таких факторов, как стресс и физическая нагрузка. Масса: не более 300 г. Объем: 7000 л в день.

Рабочие клапаны: каждый производительностью 4000 — 5000 срабатываний в час.

5. ЖИЗНЬ

Грань между мертвым и живым — очень четкая. Когда мертвые атомы углерода, водорода, кислорода и азота впервые захватываются Жизнью, организм еще слабо развит. У него недостаточно функций. Не обладает он и красотой. Чтобы вырасти, нужно время. Но чтобы ожить, много времени не требуется. Жизнь возникает мгновенно. Был мертв — и уже жив. Это и есть обращение, «переход», как говорит Библия, «от смерти в жизнь». Тот, кто присутствовал при обращении к Богу человека, ощущал порой то, что невозможно выразить словами: «обратившийся» словно освободился от цепей, пробуждался от сна.

Генри Драммонд,

*«Естественные законы в
духовном мире»*

В истории известно много кровавых страниц. В древности думали, что выпивший кровь обретает силу, что кровь возвращает жизнь умершим. В римском Колизее эпилептики бросались на арену, чтобы испытать крови умирающих гладиаторов в надежде на исцеление. В кенийском племени масаи принято отмечать праздники, напиваясь свежей крови коровы или козы.

Люди почитают кровь субстанцией таинственной, почти священной. Считалось, что клятва крепче, чем честное слово, но если клятва скреплялась кровью, то становилась практически нерушимой. В древности люди не стыдились символических жестов, а потому, заключая договор, зачастую резали себе руку и смешивали кровь будущих партнеров.

Мы, современные люди, унаследовали благоговение перед кровью: во многих странах обручальное кольцо надевают на безымянный палец левой руки, ибо в древности считалось: в нем проходит вена, которая ведет прямо к сердцу. Дети до сих пор играют в «кровных братьев» и, не соблюдая никаких гигиенических требований, колют себе пальцы чем попало и клянутся в вечной верности. Из древних времен к нам пришли такие выражения, как «чистая кровь», «смешанная кровь», «кровное родство», «хладнокровный», человек с «горячей кровью». Это дань старым предрассудкам: считалось, что текущая в наших сосудах жидкость содержит в себе всю нашу наследственную информацию и ответственна за наш темперамент.

Даже сегодня, когда кровь центрифугируют в лабораториях, когда ее полностью демифилогизировали, она по-прежнему обладает немалой властью над нами, даже если власть проявляется лишь в приступах тошноты при виде крови. Есть что-то неестественное, даже тошнотворное в виде проливающейся из живого тела крови. Неудивительно, что во всех религиях кровь считалась священным веществом. Эпидемия чумы, незначительная засуха, даже желание восторжествовать над врагом или отвратить гнев богов — все это в древности могло послужить причиной кровавых жертвоприношений.

Как бы нам с вами ни был неприятен этот факт, но христианство основано на крови. В ветхозаветные времена приносили в жертву кровь. В Новом Завете под эти жертвоприношения была подведена богословская основа; в нем слово «кровь» употребляется в три раза чаще, чем слово «крест», и в пять раз чаще, чем слово «смерть». Ежедневно, еженедельно или ежемесячно (в зависимости от

обычаев вашей церкви) пастор проводит обряд, центральным событием которого является воспоминание о крови Иисуса, пролитой за нас.

Я хирург, а потому почти каждый день вижу кровь. Для меня она — залог здоровья пациента. Я отсасываю кровь с места разреза; прошу принести аккуратно упакованные пакеты с кровью из холодильника, если требуется переливание. Я очень хорошо знаю теплое, с довольно едким запахом вещество, которое бежит по сосудам каждого из моих пациентов. Все мои халаты — в пятнах крови.

Но, как христианин, я, признаюсь, инстинктивно сторонился символа крови, который наполняет всю нашу религию. В отличие от далеких предков, мы не воспитывались в обществе, пропитанном тайными знаниями и приносящем животных в жертву. Для многих из нас кровь не является частью повседневной жизни. Со временем связанные с кровью представления теряют свой смысл или, хуже того, отвращают людей от веры. И тут перед нами встает важнейшая задача. Сможем ли мы рассказать современникам о библейском символе крови так, чтобы рассказ вписался в нашу сегодняшнюю действительность и одновременно сохранил свою суть?

Кровь стала религиозным символом, потому что она именно такая, какая есть. Чем больше мы узнаем о свойствах крови, тем понятнее становится нам выбор древних. Я уже рассказывал, как поразила меня скрытая в крови сила и заставила выбрать врачебное поприще вместо строительного. Но я хирург, а не богослов. В следующих главах я ограничусь рассказом о тех свойствах крови, которые известны медикам. Мы поговорим о теплой вязкой жидкости, которую я каждый день смываю со своих хирургических перчаток.

Для всех, кто занимается медициной, кровь является олицетворением жизни; это ее качество главенствует над всеми остальными. Каждый раз, когда я беру в руки скальпель, я с благоговейным трепетом ощущаю жизненную силу крови.

Во время операции я должен постоянно быть начеку, следить, чтобы не случилось непредвиденного кровотечения. Ведь каждое движение скальпеля оставляет тонкую кровавую полоску. В большинстве случаев она образуется из-за того, что перерезаются несколько крошечных кровеносных сосудов. Их миллионы в нашем теле. Я не обращаю на них внимания: знаю, что они восстановят свою функцию сами. Но очень часто случается так: совершенно неожиданно вырывается струя ярко-алой крови. Это означает, что перерезанной оказалась артерия. Теперь я уже должен уделить ей внимание — зажать щипцами или прижечь. Тонкая же медленная струйка темной крови сигнализирует о поврежденной вене. В таком случае я должен быть еще более внимательным. Порез вены опасен: в ее стенках гораздо меньше мускульной ткани, чем в артерии, и сама она не может справиться с травмой. Чтобы избежать подобных вещей, я всегда стараюсь определить местонахождение сосудов, прежде чем делать надрез. Затем я пережимаю их в двух местах и делаю надрез между этими местами. Тогда не появляется ни одной капельки крови. После многолетней практики вся эта вошедшая в привычку процедура уже не вызывает у меня чрезмерных затрат сил и времени.

Несмотря на предпринятые меры предосторожности, разного рода кровотечения все же могут произойти — от них не застрахован ни один хирург. Иногда из-за ошибки в определении местонахождения сосуда или из-за неловкого движения руки повреждается крупный сосуд или вдруг расползаются края сделанного ранее разреза — рана начинает кровоточить. Кровь быстро заполняет всю

брюшную или грудную полость, закрывая само место повреждения сосуда. Тогда хирург, руки которого оказались покрытыми кровью до запястья, должен принять меры для устранения кровотечения. Иногда при этом возникают неприятные ситуации, например, в операционной гаснет свет. Каждый хирург хоть раз в жизни оказывался перед подобной проблемой.

Не могу забыть перекошенное от ужаса лицо моего лондонского студента, когда во время операции с ним случилось нечто подобное. Он выполнял простейшую процедуру в амбулаторном отделении нашей клиники: рассекал крошечный кусочек лимфатической железы на шее пациентки, чтобы сделать биопсию. Это очень быстрая процедура, осуществляемая под местной анестезией. Я работал в соседней комнате. Вдруг в дверях появилась медсестра — ее халат и руки были забрызганы свежей кровью. Она крикнула: «Доктор, скорее идите сюда». Я бросился в соседнюю комнату. Перед моим взором предстал молодой врач: бледный как мертвец, с обезумевшим взглядом, нервно суетящийся возле женщины, из шеи которой хлестала кровь. Трудно сказать, кто был напуган больше: студент или пациентка.

К счастью, в Англии у меня был замечательный учитель. Он помог мне научиться правильно вести себя в подобных ситуациях. Я подбежал к женщине, отбросил все инструменты, схватил ее за шею и просто изо всех сил нажал на рану большим пальцем руки. Мой палец пережал стенку поврежденного сосуда, и кровотечение остановилось. Но я еще немного подержал палец, пока женщина не успокоилась окончательно. Тогда я снова ввел ей наркоз и зашил рану. Я догадался, что молодой врач рассек зону железы и добросовестно пытался зажать нужный участок, чтобы отделить его от основания железы. Но при этом нечаянно отсек небольшой участок яремной вены!

Критический момент, когда неожиданно случается кровотечение — а такой момент обязательно бывает у каждого врача, — обычно становится для студента моментом выбора: стоит или не стоит ему продолжать овладевать выбранной профессией. Если молодого хирурга в такой момент охватывает паника, то ему лучше перейти в ту область медицины, где наименее вероятно возникновение пугающих ситуаций.

Мой лондонский учитель с величавым именем — сэр Ланселот Баррингтон-Уорд — изо всех сил старался подготовить своих студентов именно к подобным ситуациям. Сэр Ланселот, личный хирург английской королевской семьи, обучал меня детской хирургии. Я был его ассистентом и неоднократно слышал, как он задавал один и тот же вопрос каждому новому студенту: «Какой инструмент Вы станете использовать при сильном кровотечении?» Новичок обычно начинал выдумывать какие-нибудь немыслимые хирургические инструменты. Пожилой учитель лишь хмурился и качал головой. На этот вопрос существовал всего один ответ: «Свой большой палец, сэр». Почему? Палец всегда наготове, он есть у каждого доктора. Именно палец обеспечивает отличное сочетание силы нажатия с мягкостью и податливостью.

Следующий вопрос сэра Ланселота был таким: «А какой Ваш самый большой враг в случае кровотечения?» Мы обычно отвечали: «Время, сэр». Тогда он спрашивал: «А какой самый большой друг?» И мы снова отвечали: «Время».

Сэр Ланселот терпеливо объяснял нам: пока продолжается потеря крови, время — враг. Секунда за секундой жизнь уходит, пациент становится все слабее и слабее, и наступает момент, когда вернуть его к жизни уже невозможно. Трудно

не поддаваться панике, не схватиться за щипцы и не пережать кровоточащие сосуды в нескольких местах. Это лишь осложнило бы ситуацию.

Но как только я прижму палец к месту кровотечения, время становится моим другом. Торопиться уже не надо; я могу не спеша подумать, что предпринять дальше. Организм сам уже спешит на помощь: образуются сгустки крови, чтобы заполнить брешь в стенке сосуда. Я спокойно обдумываю и принимаю решение: подготовить пациента для переливания крови, или попросить принести мне специальный инструмент, или позвать ассистента, или увеличить надрез, чтобы получить больший доступ к нужному месту. (Однажды у меня был такой случай: я удалял у пациента больную селезенку, когда неожиданно началось сильное кровотечение. Тогда я продолжил операцию одной рукой, а кулак другой прижал к порезу в сосуде, чтобы остановить кровотечение. Это продолжалось 25 минут. Операция была доведена до конца). Плотный прижатый к месту кровотечения палец — великая сила. В это время я могу что-то делать другой рукой, мне может помочь ассистент. Чаще всего оказывается, что делать ничего не надо: кровотечение обычно прекращается.

В такие моменты наивысшего напряжения, когда уровень адреналина резко подскакивает вверх, очень часто я испытываю состояние особого душевного трепета. Я чувствую себя заодно с миллионами живых клеток, борющихся за выживание в кровоточащей ране. Это кажется невероятным, но это так: обычный палец — единственное, что стоит между жизнью и смертью пациента.

Пережив множество подобных ситуаций, не раз испытав сильнейшее напряжение в операционной, каждый хирург ставит знак равенства между кровью и жизнью. Они неразделимы: потеряв одно, вы теряете другое.

Почему тогда христианское понятие о крови противоречит представлениям о ней хирурга?

Прежде всего я должен признать: иногда ассоциации, связанные с христианским символом крови, вызывают у меня неприятное ощущение. Воскресное утро. Я еду на машине из Карвилльской больницы в Новый Орлеан и включаю радио. Слышится тяжелое дыхание пастора, читающего проповедь для прихожан своей церкви. Мрачным голосом он описывает страсти Христовы на кресте. Он объясняет со всеми подробностями, как крест привязывается к спине, кровоточащей от ударов плетей. Приглушенные всхлипываются прокатываются по рядам собравшихся, когда пастор показывает десятисантиметровый шип и демонстрирует, с какой жестокостью солдаты натянули венок из таких шипов на голову Иисуса. Каждый раз, когда проповедник произносит слово «кровь» (которое он как-то особенно растягивает), рассказывая о забивании гвоздей, об ударе копья в бок, создается впечатление, что он испытывает новый прилив энергии.

В течение часа обсуждается тема смерти, нагнетается атмосфера мрачности и беспросветности. Я еду на машине по залитой солнцем Луизиане; по обе стороны дороги величаво прогуливаются белые, будто облака, цапли, ловко выхватывающие добычу из прорытых вдоль дороги каналов. Проповедник просит прихожан вспомнить все до одного свои недавние грехи и подумать о том, как это страшно — грешить, ведь наши грехи привели к кровавой смерти Иисуса на кресте.

За проповедью следует причастие. Я отвлекаюсь от транслируемой по радио службы и задумываюсь над тем, какое понятие мы вкладываем в слово «кровь». Под кровью я подразумеваю не то жидкое темно-красное вещество, которое мы

видим в больничных пробирках, а густую алую жидкость, обогащенную протеинами и клетками, за счет которых в моих пациентах поддерживается жизнь. Я задаюсь вопросом: неужели за тысячелетия что-то из этого понятия было утеряно -- и что-то существенное? Неужели смысл и значение символа видоизменились? Луизианский пастор акцентировал свое внимание исключительно на пролитой крови — но разве основная идея причастия заключается не в общей со Христом крови?

Уильям Харви, британский ученый XVII века, который существенно изменил наши представления о кровообращении, засвидетельствовал такой медицинский факт: «Кровь обеспечивает не только поддержание жизни в целом. От нее также зависит продолжительность жизни, сон и бодрствование, наши таланты и способности, а также наша сила. Она первой оживает и последней умирает». С медицинской точки зрения, кровь означает жизнь, а не смерть. Она поддерживает каждую клеточку организма, питает ее драгоценными питательными веществами. Когда кровь вытекает, жизнь угасает. Неужели сегодняшняя интерпретация этого символа, как следует из слов радио-проповедника, связана со смертью? Неужели она так сильно отклонилась от первоначального значения?

Мы должны поискать объяснение этого символа не в медицине, а у Иисуса Христа и у авторов Библии. Ведь именно они и ввели его. Для них пролитая кровь могла обозначать смерть («Голос крови брата твоего [Авеля] вопиет ко Мне от земли» — Быт. 4:10). Но до сих пор глубоко в сознании каждого еврея кровь ассоциируется с жизнью. Сам Бог вложил в нее этот смысл. Когда началась новая эпоха земной истории, после Великого потопа Бог приказал: «Только плоти с душою ее, с кровию ее, не ешьте» (Быт. 9:4). Позже в своде законов, данных Моисею и израильтянам, Бог повторил Свой приказ, добавив, что «это постановление вечное в роды ваши». Он объяснил Свой запрет так: «ибо душа всякого тела есть кровь его» (Лев. 3:17; 7:26-27; 17:11, 14; Втор. 12:23).

Ветхозаветные евреи, привыкшие к насильственной смерти и к смертной казни, не испытывали дискомфорта при виде крови. У них не было специальных стерильных помещений для массового забоя овец и другого скота, и каждый еврей много раз наблюдал кровавую смерть животных. Тем не менее любая хорошая хозяйка прежде всего проверяла мясо — не осталось ли в нем крови. Правило звучало четко и ясно: не ешь кровь, ибо в крови — душа. Разreshалось есть только кошерную пищу, т.е. прежде всего надо было удостовериться, что мясо не загрязнено кровью.

Запрет против приема пищи с кровью укоренился очень сильно. Даже тысячу лет спустя, когда апостолы решали, какие из правил обязательны для обращенных в христианство язычников, в список из четырех запретов вошли два, касающиеся крови (Деян. 15:29). Пойдя на уступки в древнем обычае обрезания, апостолы строго стояли на своем, говоря о том, что нельзя пить кровь и есть мясо неправильно забитого скота (из удушенных животных кровь не вытекала)¹.

На фоне этих строгих иудейских правил о крови, можете представить себе, как возмутила всех проповедь Иисуса Христа:

«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни; ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я

---

¹ Любопытный факт: в наши дни даже христиане — сторонники буквального понимания текста законов — игнорируют этот особый наказ ветхозаветной церкви.

воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье; ядущий Мою Плоть и Пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6:53-57).

Призыв ко всеобщей безнравственности едва ли стал бы большим ударом для последователей Христа. Слова, произнесенные Им на пике популярности после того случая, когда пять тысяч человек были накормлены Им, теперь стали поворотным моментом в отношении к Нему людей. Евреи пришли в такое замешательство и так сильно оскорбились, что толпа из тысяч человек, неотступно следовавшая за Ним, чтобы насильно возвести Его на царский престол, молча разошлась. Многие самые близкие ученики покинули Его; собственные братья сочли Его сумасшедшим. Стали создаваться заговоры с целью убить Его — на этот раз Иисус Христос зашел слишком далеко.

По крайней мере, до тех первых слушателей дошел весь драматизм ситуации, в которую поставил Себя Иисус Христос. Он разрушил их сложившиеся за четыре тысячи лет ассоциации со словом «кровь». Ни один еврей никогда не питался кровью — это делали только варвары и необрезанные. Кровь обычно лилась перед Богом в качестве жертвоприношения, ради жизни, принадлежащей Ему. И вот Иисус Христос сказал этим людям: «Пейте Мою кровь». Стоит ли удивляться, что после этого евреи рассвирепели, а многие ученики незаметно исчезли?

Возникает вопрос: зачем, зная — а Иисус Христос, конечно же, знал, — какую обиду вызовут Его слова, Он произнес их? Почему Он не провел более приемлемую параллель с еврейской жертвенностью? Если бы Он сказал: «Ешьте Мою плоть, но не пейте Мою кровь» или «Ешьте Мою плоть и разбрызгивайте Мою кровь», слушающие Его не были бы так оскорблены. Но они не осознали бы намерений Христа. Вместо этого Он сказал им: «Пейте».

Христос говорил эти слова не для того, чтобы обидеть, а чтобы осуществить радикальное преобразование символа. Бог сказал Ною: «Если выпьешь кровь ягненка, его жизнь войдет в тебя — не делай этого». Христос сказал: «Значит, если выпьешь Мою кровь, Моя жизнь войдет в тебя — делай это!» Тем самым, мне кажется, Христос дал нам понять: наш обряд должен служить не только напоминанием о Его человеческой смерти, но и осознанием Его вечной жизни. Мы не можем жить без той пищи, которую дает нам Его жизнь.

Церемония, называемая «евхаристия» (или Вечеря Господня, или Святое причастие), берет свое начало с последней ночи Христа, которую Он провел со Своими учениками накануне распятия. Там, в душной комнате, окруженный испуганными учениками, Иисус впервые сказал слова, которые потом повторялись миллион раз: «Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28). Христос велел Своим ученикам пить вино, символизирующее Его кровь. Это подношение должно быть не просто разлито, но выпито — проглочено. Он еще раз повторил эти поразившие всех слова: «Пейте из нее все» (стих 27).

В этот же вечер Христос использовал еще одну метафору, видимо, чтобы разъяснить значение разделенной между всеми крови. Он объявил: «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5 — сравните со словами из Ин. 6:56). Под сенью покрытых виноградниками холмов, окружавших Иерусалим, ученикам нетрудно было постичь смысл этой метафоры. Виноградная ветвь, лишенная питания, поступающего от лозы, становится чахлой, сухой и

безжизненной, негодной ни на что другое, кроме как на растопку. Только в неразрывной связи с лозой веточка может расти, цвести и плодоносить.

В ту последнюю ночь, несмотря на неотвратимость смерти, за ужином, давшим начало церемонии причастия, возник образ жизни. Для учеников вино символизировало Его кровь, которая вливалась в них такую же силу, как живительная влага виноградной лозы¹.

Если я правильно понял смысл изложенного выше, то он полностью совпадает с моим врачебным опытом. Неправда, что кровь символизирует жизнь для хирурга и смерть для христианина. Кроме того, мы садимся за стол, чтобы принять участие в Его жизни. «Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье; ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» — наконец-то смысл этих слов стал понятен. Иисус Христос пришел не только для того, чтобы показать нам, как надо жить. Но, главное, для того, чтобы дать саму жизнь. Духовная жизнь — это не что-то бесплотное, витающее вдали от нас. Чтобы обрести ее, мы должны упорно трудиться. Она — в нас. Она наполняет нас, как кровь наполняет каждое живое существо.

Богослов Оскар Кульман в книге «Поклонение в раннехристианской церкви» по-новому истолковывает событие, которое давно не дает покоя исследователям Библии. Он говорит о первом чуде Иисуса — о превращении воды в вино на брачном пиру в Кане. Кульман утверждает, что это чудо или «знамение», как и все остальное в Евангелии от Иоанна, имеет глубокий духовный смысл. Сочтя ключевыми слова Иисуса «Еще не пришел час Мой» (Ин. 2:4), богослов делает вывод: Господь говорит здесь о новом завете, который еще придет во Христе. Как хлеб, о котором написано в главе 6 Евангелия от Иоанна, связывается с Последней Вечерей, так и вино вполне может служить указанием на вино Тайной Вечери.

Пусть богословы судят о правильности выводов Кульмана. Но если они верны, то место для чуда выбрано на редкость удачно: величайший символ дается людям на брачном пиру, под звуки радостной музыки и смех гостей, звяканье стаканов, громкие восклицания родственников. Люди вместе пьют вино, которое символизирует кровь Христову, и эта картина гораздо лучше соответствует духу евангелий, чем заунывные проповеди, которые я слушаю по луизианскому радио. Евхаристия, служащая нам напоминанием о смерти Христовой, — это своеобразная здравица во славу Жизни, которая победила смерть и теперь предложена каждому из нас.

---

¹ Первые христиане, по-видимому, правильно поняли значение этих слов: во время праздников, посвященных Телу и Крови Христовой, они неизменно прославляли воскресшего Христа. Они не старались увековечить память о Вечере Господней, являвшейся просто пасхальным ужином, на котором Иисус разделил рыбу и разломил хлеб между всеми учениками. Произведения искусств, представленные в протянувшихся на сотни километров коридорах римских катакомб, наглядно иллюстрируют эту мысль. Ни на одной из двадцати тысяч фресок, нарисованных художниками-любителями на каменных стенах, не присутствует тема смерти или креста. Если на картине запечатлена Вечера Господня, то на столе всегда присутствует рыба — символ жизни.

6. ОЧИЩЕНИЕ

Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самым ужасным наказанием, какое только можно вообразить, но с тем чтобы спасти и возродить его душу навеки? Если так, то подавите его вашим милосердием. Вы увидите, вы услышите, как вздрогнет и ужаснется душа его: «Мне ли снести эту милость, мне ли столько любви, я ли достоин ее», — вот что он воскликнет!
Федор Достоевский, «Братья Карамазовы»

Я поднимаю воротник пальто и втягиваю голову в плечи. Дует мокрый ветер. Снег постепенно превращает уставший Лондон в подобие рождественской открытки в диккенсовском стиле. Пустая улица. Я остановился под старинным фонарем и посмотрел вверх. Подсвеченные снежинки похожи на бесконечный дождь электрических искорок. Они опускаются вниз и укрывают канализационные люки, тротуар, машины, водостоки белым искрящимся мягким покрывалом. Издалека слышна музыка — приглушенные звуки духовых инструментов и нечто, напоминающее человеческие голоса. И это в такую ночь? Я иду в направлении звуков. С каждым шагом музыка становится все громче и громче. Я заворачиваю за угол и вижу: это оркестрик Армии спасения. Мужчина и женщина играют на тромбоне и трубе. Я поеживаюсь, представляя, каково в такой холод прижимать к губам холодный металл. Трое других, видимо, новенькие, вдохновенно поют гимн на слова Уильяма Каупера¹.

Слушателей всего двое — пьянчужка, опершийся о каменное крыльцо домика времен короля Георга, и бизнесмен, постоянно поглядывающий на карманные часы.

Слова Каупера мне знакомы:

«Бьет фонтаном ярким кровь, Кровь Эммануила...

Грешник в кровь был погружен. Кровь грехи омыла».

Я слушаю эти строки, и по лицу невольно расплывается улыбка. Я только что вышел из больничной палаты, где лилась настоящая кровь, где делали переливание крови. Я воспитывался в церкви, а потому мне понятен смысл этого христианского символа. Но вот эти двое прохожих, которые вполуха прислушиваются к гимну, что они думают о его словах? Неужели слова «омыты кровью Агнца» не покажутся современному англичанину столь же странными, как и сообщение о животных жертвоприношениях в Папуа — Новая Гвинея?

Вся наша культура противится, стараясь не допустить кровь в религию. Но есть и большее препятствие, которое мешает словам Каупера проникнуть в сердца современных слушателей. Подумайте о выражении «омыт кровью». В нашем современном мире кровь не считается «чистящим средством». Чтобы очистить что-либо, мы пользуемся водой, мылом, стиральным порошком. Кровь же, напротив, пачкает и загрязняет. Мы всегда стараемся отмыть кровь, а не умыться кровью. О чем же думал автор гимна? О чем думали до него священнописатели? В Библии неоднократно говорится об очистительных свойствах крови. Эта мысль проходит через все книги Библии. Например, в главе 14 книги Левита мы видим, как священник окропляет кровью человека с инфекционным заболеванием кожи, мажет кровью стены дома. Новозаветные авторы неоднократно говорят, что

¹ Уильям Каупер (1731 — 1800) — английский поэт. Одной из первых его публикаций был сборник гимнов, написанных в сотрудничестве с известным сочинителем гимнов Джоном Ньютоном. Гимн «Бьет фонтаном ярким кровь» был сочинен в 1771 — 1772 гг. (прим. перев.).

кровь Иисуса Христа «очищает» нас (см. 1 Ин. 7:14). В книге Откровения описаны множества людей, которые «омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца» (Отк. 7:14).

Неужели столь частое упоминание крови указывает на оторванность христианства от современной культуры? Напротив! Современная медицина доказала, что одна из главных функций крови — функция очистки организма! Скорее всего, священнописатели не знали ничего о физиологических свойствах крови, но Творец ввел в наше богословие то понятие, которое имеет совершенно конкретные аналогии в медицине. Все, что за последние годы мы узнали о человеческой физиологии, лишь подтверждает мысль об очистительных свойствах крови. Богословский образ, который обессмертил Уильям Каупер в своем гимне, имеет совершенно четкое биологическое обоснование.

Чтобы вы лучше поняли, каким образом кровь очищает наш организм, я попрошу вас провести простой эксперимент. Возьмите прибор для измерения артериального давления и оберните манжету вокруг руки. Попросите кого-нибудь из домашних накачать воздух с помощью резиновой груши, чтобы столбик на шкале достиг отметки 200 мм — такого давления достаточно для остановки кровообращения в вашей руке. Рука под манжетой почувствует неприятное сжатие. Вот теперь мой эксперимент и начинается: попробуйте что-нибудь сделать сдавленной рукой. Просто десять раз сожмите и разожмите пальцы или порежьте ножницами бумагу, или забейте молотком гвоздь в деревяшку.

Несколько первых движений получатся нормальными — ваши мускулы послушно сокращаются и расслабляются. Но вскоре вы станете ощущать небольшую слабость в руке. Приблизительно после десяти движений начнется сильное жжение и резкая боль. Мускулы сводит судорога. Если вы приложите усилие и заставите себя выполнять движения и дальше, то просто закричите от мучительной боли. В конце концов, никаким усилием воли вы не сможете заставить себя даже шевельнуть пальцем — боль овладеет вами целиком.

Когда вы ослабите жгут и воздух со свистом вылетит из манжеты, кровь хлынет в раскалывающуюся от боли руку, вы почувствуете огромное облегчение. Стоит потерпеть боль, чтобы ощутить это волшебное чувство облегчения. Мышцы начнут двигаться свободно, боль исчезнет. Физиологически вы только что ощутили результат очищающей деятельности крови.

Боль возникла из-за того, что вы заставили свои мускулы работать, в то время как поступление крови к руке было прекращено. В процессе превращения кислорода в мускульную энергию образуются определенные промежуточные продукты обмена веществ (метаболиты), которые должны тут же удаляться с кровотоком. Из-за отсутствия кровотока эти метаболиты начинают накапливаться в клетках. Во время нашего опыта клетки не очистились вихревым потоком крови, поэтому через несколько минут накопившиеся токсины вызвали резкую боль в вашей руке.

Трудно передать словами, с какой колоссальной скоростью и как старательно тело выполняет свои «дворничьи» обязанности. На время отвлечемся от богословской метафоры об очищении, и я вкратце обрисую вам сам процесс очищения организма.

Ни одна клеточка нашего тела не находится дальше от кровеносного сосуда, чем на ширину волоса; ни одна не загрязняется отходами от промежуточных продуктов обмена веществ и не подвергается вредному воздействию меньше, чем

в приведенном выше примере. В результате сложного химического процесса диффузии и переноса газа перемещающиеся внутри узких капилляров красные кровяные клетки доставляют и передают клеткам тела очередную партию кислорода и одновременно поглощают все выделяемые ими отходы (углекислый газ, мочевины, мочевую кислоту и т.д.). Затем красные кровяные клетки забирают и доставляют все вредные химические отходы к тем органам, которые выводят их из организма.

В легких углекислый газ собирается в маленькие карманчики и выбрасывается наружу с каждым выдохом. Организм постоянно отслеживает процесс выдыхания и осуществляет мгновенные корректировки. В случае если аккумулируется слишком большое количество углекислого газа при сгорании большего количества энергии, когда я, например, поднимаюсь по лестнице, рефлекторный выключатель учащает мое дыхание. Процесс очищения ускоряется. (А вот наоборот сделать нельзя — невозможно покончить жизнь самоубийством, перестав дышать. Независимый от вашей воли механизм «заставит» вас дышать).

Сложные по химическому составу отходы передаются в особый, специфический орган — почки. Мне трудно удержаться, чтобы не петь бесконечные дифирамбы почкам. Некоторые ученые ставят их на второе место по значимости в нашем организме после мозга. Наше тело, несомненно, придает им очень большое значение: после каждого удара сердца четверть всей крови подается по почечной артерии к близнецам-почкам. Эта артерия раздваивается и далее еще разветвляется на многочисленные трубчатые каналы, настолько замысловатые, что они удивят своей сложностью и изяществом переплетений даже лучшего венецианского стеклодува.

Основная функция почек — фильтрация. Для этого они обходятся крайне ограниченным пространством и ничтожно малым количеством времени. Почки умудряются с поразительной скоростью скручивать миллионы своих канальцев в петельчатые кристаллики, в которых происходит отбор одного за другим химических элементов. В связи с тем, что красные клетки слишком громоздки для микроскопических проходов этих канальцев, почки извлекают из крови сахара, соли и воду и занимаются с ними отдельно. Этот процесс в общих чертах можно сравнить с работой автомеханика, в слишком маленьком гараже которого не помещается весь автомобиль целиком. Чтобы отремонтировать двигатель, он вытаскивает его из автомобиля, несет в гараж, разбирает и прочищает отдельно каждый клапан, поршень и кольца. Затем собирает сотни разобранных частей воедино — на месте работы остается лишь грязь и ржавчина.

После того как почки примут от красных клеток весь груз, в состав которого входят приблизительно тридцать подготовленных на выброс отработанных химических веществ, их ферменты¹ тщательно восполняют 99 % объема кровотока. Один оставшийся процент состоит преимущественно из мочи, которая оттесняется к мочевому пузырю и находится там до очередного мочеиспускания вместе с остальной жидкостью, больше не нужной организму и подготовленной почками для удаления. Через секунду раздается удар сердца, и поток свежей крови устремляется в каналы. Они вновь заполнены.

Есть люди, которые относятся к почкам с особым благоговением. Это — люди, живущие без почек или с неработающими почками. Такие люди составляют особую группу. Их немного. Тридцать лет назад они бы все умерли. Теперь же у

---

¹ Фермент — белок, действующий как катализатор химических реакций (прим. перев.).

них есть немало времени, чтобы подумать, какое это чудо — почки. Три раза в неделю по пять часов они неподвижно лежат или сидят, пока через специальную трубку вся их кровь пропускается через громко гудящий аппарат размером с большой чемодан. Этот технологический монстр — аппарат почечного диализа — грубая замена нежных фасолеобразных человеческих почек. Только, в отличие от него, естественные почки весят всего 400 г, круглосуточно выполняют свою сложнейшую работу и восстанавливаются сами. Для большей надежности в нашем теле есть две почки, хотя на самом деле мы вполне могли бы обойтись одной.

Другие органы тоже участвуют в очищающем процессе. Как бы долговечна ни была красная кровяная клетка, она не может без конца выдерживать эти бесконечные чередования циклов загрузки и выгрузки. Клетка рассчитана примерно на полмиллиона циклов. Как изношенная разбитая речная баржа, эта клетка прокладывает себе путь к печени и селезенке, чтобы разгрузиться в последний раз. На этот раз вместе с грузом подхватывается и сама клетка, разбирается на составляющие аминокислоты и желчные пигменты и идет на переработку. Крошечное железное «магнитное» сердечко крестообразной молекулы гемоглобина препровождается обратно в костный мозг для дальнейшего возрождения в другой красной клетке.

Экскурс в биологию снова подводит нас к нашему сравнению. С точки зрения медицины, кровь поддерживает жизнь в организме, освобождая его от побочных продуктов химических реакций, которые иначе мешали бы нормальному функционированию органов, т.е. кровь очищает организм. Размышляя о Теле Христовом, я невольно думаю об извечной его проблеме — грехе. Этому способствует и наша метафора.

Многим слово «грех» кажется устаревшим, древним, затуманенным побочными оттенками смысла. Те сравнения, которые описывают отношения Бога с грешными существами, тоже не очень понятны. Бог — судья, мы — обвиняемые. Это совершенно точное библейское сравнение тоже постепенно теряет смысл, по мере того как судопроизводство начинает внушать нам все большее недоверие, становится все более капризным и непредсказуемым. Сравнения устаревают, меняется язык. Изменяется и культура.

Но кровь — это совершенное сравнение, и оно позволяет нам с точностью рассказать о сущности греха и прощения. Современные медицинские открытия дают нам лишние козыри в руки. Кровь очищает организм от вредных продуктов жизнедеятельности. Так и прощение, основанное на Христовой крови, очищает нас от «вредных веществ» — грехов, мешающих обрести духовное здоровье.

Очень часто грехи представляются нам перечнем личных промахов, которые раздражают Бога Отца. В ветхозаветные времена Он, кажется, очень часто раздражался. Но даже поверхностное прочтение Ветхого Завета показывает: грех — это препятствие, это парализующий токсин, который мешает полностью осознать свое человеческое естество. Бог дал нам определенные законы ради нас самих. Ему эти законы не были нужны. На Израиль наступают враги, и Бог говорит такие слова: «Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба и совершать возлияние иным богам, чтоб огорчать Меня. Но Меня ли огорчают они?., не себя ли самих к стыду своему?» (Иер. 7:18-19).

Гордыня, эгоизм, похоть и жадность — это отравы, которая мешает нашим отношениям с Богом и людьми. Грех вызывает разлуку: с Богом, с людьми, со

своим истинным «я». Чем крепче мы держимся за свои мелкие желания, чем больше стремимся к успеху, чем с большей готовностью удовлетворяем свои страсти за счет других, тем дальше мы отходим от Бога и людей.

В ветхозаветные времена у евреев были очень точные представления о пропасти, разделяющей Бога и людей. Местом Божьего присутствия считалась Святое святых, куда лишь раз в год (в День искупления) мог войти лишь один человек — священник, выполнивший сложный очистительный обряд. Иисус Христос сделал эту церемонию ненужной, ибо единожды принес жертву за всех. «Сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов», — сказал Господь, завещая нам обряд Вечери Господней (Мф. 26:28)¹.

Вечеря Господня, или месса, или евхаристия, в нынешнем виде сильно отличается от ветхозаветной церемонии, приходившейся на День искупления. Нам уже нет нужды идти к Богу через выполнившего очистительный обряд первосвященника, не нужно ждать Дня искупления, чтобы войти в Святое святых. В день смерти Христовой толстая завеса, закрывавшая вход в Святое святых, разорвалась сверху донизу. Теперь каждый из нас может напрямую общаться с Богом: «Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть, плоть Свою...» (Евр. 10:19-20).

Вечеря Господня подчеркивает, что действие Христовой жертвы имеет продолжительный характер. Каждый причащающийся принимает вино, символизирующее ту самую живую кровь, которая омывает каждую клетку нашего организма, давая ей питательные вещества и очищая ее от вредных. Благодаря Его крови, мы прощены и очищены.

Слово «покаяние» описывает процесс, который происходит в каждой клетке в момент очищения. Клайв Льюис напоминает нам, что покаяние — это «не слова, которых требует от вас Бог, прежде чем принять вас в объятия Свои, и от произнесения которых может избавить вас по Своему соизволению. Покаяние — описание дороги к Богу». Чтобы было забыто прошлое, тучей нависающее над нами, необходимо помнить о нем. Если использовать наше сравнение, то можно сказать: через покаяние каждая клетка с готовностью открывает себя для очищающего действия крови. Покаяние нужно нам самим. Не для того, чтобы наказать себя, а для того, чтобы освободиться от накопившегося груза грехов. «Это Тело Его за вас ломимое...» Ломимое за ваше словоблудие, ваши похоти, вашу гордыню, вашу бесчувственность. Ломимое, чтобы очистить вас ото всего этого, чтобы ваши недостатки заменить Его совершенным послушанием.

Почему мы ходим в церковь, стоим там или сидим на очень неудобных скамьях и стульях? Почему мы поем в церкви странные песнопения и гимны — такие, которых не услышишь нигде, кроме как в стенах храма? Не потому ли, что в каждом из нас горит искра надежды — надежды на то, что Бог узнает нас, простит, исцелит, полюбит? Подобные чувства лежат и в основе нашего стремления причастаться.

Символы гораздо бесцветнее, чем скрывающаяся за ними реальность. Но Христос даровал нам вино и хлеб в доказательство того, что мы прощены,

---

¹ Автор Послания к Евреям объясняет те изменения, которые произошли в богословии: «Но Христос, Первосвященник будущих благ, пришел с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть, не такового устройства, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление. Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!» (Евр. 9:11-14).

исцелены, любимы. Символ проникает в нас, питая наше тело физически и духовно, донося благую весть до каждой клеточки нашего тела.

Во время евхаристии мы вспоминаем о прощении, которое обрели благодаря жертве Христовой. Эта жертва сотрясла до основания всю богослужебную систему иудаизма. Мы и сами ощущаем, как наши клеточки очищаются от накопившихся в них упрямых токсинов. «Ибо, если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его» (Рим. 5:10). Если грех — великий разлучник, то Христос — великий примиритель. Он растворяет оболочку, которая с каждым днем все больше отделяет нас от окружающих и от Бога. «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою, ибо Он есть мир наш...» (Еф. 2:13-14).

Незадолго до смерти французский писатель-католик Франсуа Мориак, получивший Нобелевскую премию в области литературы, рассуждал о своих сложных отношениях с церковью. Он рассказал, какие из своих обещаний церковь не сдержала, рассказал о мелочности и компромиссах, на которые столь часто шли церковники. И он сделал вывод: церковь далеко отошла от учения и личного примера Своего основателя. Но все же, добавляет Мориак, несмотря на все свои недостатки, церковь, по крайней мере, не забыла два высказывания Христа: «грехи твои прощены» и «сие есть Тело Мое за вас ломимое». В вечере Господней соединяются оба этих высказывания, ибо причастие — это тихое действие исцеления, очищения каждой клеточки Его Тела от накопившихся нечистот.

7. ПРЕОДОЛЕНИЕ

*Услышь, о Слово мудрости извечной! Услышь младенца трепетного плач!
Пришел Господь слугой на землю. Сам Бог в яслях земных лежит.*

Т. Пестель

Если бы наш Бог был богом языческим или богом умников — для меня это одно и то же, — то Он улетел бы в Свои заоблачные дали, но наши горести снова бы призвали Его на землю. Но вы знаете, что наш Бог был среди нас. Грозите Ему кулаком, плюйте в лицо Его, бичуйте Его, распинайте Его: будет ли что оттого?... Все это с Ним уже сделали.

Джордж Бернанос,

«Дневник сельского священника»

Наша жизнь находится в руках мельчайших микроорганизмов, размером в одну триллионную часть нашего тела. Автор многих книг по медицине Рональд Глассер пришел к такому выводу: «Независимо от того, какими мы хотели бы видеть себя, несмотря на все наши представления о собственном величии и власти, невзирая на все наши преходящие человеческие достижения, реальная борьба — это борьба с бактериями и вирусами, борьба с противником величиной не более семи микронов».

В наше время войнам, пожарам и землетрясениям уделяется гораздо больше внимания, чем микробам. Но так было далеко не всегда. Например, в XIV веке страшная эпидемия чумы унесла треть населения Европы. В 1348 году более миллиона паломников отправилось на Пасху в Рим; 90 % из них вернулись домой инфицированными: таким образом смертельная болезнь распространилась по всему миру. Тогда можно было увидеть такую картину: по морям плавали корабли без экипажей, раскинувшиеся на сотни километров земельные уголья оставались нераспаханными, дороги были пусты — по ним никто не ходил и не ездил.

В начале нашего века «война, направленная на прекращение всех войн», обернулась самыми большими потерями в истории: она унесла восемь с половиной миллионов человеческих жизней. А в том же году, когда военные действия были прекращены, разразилась эпидемия гриппа. Количество ее жертв было в три раза больше — двадцать пять миллионов человек.

Для того чтобы описать, что происходит внутри нашего тела в момент возникновения болезни, потребуются военные термины. Наш организм, вооружившись грозным оружием и средствами защиты, буквально объявляет войну захватчикам. При первых же признаках нападения звучит химический сигнал тревоги, и многочисленная армия, состоящая из разных родов войск — различных систем организма, — спешит вступить в бой. Капилляры растягиваются, будто надувные шары, чтобы полки вооруженных защитников могли беспрепятственно проникнуть в зону военных действий. А в это время белые клетки пяти различных типов формируют исходные атакующие батальоны. Прозрачные, обвешанные оружием, способные, подобно знаменитому Гудини, выбираться из любого замкнутого пространства, белые клеточки — это самые лучшие солдаты нашего тела.

Распластанные под объективом микроскопа белые клетки напоминают посыпанную перцем яичницу, где каждое черное пятнышко обозначает смертельное химическое оружие. Пока белые клетки циркулируют по организму,

они принимают шарообразную форму и становятся похожими на тусклые стеклянные глаза, бесцельно плывущие по течению внутри кровеносных сосудов. В момент вторжения они моментально оживают.

Некоторые белые клетки, вооружившись химическими реактивами, превращаются в передовые ударные части. Они пытаются разбить неприятеля за счет численного превосходства. Другие клетки, обладающие массивным корпусом, окруженным прочными стенками и обвешанным тяжелой амуницией, подкатываются к месту боя со всех сторон, будто боевые танки. В процессе боя меняется стратегия нападения. Часть белых клеток свободно перемещается в потоке крови, делая снайперские выстрелы по заблудившимся солдатам противника. Часть несет охрану жизненно важных органов, отслеживая вражеские силы, пробившиеся через передовое кольцо защиты. Другие окружают захватчиков и загоняют в лимфатическую железу своеобразную крепость — где учиняют над ними казнь. А остальные клетки, санитарные войска, выжидают, пока поле брани покроется останками боевых клеточек и протекшей протоплазмой, и затем начинают свою деятельность по расчистке завалов.

В те периоды, когда организм здоров, двадцать пять миллиардов белых клеток свободно циркулируют в потоке крови, и еще двадцать пять миллиардов бесцельно ползают по стенкам кровеносных сосудов. В случае же возникновения инфекции кроме них еще миллиарды резервистов выпрыгивают из топи костного мозга. Некоторые из них не успели еще до конца созреть, и напоминают безусых юнцов, пополнивших ряды ополченцев. Организм способен мгновенно мобилизовать в десять раз большее число клеток, чем имеется у него в здоровом состоянии. Между прочим, когда у пациента берется кровь для анализа, то подсчитывается именно количество белых клеток, чтобы определить степень инфицирования.

Мы нуждаемся в таком огромном количестве белых клеток по одной простой причине: каждый наш лимфоцит является «специфическим» защитником, запрограммированным лишь против одного вида болезни. На самом деле происходящие внутри нас бои больше напоминают не рукопашную битву пехотных войск, когда борьба идет один на один, а скорее, неистовый брачный танец, в котором толпа белых клеток, прежде чем звать на подмогу резерв, врывается в толпу бактерий или вирусов в поисках определенного вида неприятеля. Белые клетки живут в среднем по десять часов. Но есть среди них особо избранные, которые живут до 60—70 лет, сохраняя в своей химической памяти воспоминание об опасных захватчиках и каждые несколько минут проверяя их наличие в лимфатической железе. Эти выдающиеся клетки на химическом уровне хранят секреты, подсказывающие телу, как побороť уже вторгавшегося ранее противника.

Белые клетки должны каким-то образом отслеживать захватчиков, камуфлирующихся под окружающую обстановку. Неприятель умело скрывается в химическом дыму битвы и в гуще давших течь клеток. Он прячется среди служащих для свертывания крови реагентов и поврежденных мембран. Антитела (неправильное название, так как в теле нет никаких субстанций, являющихся подобием тела) бесстрашно работают проводниками белых клеток и показывают им путь к цели. Их величина составляет всего 1/1000 от размера бактерии, но они виснут на неприятеле, как мох на деревьях, смягчая вражеские удары перед приближением основного состава белых клеток и сглаживая острые

паукообразные формы неприятельских клеток. Одно антитело защищает против вирусов одной определенной болезни. Например, антитело коревой краснухи никоим образом не действует на полиомиелит.

Из-за немыслимого количества захватчиков, вторгающихся в человеческий организм в течение всей жизни, тело должно хранить огромный арсенал оружия. Возникает вопрос, каким образом тело успевает подготовить такое огромное количество различных видов антител, так необходимых нам в этом страшном мире? Иммунологи в шутку отвечают: в теле есть генератор клеточного многообразия, с помощью которого оно производит необходимый защитный комплект антител. Доктор Рональд Глассер называет этот процесс «смесью волшебства и химии... комбинацией физики и благодати на молекулярном уровне».

Если я случайно порежу палец, то находящиеся поблизости антитела начнут немедленное преследование известных им захватчиков, или антигенов. Обнаружив новичка, проплывающий мимо лимфоцит дотронется до него, запомнит его форму и побежит к ближайшему лимфатическому узлу. Там этот лимфоцит причудливым образом преображается в настоящий химический завод по передаче только что полученной информации тысячам других лимфоцитов, которые в свою очередь производят на свет миллиарды антител. Как только лимфа создала антитело, в ее памяти навечно отпечаталась его формула. При последующем вторжении это обеспечит мгновенное повторение уже известного оборонного процесса¹.

Иногда случается так, что новый антиген появляется в необычном, неизвестном до сей поры виде. Тогда лимфоциты пробуют одну формулу за другой, пытаясь выяснить его точный состав. Тем временем таинственный пришелец, ошеломивший мечущиеся в панике белые клетки, начинает свою разрушительную деятельность. Опустошительная чума XIV века была вызвана таким же пришельцем. Кровь европейцев не имела опыта общения с подобным заболеванием, которое пришло из Азии.

В наши дни такие заболевания, как корь и грипп, не представляющие существенной угрозы для развитых стран, приводят к довольно разрушительным последствиям в странах со слабо развитой цивилизацией. Однако постепенно организм приобретает навыки, значительно уменьшающие влияние подобных болезней.

Время предоставляет неисчерпаемые возможности для развития защитной системы организма. Наши защитные силы являются именно защитными: они наносят лишь ответный удар, никогда не атакуя первыми. Поэтому существует опасный период между возникновением инфекции и соответствующей реакцией организма. Лекарства из группы антибиотиков помогают организму продержаться в этот период, сберегая драгоценные часы, так необходимые для мобилизации собственных сил организма. (Антибиотики производят массированную атаку, уничтожая вторгнувшихся захватчиков миллионами, но некоторым из лазутчиков все же удается проникнуть через выставленный против них химический барьер. Если хоть одна бактерия выживет, то через восемь часов ее потомство составит уже миллион единиц. Чтобы победить, организм должен

---

¹ С самыми большими угрозами наш организм сталкивается при появлении на свет ребенка, когда он покидает стерильную матку и оказывается в полном опасностях мира, в то время как до этого он не подвергался воздействию бактерий. Для этой ситуации организм также предусматривает систему защиты. Незадолго до родов материнская плацента наполняет кровотока зародыша гаммаглобулином, содержащим действующие вещества, необходимые для борьбы со скарлатиной, коклюшем, сыпным и брюшным тифом, пневмонией, дифтерией, столбняком, ветряной оспой, свинкой, корью, полиомиелитом — в общем, с любым заболеванием, с которым уже сталкивалась мать. Еще большее количество иммуновеществ грудной ребенок будет получать с молоком матери до тех пор, пока его организм не начнет самостоятельно производить собственные антитела.

произвести 100 %-ное уничтожение оккупантов, что представляется такой же трудной задачей, как уничтожение, например, всех комаров в каком-то конкретном городе. Никакому антибиотику не под силу решение такой задачи. Как показала практика, антибиотики оказались полностью неэффективными у людей с болезнями иммунодефицита, например СПИДом).

Веками жизнь людей в течение этого смертельно опасного отрезка времени висела на волоске. Нередко в такие моменты происходили массовые вымирания всего населения какой-либо местности. Но один гениальный метод решил все проблемы этого критического периода и кроме того сыграл большую роль в победе над болезнями, чем любая другая медицинская процедура. Называется он «иммунизация». Этот метод появился на свет в результате экспериментальной деятельности таких первопроходцев в медицине, как Дженнер¹, Пастер и др.

Болезни, заложниками которых становились целые нации, которые держали в страхе жителей каждого поселка, каждой деревушки, сейчас практически неизвестны в развитых странах. Желтая лихорадка, дифтерия, оспа, бешенство, холера, сыпной и брюшной тиф, полиомиелит, корь — каждая из этих болезней убила и искалечила больше людей, чем мировые войны. Сейчас с помощью иммунизации мы получили оружие, обеспечившее нам полную победу.

Обычно организм теряет драгоценные часы на расшифровку кода очередного оккупанта и на выработку необходимых для борьбы с ним антител. При иммунизации предупредительная инъекция вводит в организм безопасную форму вируса полиомиелита или оспы. Это либо ослабленный, либо «ленивый», либо «лишенный жизни» вирус, но с неповрежденной внешней оболочкой, которая и стимулирует процесс производства антител. Иммунизация дает организму огромное преимущество: антитела, направленные конкретно против полиомиелита, или оспы, или любой другой инфекции, теперь имеют стратегическое превосходство — опасный период времени существенно сокращается. В случае нападения организм моментально заполняет поле боя заранее подготовленными и выбранными из огромного арсенала антителами и быстро поражает неприятеля.

История вакцинации от оспы, вызывающая чуть ли не самую большую гордость в истории медицины, является олицетворением успеха и дальнейшего распространения самой процедуры вакцинации. Оспа буквально опустошала нашу планету, ее боялись больше «черной смерти» — бубонной чумы. Томас Бабингтон Макалей писал в «Истории Англии»: «Разрушительные последствия чумы были более скоротечными; но чума посещала наши берега лишь раз или два на памяти человечества; а оспа присутствует постоянно, наполняя церкви трупами, а сердца тех, кто пока еще миновал ее страшного воздействия, леденящим страхом. Она оставляет свои зловещие следы на теле тех, кто испытал на себе ее силу, превращая ребенка в жалкое подобие человеческого существа, приводя мать в содрогание и вызывая ужас у жениха при взгляде на глаза и щеки своей больной невесты».

Эта болезнь веками подвергала Европу своему разрушительному воздействию. Наиболее жестокой она была в тех районах, население которых ранее с ней не сталкивалось. Однажды один из испанских воинов, раненый и оставшийся лежать на поле боя после стычки с индейцами, инфицировал (заразил) оспой жителей племени ацтеков. Через два года умерло четыре миллиона человек. Это намного больше, чем было убито завоевателями.

---

¹ Эдуард Дженнер (прим. перев.), английский врач, основоположник оспопрививания

В штате Миссури численность индейского племени мандан, представители которого не имели врожденного иммунитета, сократилась с тридцати тысяч до тридцати человек. Остались письменные отчеты торговцев и воспоминания путешественников того времени, в которых говорилось о том, что на их пути попадались деревни, где не осталось ни одного живого человека. Их жители целыми семьями лежали мертвыми в своих жилищах. В бескрайних прериях не вилося ни одной струйки дыма, не наблюдалось ни малейшего признака жизни — повсюду были одни трупы.

Но в один прекрасный день все изменилось благодаря Эдуарду Дженнеру, сыну священника. Подобно Пастеру, которого неотступно преследовали воспоминания о взбесившемся волке, Дженнер не мог забыть страшных событий лета 1757 года. В том году, когда ему было восемь лет, его выбрали для участия в процедуре под названием «откупиться от оспы» — грубой попытке предотвратить эпидемию. В течение шести недель приехавший из города врач периодически пускал ему кровь и постоянно морил голодом. Затем местный целитель в здании деревенской аптеки взял нож и, сделав порез на руке мальчика, сразу же насыпал в него высушенную коросту с трупа человека, умершего от оспы. Чтобы его могли увидеть все желающие, мальчика поместили в конюшню вместе с другими детьми, находящимися на различных стадиях «излечения». Через месяц он выздоровел, навсегда получив иммунитет против оспы, но ужас пережитого не покидал его никогда.

Доктор Дженнер на практике использовал то, что было известно об оспе еще много столетий назад: будучи однажды инфицированным в слабой форме, человек получал иммунитет против этой болезни. К сожалению, из-за нестерильного способа проведения процедуры и силы микроба подобная практика была ненамного безопаснее, чем эпидемия.

В немалой степени благодаря крестьянской смекалке Дженнер вступил на путь научного бессмертия. Несколько лет он изучал эту болезнь на Британских островах, пока однажды не встретился с деревенской женщиной-дояркой, которая спокойно сказала ему, что не боится заболеть оспой, потому что однажды уже переболела коровьей оспой. Дженнер загорелся этой идеей. Может ли слабая форма коровьей оспы выработать у человека иммунитет к оспе? Он стал собирать данные, проводить опыты (иногда неудачные), придумал термин «вакцинация», совершенствовал процедуры и, наконец, представил результаты своих исследований в Королевское Лондонское общество. Как и следовало ожидать, консервативное медицинское руководство подняло на смех выводы молодого ученого и отказалось опубликовать его труды.

Споры по поводу разработанной Дженнером процедуры не утихали еще целое столетие. В некоторых странах на них был наложен запрет, а в других их объявили обязательными для использования в медицинской практике. В 1881 году в британском журнале «Панч» появилось следующее стихотворение:

«Прививку делать или нет — таков вопрос;

Что благородней духом:

покоряться Предсмертным мукам и ужасным шрамам

Иль, ополчась на море смут, сразиться с оспой

И, получив вакцину, прекратить мученья? Да!

И только; и сказать, что в раз кончаешь

Тоску и тысячу природных мук,

Наследье плоти, — как такой развязки

Не жаждасть? Прививку сделать. — Сделать!

О, доктор! Сэр, в своих молитвах

Мою уколотую руку помяни».

В 1802 году появились случаи заболевания оспой среди индейцев и испанских поселенцев в Боготе — столице Колумбии. Хорошо зная о том, что болезнь легко может уничтожить незащищенное население, правящий совет Боготы направил королю Испании Карлу IV петицию с просьбой о помощи. В послании говорилось о том, что все жители города буквально парализованы страхом перед надвигающейся на город эпидемией оспы.

Тогда король Карл (известный в истории как неумелый правитель) стал проявлять повышенный интерес к новому методу — вакцинации. Трое его собственных детей подверглись процедуре вакцинации, и король подписался под документом, разрешающим официальное применение методики Дженнера, вызвавшей столько споров. Но как переправить вакцину коровьей оспы в Новый Свет? В Европе вакцина передавалась из страны в страну следующим образом: врачи нанизывали волдыри коровьей оспы на нитки или на птичьи перья и складывали в стеклянные пузырьки. Но в таком виде вирус засох бы задолго до того, как корабль пересечет Атлантику.

Наконец один из королевских советников придумал смелый, новаторский план. Он предложил организовать экспедицию, состоящую из достаточного количества добровольцев, которые согласятся, чтобы вакцина была перевезена через океан на их собственном теле. Король отклонил эту идею из-за дороговизны подобной экспедиции, но советник напомнил: если в колониях разразится эпидемия, экономике будет нанесен неизмеримо больший ущерб. И король согласился.

Была подготовлена экспедиция, получившая высокопарное название Real Expedition Maritima de La Vacuna (Королевская морская экспедиция по вакцинации). Ее возглавил врач Франциско де Бальмис. Вскоре испанский корабль «Мария Пита» покинул порт с человеческим грузом на борту. Он состоял из 22 мальчиков от трех до девяти лет из местного приюта и нескольких коров, играющих роль дублеров. Де Бальмис сделал прививку пяти мальчикам еще перед отплытием; другие должны были стать последующими звеньями цепочки, передающей живой вирус.

Через пять дней плавания на руках инфицированных мальчиков появились пузырьки — небольшие чашевидные углубления с приподнятыми краями и впалым центром. На восьмой день пузырьки достигли своего максимального размера: они закруглились и надулись — маленькие наполненные лимфой вулканчики, готовые к извержению. На десятый день болячки созрели, и из них стала вытекать лимфа — можно было собирать урожай. Двое мальчиков протянули руки, и доктор де Бальмис осторожно соскоблил бесценную лимфу. Каждые десять дней двум новым мальчикам прививались живые вирусы, и после периода карантина созревала их очередная партия. Политика иногда требует от медиков поступиться своими нравственными устоями. В феврале королевский корабль с грузом гнойных болячек прибыл в Сан Хуан (Пуэрто-Рико). Приплывший на нем врач с гордостью заявил местным властям о прибытии спасительной миссии. Но ситуация обострилась: местный врач уведомил де Бальмиса, что он приехал напрасно, так как жители их острова уже имеют иммунитет от оспы. Им сделали прививки вакциной, полученной с соседнего принадлежащего Дании острова Святого Томаса. Взбешенный тем, что значение его экспедиции было так сильно принижено, де Бальмис велел команде своего

корабля стать на якорь сроком на один месяц, чтобы удостовериться в правильности слов местного доктора и проверить наличие иммунитета у жителей. Слова доктора подтвердились, и де Бальмис, постепенно успокоившись, отдал приказ к отплытию с острова раньше намеченного срока.

К тому моменту, когда «Мария Пита» прибыла в Пуэрто Кабелло (Венесуэла), живая вакцина оставалась на руке у последнего мальчика. Он был единственной надеждой предотвратить надвигающуюся эпидемию. Де Бальмис отобрал еще двадцать восемь мальчиков из местного населения и оставался на острове до тех пор, пока не сделал прививки двенадцати тысячам человек. После этого члены экспедиции разделились на две группы. Ассистент де Бальмиса возглавил группу, отправившуюся в Боготу, откуда и было получено послание с просьбой о Помощи. Обстановка там еще более обострилась из-за долгого отсутствия вакцины. Но в пути корабль потерпел крушение. В городе началась паника. К счастью, плившие на корабле переносчики живой вакцины остались живы. Каждому жителю Боготы была сделана прививка, угроза возникновения заболевания постепенно исчезла, и ассистент отправился дальше — в Перу и Аргентину.

Тем временем сам де Бальмис прибыл в Мексику, где развернул широкую кампанию по вакцинации населения. Он объездил практически всю страну, а после этого организовал новую экспедицию, взяв на борт очередную партию добровольцев, и отправился в полное опасностей путешествие на Филиппины. Жители этих островов так же, как и всех предыдущих, были спасены благодаря непрерывной живой цепочке, берущей свое начало из приюта в испанском городке Ла Корона. Сотни тысяч людей остались живы лишь благодаря тем первым 22 детям-сиротам.

Я был в Боготе и стоял у подножия огромного бронзового памятника, воздвигнутого в память о трогательной жертвенности тех мальчиков. Учебники истории, посвятившие целые страницы даже самым незначительным войнам, приведшим к человеческим жертвам, ни разу не упомянули о 22 юных добровольцах и о тех тысячах, жизни которых они спасли. А ведь экспедиция по вакцинации символизирует не что иное, как величайший прогресс в медицине: способность использовать защитные свойства крови одного человека, чтобы спасти другого.

Эдуард Дженнер получил всеобщее признание в XX веке, когда Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла решение использовать его метод, организовав кампанию по полному уничтожению оспы на нашей планете. В отличие от других заболеваний, оспа не передается через животных — только от человека человеку. Поэтому члены ВОЗ пришли к выводу: если каждый житель Земли будет привит, то болезнь исчезнет.

В течение 20 лет сотрудники ВОЗ объездили весь мир: они побывали в каждой индийской деревеньке, посетили самые отдаленные хижины южноамериканских жителей, облазили все азиатские джунгли. Это была самая широкомасштабная кампания по охране здоровья человечества за всю его историю. Последний случай заболевания оспой был зарегистрирован в 1977 году в африканском государстве Сомали. Тогда представителям ВОЗ пришлось улаживать возникший пограничный конфликт, чтобы добраться до источника заражения и прекратить его распространение.

По официальным данным, такого заболевания, как оспа, на Земле больше не существует. Эта болезнь унесла самое большое число человеческих жизней. Но

это единственная исчезнувшая с лица Земли болезнь. То, что должен сделать каждый человеческий организм, чтобы победить болезнь — уничтожить вторгнувшийся микроб, — достигнуто в мировом масштабе. История борьбы с оспой закончилась триумфальной победой не с помощью лекарств и прогрессивных технологий, а лишь благодаря правильному использованию способностей человеческих клеток. Люди каждой расы узнали, как надо защищаться от болезни.

Еще ребенком, живя в Индии, я узнал, как много может сделать один человек для спасения другого. В то время методика, с помощью которой мои родители делали прививки от оспы, была весьма несовершенной. У родителей имелись очень ограниченные запасы вакцины, не было никаких условий для ее хранения в холодном месте, поэтому они использовали тот же ее источник, что и доктор де Бальмис: заранее вакцинированных людей. Самые быстроногие мальчишки бегом поднимались вверх по горным тропам и доставляли бесценную вакцину моему отцу. Они еще не успевали перевести дух, как отец уже разламывал маленькие стеклянные наполненные лимфой трубочки и начинал делать прививки ожидающей толпе людей. Потом из одной инфицированной руки он брал необходимое количество лимфы, чтобы привить ее десяти Другим индийцам. У этих десяти образовывалось столько лимфы, что ее было достаточно для сотни человек. Кровь каждого вакцинированного человека навсегда запоминала вирус оспы, чтобы в случае необходимости привести в состояние боевой готовности армию защитников, способных противостоять болезни.

Это свойство крови, которое может передаваться от человека человеку, придает особый смысл одному библейскому слову, которое иначе было бы нам совсем непонятно. Я говорю о слове «победить». В одном из видений книги Откровения апостол Иоанн описывает суровую битву между силами добра и зла. Сатана усмирен, и победители, люди, обретшие вечную жизнь, описаны так: «они победили его кровию Агнца» (Отк, 12:11).

Какое же отношение это слово может иметь к крови? Я научился видеть в крови символ жизни, а не смерти. Я научился ценить очищающие свойства крови. Но подобное словосочетание «победить кровью» на первый взгляд кажется совершенно непонятным. Чтобы «победить», нужна сила и напористость: вооруженный автомат террорист может одолеть экипаж самолета; необъятный борец сумо способен нокаутировать своего противника. С другой стороны, кровь кажется нам признаком слабости и неудачи — побежденный обычно покрыт кровью.

Почему же апостол использует именно это словосочетание? Ответ, я думаю, кроется в физиологических свойствах крови, которой побеждать приходится достаточно часто. Эта аналогия раскрывает нам очень важную особенность Божьего промысла, помогает лучше понять символический смысл слова «кровь». Чтобы до конца разобраться в этом вопросе, нужно взглянуть на несколько отрывков из Библии, в которых употребляется слово «победить».

В трогательные минуты Последней Вечери, в ночь перед распятием Иисус сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). В тот момент такие слова Иисуса особенно нужны были ученикам. Но мы с вами, читая эти строки Писания и зная о последовавших событиях, удивляемся: уместны ли они? В тот момент, когда Иисус произносил их, Иуда уже получал деньги, а римские солдаты пристегивали мечи к поясу. По некотором размышлении, время для произнесения этих слов — за несколько часов до ареста

и казни — кажется выбранным неудачно. Торжествующие слова, должно быть, болью отзывались в сердцах учеников, когда они смотрели на висящее на кресте бледное тело. «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Кто должен избавить Израиля», — грустно поведали потом двое (Лк. 24:21).

Когда сила Божия схлестнулась с силой человеческой, Иисус, Который мог бы позвать на помощь ангелов, отдал Себя в руки горстке солдат с бичами и гвоздями. Казалось, грань между победой и поражением была стерта.

В книге Откровения снова появляется образ Агнца, и снова мы видим, что Агнец — это Христос. Мы почему-то не улавливаем иронии в том, что слабейшее, самое беспомощное животное является образом Господа вселенной. И не только это: «Агнец стоял как бы закланный» (Отк. 5:6). Теперь мы понимаем, в каком контексте употреблена эта странная фраза — «победили кровью Агнца».

Божье пришествие на нашу планету запомнилось прежде всего не проявлениями грубой силы, а примером страдания, который Он нам явил. Сквозь пламень очистительного огня страданий мы видим определенную закономерность: в ответ на зло Бог зло не уничтожает, но заставляет его служить высшей цели — высшему благу. Он победил зло, поглотив его, приняв его на Себя и, в конечном итоге, простив. Иисус стал победителем-первопроходцем, пройдя через самый эпицентр искушения, зла и смерти.

Представьте себе ученого, который смотрит через микроскоп на разрастающуюся популяцию микробов, грозящую уничтожить мир. Ему так и хочется скинуть белый халат, уменьшиться до размеров микрона и войти в мир микробов, принеся с собой генетический материал, способный этих микробов погубить.

Говоря о нашей аналогии, представьте себе Бога, который с грустью смотрит на вирус зла, поразивший Его создания. И вот Он сбрасывает Свое величие, чтобы облечься в плоть жертвы этого страшного вируса и принести человечеству вакцину против неизбежной смерти и разрушения. Но сравнение все же не отражает всей драматичности случившегося: «Он сделался грехом за нас».

Глубокий символический смысл крови как средства победы обязательно должен быть фоном для подобного рода богословских размышлений, помогая сделать конкретные выводы, над которыми следует думать во время евхаристии. Этот обряд более всех остальных отражает личностное преломление богословских реалий жизни и смерти Христа.

Я подхожу к столу для причастия без всяких сложных церемоний, описанных в Ветхом Завете. Изменения в богослужении смогли произойти благодаря Иисусу Христу. Итог Его подвигу подводит автор Послания к Евреям:

«А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству. Ибо не Ангелов воспринимлет Он, но воспринимлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братиям, чтоб быть милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умиловления за грехи народа, ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:14-18).

Опираясь на силу Христову, мне легче встречать искушения. Позвольте на примере крови объяснить вам, что происходит.

Несколько лет назад Веллор поразила эпидемия оспы, заболела одна из моих дочерей. Мы знали, что она поправится, но очень беспокоились о другой дочери — крошке Эстелле: для младенцев эта болезнь чрезвычайно опасна. Педиатр

сказал, что нужно сделать прививку, и тогда-то по всему Веллору разнеслась весть: Брэндам нужна «кровь победителя» оспы. Мы не использовали этих конкретных слов, а попросили откликнуться переболевшего оспой. Сыворотка крови этого человека могла бы защитить нашу дочь.

Нам не было смысла искать человека, победившего ветрянку или залечившего сломанную кость ноги. Он не мог помочь нашей конкретной нужде. Нам нужен был переболевший оспой. Такого человека мы нашли, взяли у него пробу крови, дождались, когда клетки крови осядут и ввели сыворотку девочке. Получив «взаймы» антитела, наша дочь смогла успешно избежать болезнь. Сыворотка дала ее организму достаточно времени, чтобы в нем выработались собственные антитела. Она тоже победила оспу, но не за счет сопротивляемости собственного организма и выносливости, а за счет тяжелой борьбы, которая когда-то уже произошла в организме другого человека.

В определенном смысле кровь человека обретает особую ценность, когда он одерживает победы в многочисленных сражениях с внешними врагами. После того как антитела принесли организму тайну победы над болезнью, вторая инъекция уже не сделает вреда. У привитого человека кровь становится «умной», как говорила Флэннери О'Коннор. Не показывает ли нам этот пример сути того, что произошло со Христом, Который стал совершенен через страдания (см. Евр. 2:10)? Вспомним самый известный отрывок из Послания к Евреям: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:18). И еще один: «Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15).

Кровь Христа победила, словно Он делал все возможное, чтобы подвергнуться всем мыслимым искушениям, познать все беды, которые встретятся на нашем пути, лишь бы передать нам «умную» кровь. Начиная с момента противостояния сатане в пустыне, Иисус упорно отказывался от применения «голой» силы в борьбе с искушениями успехом, властью, владычеством над миром. В Гефсиманском саду сила искушения достигла своего наивысшего накала, но Он «вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2).

Сегодня, когда мы принимаем на причастии вино, то словно вслушиваемся при этом в слова Иисуса: «Это кровь Моя, окрепшая и готовая для вас. Это Моя жизнь, прожитая для вас, которую теперь Я могу разделить с вами. Я уставал, был искушаем, отчаивался, был покинут. Когда такое случится с вами, можете взять Мою силу и Мой дух. Я победил мир для вас». Даже твердого в вере христианина может охватить непреодолимое искушение. Мы должны быть готовы, и символ крови Иисусовой говорит нам: полагайтесь на «умную» и сильную кровь Того, Кто идет впереди нас.

8. ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

*Простишь ли Ты мне первородный
грех? Он мой, хоть я его не
совершал. Простишь ли Ты мне нынешний мой
грех? Мне грех постыл, но верх он
снова взял. Ты мне простил — и снова грех...*

Грешить устал.

*Простишь ли Ты, что ввел я братьев
в грех? Своим грехом к греху их
искушал? Простишь ли Ты мне стародавний
грех? Я позабыл о нем, не
вспоминал. Ты мне простил — и снова грех...*

Грешить устал.

*Мой грех — мой страх. Боязнь
тревожит сон. Боюсь, чтоб душу
я не потерял. О, поклянись, что в смертный час
Твой Сын*

Мне воссияет, как всегда сиял! Ты мне простил — и я прощен.

И страх пропал!

Джон Донн, «Гимн Богу Отцу»

История переливания крови, как и многих других медицинских процедур, началась с того, что вначале подверглась риску чья-то жизнь, а вскоре после этого и вовсе последовала гибель немалого количества людей. В 1492 году, когда Колумб отправился в свое знаменитое путешествие, в Италии доктор-еврей попытался сделать переливание крови, взятой у трех мальчиков, Папе Римскому Иннокентию VIII. Все трое доноров умерли от кровотечения, а епископ с трижды проколотой веной едва выжил.

Два столетия спустя интерес к переливанию крови усилился. Наибольшее распространение этот метод получил во Франции благодаря стараниям Жана Баптиста Дени — личного врача Людовика XIV. После удачного эксперимента по переливанию крови от собаки собаке Дени решил попробовать вернуть к жизни умирающего мальчика, влив ему примерно 230 мл овечьей крови. Все прошло удачно. Не менее удачно закончился эксперимент; и с другим пациентом — мужчиной средних лет, — которому; была перелита кровь. В отличном расположении духа мужчина отправился в таверну, чтобы отпраздновать свое воскрешение, где скоропостижно скончался. Столь разные результаты деятельности Дени подтвердили вывод, к которому пришли известные врачи того времени: самым лучшим для выздоровления пациента является не вливание, а забор крови. После этого случая придворный врач М. Кузинот пошел дальше Дени и вылечил сам себя от ревматизма, сделав 64 кровопускания за восемь месяцев. А еще один знаменитый врач прославился на всю Францию тем, что постоянно назначал своим пациентам кровопускание, и в общей сложности по его назначениям было выпущено шесть миллионов литров крови. Тогда и был единогласно принят закон, запрещающий такую «ересь», как переливание крови; этот закон просуществовал сто лет.

Но итальянские и английские врачи не сдались. Один итальянский врач решил разобраться в загадке сиамских близнецов, имеющих общую систему

кровообращения. Он попытался понять, каким образом пища, проглатываемая одним из них, насыщала другого. Не мог же один из братьев брать взаймы пищу у другого, чтобы насытиться самому? В то время кровь считалась не только веществом, необходимым для питания организма, но и живой субстанцией, наполненной растворенными в ней характерными чертами человеческой личности, «причудами» своего обладателя. Некоторые даже предлагали с помощью переливания крови вливать здравомыслие в душевнобольных и изменять человеческие наклонности. Предлагали также навсегда прекратить семейные скандалы, перемешав кровь ссорящихся супругов с помощью переливания.

Лишь в XIX веке медицина добилась положительных результатов при использовании все еще окутанного тайнами метода переливания крови. В Англии доктор Джеймс Бланделл спас жизнь одиннадцати из пятнадцати женщин, умирающих от послеродового кровотечения. На сохранившихся до наших дней гравюрах запечатлена следующая полная драматизма сцена: сосредоточенное лицо Бланделла, его взгляд устремлен на стоящую рядом женщину, из которой по трубке течет кровь прямо в вену другой — умирающей женщины. Эти гравюры точно передают всю трогательность той ситуации, когда один человек спасает жизнь другому. Сейчас ощущение этой трогательности потеряно, ее заменил автоматизм компьютеризованных банков крови и стерильных контейнеров.

Несмотря на очевидные положительные результаты, в течение многих лет метод переливания крови был связан с огромным риском. Иногда, примерно у трети пациентов, совершенно необъяснимым образом организм отказывался принимать донорскую кровь; возникала бурная реакция — и человек умирал. Прошли десятилетия, прежде чем исследователи научились распознавать группы и резус-фактор крови, столь существенные для сохранения жизни человека. Кроме того, были тщательно отработаны технологии хранения крови и предотвращения ее свертывания.

В конце концов, во время Первой мировой войны число спасенных с помощью переливания крови жизней перевесило связанный с этой процедурой риск. Медики привозили на поля сражений деревянный ящик с двумя огромными склянками, содержащими драгоценнейшую жидкость. Среди солдат расползались слухи: «Приехал какой-то тип, который может закачать в тебя кровь, и, если даже тебя убьют, ты снова оживешь!»

В дни Второй мировой войны чернокожий американец Чарльз Дрю во многом усовершенствовал процесс хранения и транспортировки крови, сделав возможным проведение в Британии общенациональной кампании по переливанию крови¹.

С тех пор начала создаваться разветвленная сеть складов для хранения запасов крови, банков крови, специально оборудованных грузовиков-рефрижераторов и самолетов для ее перевозки. С долей иронии можно назвать эту сеть подобием собственной системы кровообращения организма.

Драматические события давней ночи в Коннотской больнице, когда я своими глазами увидел результат, полученный благодаря переливанию крови, привели меня в медицину. Через 12 лет после этого, имея за плечами медицинское

---

¹ Однако существовали совсем не медицинские барьеры на пути распространения процедуры переливания крови. В историю медицины вписана одна из самых позорных страниц: сам Дрю умер в одной из больниц Северной Каролины, так как ему было отказано в переливании крови из-за его расовой принадлежности.

образование и опыт работы хирургом, я оказался в Индии, где столкнулся с таким фактом: люди со страхом и отвращением воспринимали просьбу отдать свою кровь другому.

Я приехал работать хирургом-ортопедом в расположенный в Веллоре христианский медицинский колледж, когда туда набирали специалистов из разных стран. Среди нас был доктор Рив Беттс из Лаэйской клиники города Бостона. Впоследствии этот человек стал именоваться не иначе, как отцом торакальной хирургии¹ Индии.

По прибытии доктор Беттс сразу же столкнулся с отсутствием в больнице банка крови. При некоторых хирургических операциях мы тогда использовали изобретенное мною так называемое устройство Руба Голдберга, осуществляющее всасывание и рециркуляцию собственной крови пациента. Но для грудных операций требуется заранее подготовленный запас крови — не менее трех литров. А это, в свою очередь, влечет за собой необходимость забирать и определенным образом хранить эту кровь. У доктора Беттса был необходимый опыт и квалификация, он мог бы спасти жизни многим пациентам, которые уже начали поступать в Веллор со всей Индии. Но без запасов крови он ничего не мог сделать.

Вот тогда, в 1949 году, моей первейшей задачей стало составление банка крови. Я научился различать группы крови, определять ее совместимость у разных людей. Научился подбирать доноров — таких людей, у которых не было заболеваний, запрещающих использовать их кровь для переливания. Нам нужно было найти способы получения не содержащей пироген² воды и стерилизации всех имеющихся инструментов многократного использования.

В жарком и душном климате Индии, когда большое количество людей страдало от заболеваний, вызванных паразитами и скрытым вирусом гепатита, мы должны были сделать все возможное для создания надежной, безопасной системы хранения запасов крови. Раз за разом нас постигало жестокое разочарование, когда вместо ожидаемого улучшения состояния пациента переливание крови ухудшало его. Те, кто сегодня пользуется высокоэффективными и надежными современными банками крови, должны с благодарностью вспоминать первооткрывателей, которые шли на колоссальный риск, начиная использовать на практике метод переливания крови.

Однако самым трудным для нас было изменить само отношение к этому методу местных жителей. Для них кровь — это жизнь, а кто может допустить саму мысль о том, чтобы отдать жизнь, даже ради спасения кого-то еще?³

Мне вспоминается, как Рив Беттс боролся с предрассудками местных жителей, давно изжитыми на западе. Так и стоит перед глазами сцена, когда он долго и безуспешно пытался уговорить очередную семью сдать кровь. «Как можно отказываться сдавать кровь, чтобы спасти жизнь своему собственному ребенку?» — недоумевал он.

Обычно целый клан родственников сопровождал пациента, которому предстояла серьезная операция, поэтому если врачу приходилось принимать важное решение, то ему было с кем посоветоваться. Но для того чтобы вести долгие

¹ Торакальная хирургия — хирургия в области грудной клетки (прим. перев.)

² Пироген — вещество, вызывающее лихорадку (прим. перев.).

³ Лишь одна категория жителей Индии легко откликнулась на наш призыв стать донорами. Представители касты неприкасаемых, работавшие рикшами, сразу поняли, что стать донорами крови — очень легкий способ заработать деньги. За один раз можно заработать столько же, сколько они зарабатывают за целый день тяжелой работы. Мы стали замечать, что наши доноры день ото дня становятся заметно слабее, еле-еле волочат ноги. И выяснили: они сдают кровь не только в нашей, но и в других больницах, иногда по литру каждую неделю! Тогда, чтобы сберечь их же собственное здоровье, нам пришлось разработать систему кожной татуировки, с помощью которой мы фиксировали количество сданной ими крови.

переговоры через знавшего местное наречие переводчика, нужно было иметь колоссальное терпение. Такие переговоры потребовались, например, в случае с двенадцатилетней девочкой, которая нуждалась в операции на больном легком. С самого начала Рив известил родственников о том, что ради спасения жизни девочки легкое придется удалить. Ее домашние важно закивали в знак согласия. Тогда Рив сказал, что для проведения операции потребуется не менее полутора литров крови, а в больнице имеется только пол-литра. Значит, родственники должны сдать еще один литр. При этом известии старшие члены семьи собрались в кучку и стали совещаться. Затем объявили о своем желании заплатить за дополнительный литр крови.

Помню, Рива даже бросило в краску от этих слов. Стараясь держать себя в руках, он попытался объяснить им, что ему больше неоткуда взять кровь — ее нигде купить. Им просто придется забрать девочку домой, где она вскоре умрет. Снова совещание. На этот раз обсуждение было более бурным, в результате чего было принято решение пойти на уступки. Они вытолкнули вперед хрупкую пожилую женщину, весившую от силы килограмм сорок — самую маленькую и самую слабенькую из всего племени. Было объявлено, что семейный совет принял решение предложить ее в качестве донора для переливания крови. Нам разрешается взять у нее кровь.

Рив устался на лоснящихся, хорошо откормленных мужчин, принявших такое решение; он кипел от негодования. На ломаном тамильском наречии он стал громко стыдить кучку жалких трусов. Едва ли кто-нибудь понял то, что он говорил из-за сильнейшего английского акцента, но каждый ощутил в его словах нескрываемое негодование. Он тыкал пальцем то в крепких, упитанных мужчин, то в хрупкую женщину.

Неожиданно Рив демонстративно закатал рукав на своем халате и подозвал меня: «Иди сюда, Пол — я не могу больше выносить все это! Не стану же я рисковать жизнью этой бедной девочки из-за того, что эти трусливые детины никак не могут сообразить, что от них требуется. Принеси бутылку и иглу и возьми мою кровь». Семейка замолкла и с благоговейным страхом стала наблюдать, как я, повинаясь словам доктора, перетянул жгутом его руку, протер тампоном кожу и вколол иглу в вену. Внезапно брызнула густая красная струя и стала стекать в бутылку. Среди зрителей пронеслось: «Аххх!»

До меня донеслись голоса: «Смотрите-ка, господин доктор отдает свою жизнь!» Те, кто присутствовал при этой сцене, начали стыдить родственников девочки. Я тоже не сдержался и, привлекая к себе внимание, нарочито громко сказал, что Риву нельзя отдавать слишком много крови, потому что он уже отдавал ее на прошлой и на позапрошлой неделе. Я громко крикнул: «Рив, ты ослабнешь и не сможешь сделать операцию!»

В этот момент, как и во всех предыдущих случаях, до родственников наконец-то дошел смысл происходящего. Не успела бутылка наполниться и до половины, как несколько человек подошли ко мне, протягивая дрожащие руки. Я прекратил забор крови у Рива. Позже я положил конец этому обычаю, введенному Ривом, потому что, хотя он никогда за один раз не отдавал большое количество крови, но, так как делал это довольно часто, его кроветворным клеткам уже стало тяжело восстанавливаться. Тем не менее, у него уже сложилась определенная репутация: если члены семьи отказываются сдать кровь, великий доктор сам делает это.

Когда я размышляю над символическим смыслом, подразумеваемым в христианстве под словом «кровь», особенно над тем его значением, которое следует из высказываний Христа, я всегда мысленно возвращаюсь к современной процедуре переливания крови. Совершенно очевидно, что Иисус Христос и библейские авторы, говоря о крови, не имели в виду запасы; крови, хранящиеся на складах Красного Креста. И, тем не менее, весь мой опыт показывает: переливание крови в какой-то степени являет собой христианский символ, включающий в себя все те значения, о которых мы говорили выше.

Во времена, когда метод переливания крови был еще неизвестен, Христос озадачил всех, призвав пить Свою Кровь. С тех пор христиане ломают голову над богословским понятием Святого причастия. Кто может объяснить процесс, с помощью которого Тело Христово и Его Кровь становятся частью меня? Мы возрастаем подле Него; мы являемся частью Его; Он питает нас; все эти фразы — лишь недосказанные намеки. Иисус Христос использовал сравнение с ветками виноградной лозы. Для меня путем к осмыслению этого сравнения служит современное значение переливания крови.

Никогда мне не забыть ту ночь в Коннотской больнице, когда на моих глазах ожила женщина, с помощью трубки подсоединенная к бутылке донорской крови. Весь мой опыт, связанный с переливанием крови, которое является самым безупречным примером разделенной с другим человеком жизни, свидетельствует о животворной силе крови. Та переданная по радио церковная служба напомнила мне, что Христос не умер и не покинул меня, что Он жив и существует во мне. Каждая клетка Его Тела находится в неразрывной связи с питательными веществами из общего источника. Она омывается ими. Она объединена с ними в неразрывном единстве. Кровь питает жизнь.

Вливание свежей крови помогает также объяснить и: процесс очищения. Я имею в виду токсины, накапливающиеся в разбросанных повсюду клетках моего организма, и то облегчение, которое я испытываю, когда кровь вымывает из меня эти яды.

И, наконец, я представляю себе ожесточенную внутриклеточную борьбу, ведущуюся внутри моего организма, и ту победу, которую приносит инъекция сыворотки крови. Иисус Христос, живший на земле до нас, выработал «умную» кровь, которую безвозмездно делит с нами.

Так Вечеря Господня стала для меня не просто волнующей реликвией раннехристианского учения, но образом удивительной силы. Это праздник торжества жизни, символ Крови Христа, перелитой в меня. Женщина в Коннотской больнице избежала смерти благодаря тому, что безымянный донор поделился с ней живыми силами своего организма; пациенты Рива Беттса получали новую жизнь благодаря тем частицам жизни, которые отдавали из своего организма члены их семей. Подобным же образом во время причастия в меня вливаются новые силы и новая энергия, которые я черпаю из Христовых источников.

Кто-то говорит: «Смысл в Вечере Господней есть, но к чему нам обряд? Зачем нам его повторять?» Роберт Фаррар Капон отвечает на подобные возражения вопросами: «Зачем ходить на вечеринки, когда можно напиться в одиночку? Зачем целовать жену, когда вы оба знаете, что любите друг друга? Зачем рассказывать анекдоты старым друзьям, когда те их уже сто раз слышали? Зачем устраивать торжественный обед на день рождения дочери, когда наесться можно и простым супом?» И тут Капон ставит главный вопрос: «А зачем вообще быть

человеком?» Можно сказать и словами одного английского богослова: секс в браке — это все равно что таинство в христианстве, это физическое выражение духовных реалий¹.

При ветхом завете верующие приносили жертвы, приносили даяния. При новом завете верующие получают свидетельства законченного Христова труда. «Мое тело, за вас ломимое... Моя кровь, за вас пролитая...» Этими словами Иисус преодолевает пространство от Иерусалима до меня, перешагивает через годы, отделяющие Его время от моего.

Когда мы 'оговоримся принимать причастие, то дыхание у ; нас перехватывает, сердце бьется тише. Мы живем в мире, очень далеком от Бога. В будни нас часто посещают сомнения. Нас тревожат собственные слабости, неудачи, неистребимые грехи, боли и горести. И вот нас — бледных и израненных — Христос призывает принять причастие, отметить праздник жизни. Мы ощущаем благословенный ток Его прощения, любви и исцеления — нежный шепот Божий, говорящий о том, что Он не отвергает нас, а дарует нам жизнь, преображает нас. «Я семь... Живой... — говорит Христос пораженному апостолу. — И был мертв, и се, жив во веки веков» (Отк. 1:17-18).

Вечеря Господня вобрала в себя все три времени глагола: была жизнь, которая отдана за нас; есть жизнь, которая живет в нас; жизнь не перестанет быть и придет за нами. Христос — не просто пример живого существа. Он сама жизнь. Иисус Христос не оставил после Себя детей. Были бы у Него потомки, они были бы сначала наполовину Христом, на одну четверть Христом, на одну шестнадцатую Христом, и так до наших дней, если бы можно было еще восстановить генеалогическое древо и потомков найти. Но Христос не избрал подобного пути. Он решил донести Себя до нас лично и во всей полноте, даровав каждому из нас силу собственной воскресенной жизни. Ни один другой новозаветный образ — ни пастырь, ни строитель, ни жених — не объясняет понятие «Христос в вас» так, как образ крови.

Вспомните слова, которые в свое время возмутили последователей Христа: «Идущий мою плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день; ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье; ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною».

Он и есть истинная еда и истинное питье.

«Не знающий любви, пусть он придет

И вкусит сок, который лился по древку копья.

Подобного на вкус не пробовал питья ?

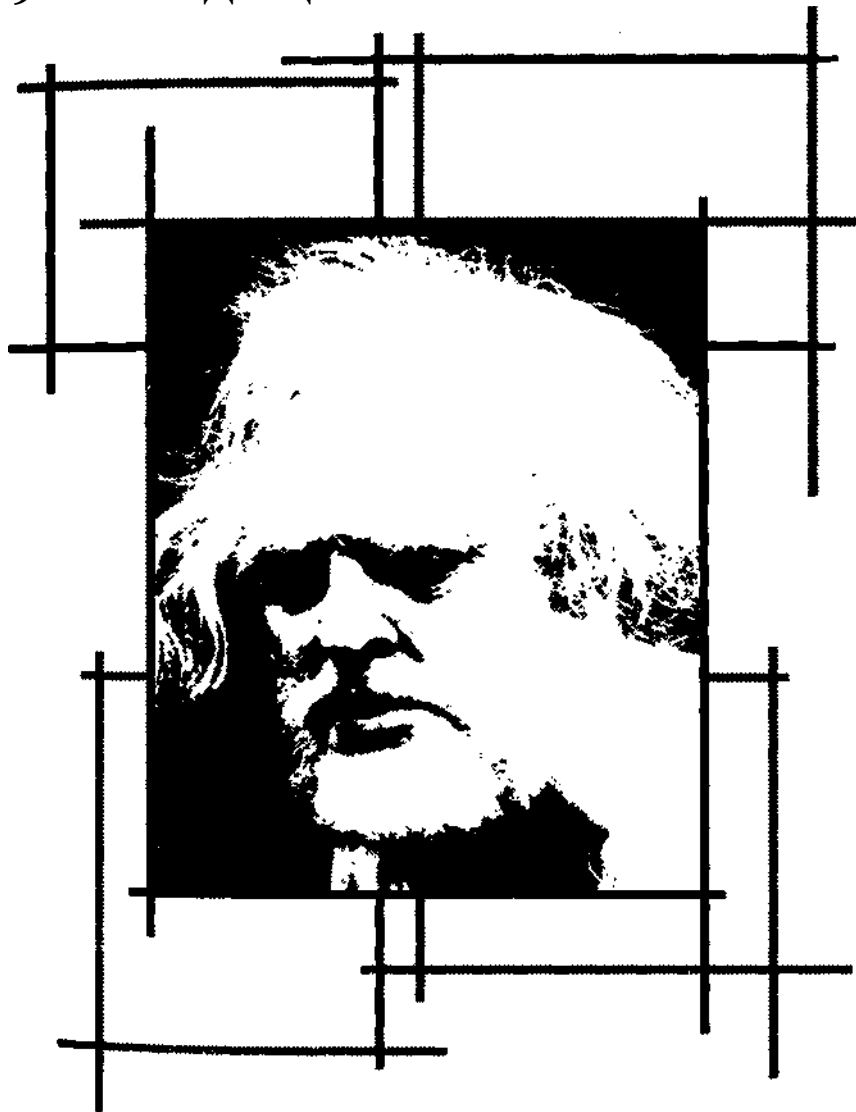
*Любовь — питье. Сладчайшее и горнее питье. Оно
— для Бога Моего есть кровь,*

---

¹ В данном вопросе может помочь книга Хэлен Оппенгеймер «Воплощение и вездесущность»: «Физическое действие — вкушение вина и хлеба — это не волшебные чары и не промывание мозгов, но материальное средство почувствовать Божье присутствие, Его «истинное» присутствие. Как же могут какие-либо личностные отношения существовать без материального присутствия сторон? Нужно произносить слова или писать их на бумаге, нужно улыбаться или хмуриться, двигаться или стоять на месте. Но более всего человеку требуется рукопожатие или поцелуй, определенная поза — уважительно стоять, удобно сидеть или почтительно склонить колено. Нужно выразить свои мысли или понять мысль другого. Можно определить таинство, как «область пересечения личностного и материального». И если это так, то человеческая жизнь — это сплошное таинство, а материальное в жизни является элементом этого таинства. Обручальные кольца, награды, мзда;:, подарки ко дню рождения — это не просто приятные вещицы, которые человек желает получить ради них самих. Не являются они и «чисто символическими вещами», подобными засушенному цветку с первого свидания. Но когда все эти вещи приходят к человеку в строго определенном контексте, то они становятся средством «человеческой благодати», точно отражающим действительность, символами какой-то реальности. Действительностью же может являться перемена социального статуса, изменение волеизъявления, любовь, почести или что другое... Доказательством постоянного присутствия Христа в хлебе и вине является смерть и воскресение Христа. Он смог отдать Свое тело и кровь, потому что отдал тело и кровь, и Он смог отдать их Им же Самим избранным материальным способом — на таинстве приема пищи, ибо, воскресши из мертвых, Он явил Себя Господом тварной вселенной».

А для меня — вино».
Джордж Герберт, «Агония»

9. ПРОВОДЯЩИЕ ПУТИ

Вся Земля пронизана небесами, здесь каждый кустик пылает страстью к Богу; но только тот, кто действительно видит Его, преклоняет перед Ним колени, остальные ничего не делают и лишь пожинают плоды.

Элизабет Бэррет Браунинг

Я сижу, откинувшись на спинку стула в своем неприбранном кабинете, бессмысленно уставившись в окно. В эту секунду примерно пять триллионов химических реакций происходят в моем мозге. Нет, сегодня, когда я целый день ленюсь, их происходит гораздо меньше.

Я пытаюсь сконцентрироваться на своих органах чувств; начинаю с глаз. Вокруг меня повсюду лежат стопки журналов, рукописи будущих книг, целые горы писем, на которые я никак не могу ответить. Их вид действует на меня угнетающе, поэтому я предпочитаю глазеть в окно. Я перевожу взгляд на свой огород, и меня пронзает острое чувство вины: я уже давно не поливал и не удобрял его. Но справа от огорода растет деревце, являющееся моей гордостью и предметом восхищения – увешанный спелыми плодами инжир.

Его плоды в вельветовой коже, отливающие всеми цветами — от зеленого до лилового, — так густо обсыпают ветки дерева, что они склоняются почти до земли. Ежегодно в период созревания плодов, откуда ни возмись, появляются целые тучи красивейших бабочек — все одного и того же вида с необычной царственной черно-оранжево-белой окраской. Тысячи бабочек кружатся над моим

деревцем. Создается впечатление, что на нем надета колышущаяся яркая разноцветная корона. Если выйти на улицу, становится слышно хлопанье их крылышек, напоминающее шелест тончайшей бумаги.

Я наблюдаю, как бабочки снимают пробу с аппетитных спелых плодов своими «язычками», диаметр которых меньше диаметра нитки. Не успев присесть, они тут же взлетают с неспелых фруктов, несколько секунд задерживаются на слегка покрасневших и с необычайным обжорством набрасываются на плоды двухдневной спелости. Я узнал верный способ определять спелый инжир: надо собирать тот, на который бабочки лишь присели, но еще не начали им лакомиться.

Мое ухо улавливает все разнообразие обыденных звуков: сопение моей собачки за углом, равномерное постукивание парохода на реке Миссисипи, отдаленное дребезжание работающей газонокосилки, доносящиеся из гостиной звуки классической музыки.

Жужжание газонокосилки сопровождается резким пахучим запахом свежескошенной травы. Если слегка пригнуть голову и принюхаться, то можно уловить сладкий хмельной запах упавших на землю переспевших плодов инжира. Все эти приятные ароматы несколько портит устойчивый запах серы с расположенного ниже по реке нефтехимического завода.

С одной стороны, за сегодняшний день не произошло ничего выдающегося. Но если задуматься, то увидишь: случилось многое. Мой нос, глаза и уши зафиксировали все эти ощущения прежде, чем они дошли до моего сознания. Эти ощущения настолько существенны для формирования моего мировосприятия, что нельзя не произнести хотя бы несколько слов о каждом из них.

Так сказал последователь стоицизма¹ Эпиктет: «Бог дал человеку два уха и лишь один рот, чтобы он мог слышать в два раза лучше, чем говорить».

По сравнению с огромными, двигающимися ушами некоторых животных уши человека кажутся маленькими и недоразвитыми. Они рассчитаны на меньший звуковой диапазон, чем уши собаки или лошади, и не идут ни в какое сравнение с такими ушами некоторых животных, которые обладают необычайной способностью двигаться и поворачиваться в разные стороны — лишь отдельные представители человечества могут шевелить ушами, да и то шутки ради.

И, тем не менее, человеческий слух поразителен. Обычная беседа заставляет молекулы воздуха вибрировать, приводя в движение барабанную перепонку, диапазон колебаний которой составляет всего десять тысячных долей сантиметра, но обладает такой точностью, что мы можем различать все звуки человеческой речи. Мембрана барабанной перепонки способна регистрировать звуки в диапазоне от еле слышимого стука упавшей на пол булавки до громохання проносящегося мимо скоростного состава, издающего в сотни триллионов раз более громкий звук. Восприимчивость нашего уха как раз такая, какой и должна быть. Если она хотя бы чуть увеличится, то мы постоянно будем слышать звук движущихся молекул воздуха — непрекращающийся свист (некоторые люди испытывают подобный физический недостаток, он может привести к опасным галлюцинациям).

Учащиеся старших классов, изучающие биологию, знают, что происходит, когда барабанная перепонка начинает вибрировать: три малюсенькие косточки, известные под названиями

¹ Стоицизм — специфическое направление философской мысли, господствовавшее с III в. до н.э. до III в. н.э. Стоики в своих воззрениях выдвигали на первый план понятие спокойного и всегда уравновешенного, даже «бесчувственного» мудреца. В этом проявлялся идеал внутренней свободы, свободы от страстей, который лелеяли почти все стоики (прим. перев.).

молоточек, наковальня и стремечко, передают вибрацию в среднее ухо. Мне приходилось по роду деятельности иметь дело практически со всеми костями человеческого организма. Скажу прямо: эти три самые малюсенькие косточки — наиболее выдающиеся из всех. В отличие от остальных костей, эти три не изменяются с возрастом — у младенца одного дня от роду они уже развиты в совершенстве. Эти косточки находятся в постоянном, безостановочном движении, так как каждый дошедший до них звук приводит их в действие. Совместными усилиями они увеличивают силу вибрирующего воздействия на барабанную перепонку до такой степени, что она в 20 раз превышает первоначальную величину.

Внутри камеры длиной 2,5 см, известной под названием Кортиев орган¹, сила, возникшая от движения молекул воздуха и преобразованная в механическое вибрирование, наконец превращается в силу турбулентного потока.

Движение трех косточек создает волновые импульсы в вязкой жидкости, содержащейся в герметичном Кортиевом органе. Насколько нам известно, звук находится в полной зависимости от этой сейсмической камеры.

Как же я различаю два разных звука, таких как занудное жужжание мухи в моей комнате и гул газонокосилки в соседнем квартале? Каждый различимый звук имеет свой «почерк», характеризующийся количеством вибраций в секунду. (Этот процесс можно наглядно продемонстрировать с помощью камертона: если по нему ударить, видно, что его зубцы движутся туда и обратно). Если вы слышите звуковую молекулярную волну частотой, например, в 256 колебаний в секунду, это значит, что вы слышите ноту «си» средней октавы. Обычный человек может различать вибрации от 20 до 20 000 колебаний в секунду.

Внутри Кортиева органа эти вибрации принимаются 25 тысячами клеточек-рецепторов, выстроившихся в ряд. Они напоминают струны огромного пианино, замершие в ожидании того мгновения, когда пианист ударит по клавишам. Через глазок растрового электронного микроскопа эти клетки выглядят точно так же, как стоящие в ряд бейсбольные биты. Каждая клетка рассчитана на прием определенного звука. При получении 256-цикловой вибрации некоторые из этих клеточек выстреливают сигналы в мозг, и я «слышу» ноту «си». Остальные клетки ждут ту частоту, на которую они настроены. Представьте себе хаос, в котором носятся клетки, когда я сижу перед симфоническим оркестром и слушаю одновременно двенадцать нот, а также огромное разнообразие музыкальных «партий» различных инструментов. Человеческое ухо способно различить 300 000 тонов².

Что касается мозга, то самым удивительным является следующий факт: когда мы что-то слушаем, сама вибрация не поступает в мозг. Этот процесс напоминает кассету с пленкой, воспринимающей звук не как механическую вибрацию, а как серию электрических и магнитных кодов. Как только вибрация начинает передаваться соответствующей звуковой клеточке-рецептору, направляемое в мозг усилие превращается из механического в электрическое. Тысячи проводочков — нейронов — тянутся от небольшого участка, на котором уместятся 25 000 клеток, к слуховому отделу мозга. В них звуковые частоты

¹ Кортиев орган назван по имени итальянского анатома А.М. Корти (1822— 1876) (прим. перев.)

² В дикой природе необходимость выживания приоритетнее эстетических соображений, поэтому животные, которые, добывая себе пищу, во многом полагаются на слух, способны воспринять гораздо больший диапазон звуков, чем человек. Радарное звукопередающее и звукопринимающее устройство летучей мыши может посылать и принимать от 50 000 до 100 000 звуковых колебаний в секунду. Даже ваша собака слышит лучше, чем вы, и принимаемый ею диапазон звуков шире вашего. Сова снабжена уникальной системой приема звуков, поступающих одновременно с нескольких сторон: одно ее ухо обращено вперед, другое назад. Таким образом, ее уши образуют локатор, принимающий звуки со всех четырех сторон. Этот локатор настолько точный, что он позволяет слепой сове легко распознать мышку, шуршащую в соломе огромного амбара.

принимаются с последовательностью периодически повторяемых сигналов. То, что мы слышим, зависит от следующих факторов: какие клетки передают данный сигнал, с какой частотой и в сочетании с какими другими клетками. Мозг складывает все полученные сообщения вместе — тогда мы «слышим».

После приема электрического кода от звуковых рецепторов, мозг вносит свой вклад: он определяет значение и эмоциональное восприятие услышанного нами. Я столкнулся с этим совершенно неожиданным способом в 1983 году, когда мы с женой отмечали сороковую годовщину нашей свадьбы. Зазвонил телефон — мы с Маргаритой взяли трубки одновременно на разных аппаратах. «Привет, мамочка. Привет, папочка. Примите наши поздравления!» — слышали мы в трубке. Это звонил наш сын Кристофер из Сингапура. Потом, к нашему немалому удивлению, мы слышали те же самые слова еще раз, теперь уже от нашей дочери Джин из Англии. А затем еще и еще — от Мэри из Миннесоты, от Эстеллы с Гавайев, от Патриции из Сиэттла, от Полин из Лондона. Все наши шестеро детей договорились между собой и устроили нам сюрприз — организовали многостороннюю одновременную телефонную связь.

За все последние годы я не переживал такого накала чувств. Сразу же нахлынули воспоминания. Вспомнилось, как когда-то вся наша семья собиралась за обеденным столом, как мы смеялись и подшучивали друг над другом. От звука голосов моих детей на глаза невольно навернулись слезы, сердце наполнилось огромной радостью. Разделенные тысячами километров, мы снова были одной семьей. Я заново ощутил, как сильно люблю их. В сознании вновь и вновь возникали сценки из нашей прошлой жизни, когда дети были маленькими. Звуки, которые зародились где-то далеко-далеко как механические усилия, «задели струны моей души», проникли вглубь моего естества, достали «до самого сердца».

С не меньшим удивлением я воспринял еще один феномен мозга. Бывают моменты, когда я не заставляю свой мозг напрягаться — позволяю ему расслабиться. Тогда я вдруг начинаю «слышать» звучание четырех потрясающих аккордов Пятой симфонии Бетховена, или мелодичный голос моей дочки Полин, или пронзительные звуки сирены воздушной тревоги в Лондоне, невольно вызывающие чувство страха и тревоги. В данный момент нет никакого усилия, нет вибрации молекул, нет сигналов от звуковых рецепторов, но я все это слышу. Мой разум «оживляет» звуки, извлекая их из тех, что уже существуют, но лишь в сложном сочетании нервных клеток, пронизывающих каждый кубический сантиметр белого вещества моего мозга.

Я пишу о слухе, не переставая удивляться этому органу чувств. А об обонянии я и вовсе могу писать только, как о чем-то сверхъестественном.

Обоняние выходит за пределы физики, способной дать точное определение всему на свете. Этот орган чувств уже приближается к области фантастики. Представьте себе: самец моли чувствует запах всего одной молекулы выделяемого самкой феромона¹ даже на расстоянии в пять километров от нее. Он перестает есть и лишается покоя, пока не найдет именно ту самку, которая раздражила его. И ему достаточно для этого только одной молекулы. Или представьте себе речного лосося, который совершает путешествие к океану, за тысячи километров от своего дома. Без карты, без опознавательных знаков, без каких бы то ни было указателей — лишь с помощью собственного обоняния, рецепторы которого разбросаны по всему чешуйчатому телу, взрослый лосось

¹ Феромон — половое вещество, привлекающее самца (прим. перев.)

обязательно найдет обратную дорогу домой в ту реку, в которой родился. Свинья, будто бульдозер, роет землю в поисках еды; медведь залезает на дерево, бросая вызов сотням ядовитых жал, ради капли меда. Хлопковый долгоносик целый день может неистово носиться по мягким полям хлопчатника в поисках самки, если посевы пропитаны ее запахом. Обоняние побуждает к действию, как никакое другое чувство.

Мы — современные люди — сильно принизили значение обоняния, и поэтому немалая часть нашего мозга просто атрофировалась. Мы забыли, что обоняние (и его ближайший союзник — вкус) сыграли важнейшую роль в истории человечества. Разве не из-за страстного желания европейцев получить побольше специй и не из-за бесстрашия Колумба, отправившегося на их поиски, была открыта Америка? Иначе она могла бы остаться неизвестной еще сотни лет. Большинство из нас обладает такой способностью различать запахи, которую мы никогда не используем в жизни (кроме немногочисленных профессионалов, зарабатывающих на жизнь дегустацией вин, кофе, чая или различных ароматических веществ и парфюмерных средств). Если бы нам пришлось жить в естественных условиях и, чтобы выжить, полностью зависеть от собственного обоняния, то дремлющая в данный момент часть мозга ожила бы и возглавила не ослабевающую ни на минуту борьбу за пропитание. А еще она обеспечивала бы охрану нашего организма от воздействия ядовитых и отравляющих веществ, от нечистот и дыма.

Процесс обоняния выглядит как простая химическая реакция: крошечные обонятельные рецепторы осуществляют тщательный химический анализ любой, даже случайно оказавшейся рядом молекулы. У мух и тараканов такие рецепторы располагаются на ногах, что придает этим насекомым отталкивающий внешний вид; моль снабжена ворсистой обонятельной антенной, действующей по тому же принципу, что и телевизионная антенна — по принципу усиления принимающей способности; у людей эта зона размером с монетку находится в полости носа — там расположены рецепторные ткани. Чтобы определить запах, мы должны хорошенько втянуть носом воздух — молекулы приблизятся вплотную к чувствительной зоне и на какое-то время задержатся на влажных вязких внутренних стенках носа. Даже наша не слишком развитая обонятельная система может обнаружить одну молекулу чеснока при слабом дуновении ветерка, содержащего пятьдесят тысяч других молекул.

Вы не представляете, наличие какого мизерного количества самого вещества необходимо, чтобы определить источник запаха. Никакая лучшая в мире лаборатория не в состоянии провести анализ даже с сотой долей быстроты и точности, с которой функционирует нос собаки-ищейки. Она в любую минуту готова броситься на поиски. Кинолог дает собаке понюхать носок разыскиваемого преступника. Она несколько раз как следует обнюхает его, мгновенно отсортировывая застоявшийся запах сигаретного дыма, аромат одеколона, запах кожи ботинок, следы деятельности бактерий, и определит запах самого человека. После этого собака берет след и идет по нему напрямик, пригнувшись к земле, постоянно втягивая носом воздух и мгновенно оценивая все поступающие запахи. И ни аромат сосновых игл, ни пыль, ни запах бегущих рядом людей, ни тысячи разнообразнейших запахов, исходящих от почвы, — ни один из них ни на секунду не смешивается с тем единственным, молекулярная структура которого четко отпечаталась в мозге собаки. Она будет идти по следу, пробираясь через чащобы, кружа по многолюдным городским улицам и

поднимаясь по лестницам домов — куда бы ни вел след, — через день, через два дня, даже через неделю после того, как преступник оставил хоть какие-то следы. Я не знаю ни одной лаборатории в мире, которая смогла бы отличить одного человека от другого по запаху пары вонючих носков, не говоря уже о том, чтобы при таких условиях выйти на его след.

Помимо всего прочего обоняние еще может вызвать ностальгию. Вас вдруг неожиданно пронзает, будто пуля, запах кофе, морского прибоя, едва уловимый, но такой знакомый аромат духов или специфический эфирный запах больничного коридора. В этот момент вы мгновенно неожиданно для самого себя переноситесь в прошлое — туда, где впервые столкнулись с этим запахом, навсегда зафиксированным в вашем мозге. Я переживаю подобное состояние каждый раз, когда приезжаю в Индию — страну, которая у нас прежде всего ассоциируется с запахом (между прочим, Индия — конечный пункт назначения экспедиции Колумба). В 1946 году, только что став врачом, я приплыл в Бомбейскую гавань после 23-летнего перерыва. Как только я вышел на берег, на меня тут же накатила гигантская волна давно забытых воспоминаний детства. Паровозы, базары, люди с экзотической внешностью, сильно пахнущая пряностями еда, сандаловое дерево, индусские благовония — все это нахлынуло на меня, как только я вдохнул воздух Индии. Такое случается каждый раз, когда я выхожу из самолета и по падаю в эту страну.

Но через несколько дней пребывания все эти переполняющие меня ощущения утихают, превращаясь в обыденную окружающую обстановку. После начального периода обострения мозг постепенно подавляет резкость окружающих запахов. Ричард Сельзер назвал это явление «носовым утомлением». Обоняние — это, прежде всего, часовой, стоящий на охране нашего организма и посылающий нам предупреждающие сигналы. А если мы уже предупреждены, то зачем же мозгу дублировать посылаемые сигналы? Торговцы рыбой, кожевники, сборщики мусора, рабочие бумажной фабрики с благодарностью принимают это благо, которое называется привыканием. «Постепенно привыкаешь», — обычно говорят они и оказываются абсолютно правы.

В учебниках, где идет речь об обонянии, нередко можно встретить такие слова и выражения: «труднообъяснимый», «до сих пор не установлено», «пока нет точного ответа». Человек обладает непостижимой способностью различать 10 000 запахов, но некоторые из нас почему-то различают намного меньше, а есть и такие, для которых норма — гораздо выше. Почему? Нет объяснений¹. Мы создаем фонды и оказываем благотворительную помощь тем, кто потерял слух и зрение, но я не знаю ни одного «Национального фонда помощи людям с пороками органов обоняния».

Вкус, безусловно, заслуживает нашего внимания, как одно из пяти главнейших чувств. «Всей нашей жизнью правит гастрономия», — так писал известный французский эпикурец² XIX века Жан Ансельм Брийят-Саварин³.

«Новорожденный плачет, требуя материнскую грудь; а умирающий с наслаждением делает последний глоток воды». Но в сравнении с обонянием вкус

---

¹ Ни один человек не может избежать ассоциаций, связанных с этим органом чувств. Хелен Келлер писала: «Обоняние — могущественный волшебник, переносящий нас за тысячи километров и намного лет назад — туда, где мы жили раньше. Запахи фруктов переносят меня на юг — в дом, окруженный садом из персиковых деревьев, в котором прошло мое беззаботное детство. Другие запахи — мгновенные и мимолетные — заставляют; мое сердце радостно биться или сжиматься от былой тоски. Даже когда я только подумую о запахах, мой нос наполняется ароматами, пробуждающими сладкие воспоминания о прошедших летних денечках и наполненных спелыми фруктами в садах моей юности».

² Эпикурец — любитель чувственных наслаждений, преимущественно любитель вкусно поесть (прим. перев.).

³ Брийят-Саварин (1755—1826) — французский гастроном, автор книги «Психология вкуса», (прим. перев.).

проигрывает. Он сам в большинстве случаев полагается на обоняние, что может подтвердить любой повар или любой дегустатор с заложенным носом.

Электронный микроскоп, сканирующий состоящую из вкусовых луковиц плотную поверхность языка, обнаруживает дивные сооружения: причудливые утесы и пещеры, колючие кактусы, грозди длинных выющихся растений, экзотические листья. Вкусовые луковицы работают очень хорошо, снабжая большинство из нас отличным аппетитом и даже пристрастиями к излишествах. Но, чтобы зарегистрировать определенный вкус, вкусовым луковицам требуется в двадцать пять тысяч раз большее количество испытуемого вещества, чем обонятельным рецепторам. Кроме того, по каким-то загадочным причинам вкусовые луковицы живут всего от трех до пяти дней, и затем умирают. Так что самым «сведущим» в вопросах вкуса является лишь наш мозг — гордая, неприступная крепость.

Вкус и обоняние строго стоят на службе организма, выполняя утилитарные обязанности. Подтверждением этому служит следующий удивительный факт: когда пациент получает пищу прямо в желудок или через вену, организм поглощает больше еды, чем тогда, когда человек прежде «пробует ее на вкус». Вкусовое ощущение стимулирует желудочный сок точно так же, как запах жарящегося бифштекса пробуждает в нас мгновенный, неожиданный аппетит.

Мой краткий обзор органов чувств и их связи с мозгом будет неполным, если я не упомяну о зрении. Оно больше остальных чувств дает нам представление об окружающем мире (осознание подробно описано в моей книге «Ты дивно устроил внутренности мои»). Моя жена — хирург-окулист, и мне ежедневно приходится слышать о том, что такое на самом деле глаза и как много они для нас значат. Глаза составляют всего один процент от массы головы, но если их нормальное функционирование нарушено, то последствия этого будут трагическими.

«Кто бы мог подумать, — вопрошал Леонардо да Винчи, — что столь тесное пространство способно вместить в себе образы всей вселенной. О, великое явление! Чей ум в состоянии проникнуть в такую сущность? Какой язык в состоянии изъяснить такие чудеса? Явно, никакой».¹

Для человеческого глаза характерна цветная окраска радужной оболочки. Радужная оболочка состоит из радиальных и круговых мышц, участвующих в расширении и сужении зрачка. Зрачок расширяется или сужается, чтобы увеличивать или уменьшать количество света, определяемого так называемым фактором шестнадцати. Фиксированный затвор камеры дублирует эту механическую функцию, но ничего не дублирует восхитительное строение тех стройных мышц, которые струятся и колышутся, будто жабры тропической рыбы. Внутри них расположена самая точная линза — хрусталик. Хрусталик — живая ткань, окруженная мягкими защитными устройствами и поддерживаемая в нужном состоянии с помощью прозрачной жидкости, которая постоянно обновляет ее, питая клетки и убивая проникающих микробов. У детей хрусталик удивительно чист и прозрачен. С возрастом же накапливаются белковые отложения, которые делают прозрачный хрусталик мутным и твердым, вызывая в нем

¹ Даже известный скептик Дэвид Юм, пытающийся объяснить это уникальное явление, называемое зрением, за счет определенной конструкции глаз, сказал: «Анатомизируйте глаз, изучите его структуру и принцип действия и скажите мне, исходя из своих ощущений, не навело ли все это вас на мысль о том, что у него, несомненно, должен быть изобретатель. У меня такая мысль появилась — она так же убедительна, как и само зрение!» Вне всякого сомнения, Юм имел в виду именно человеческий глаз, одинаково нравится изучать и другие эталоны природы: морского ежа чувствительными зрительными окончаниями, разбросанными по всему телу, или устрицу с ярко-голубыми пятнышками-глазками, обрамляющими ракушку, будто посадочные огни аэродрома; копошащегося в прибрежном или речного рака с животом, усеянным мельчайшими глазками, или обычную муху с тридцатью тысячами автономных глазных центров. Глаз морского моллюска функционирует так же, как простейшая камера с малым отверстием, в то время как у птицы пустыльги обыкновенной, отличающейся тем, что она взлетает очень высоко в небо, в четыре раза больше глазных клеток, чем у человека. Эта птица обладает повышенной остротой зрения, необходимой для обнаружения добычи. Каждое животное имеет какой-либо компонент зрения, кроме, конечно, амёбы и дождевого червя, снабженных лишь инстинктом находиться подальше от света.

заболевание, называемое «катаракта» — тогда человек начинает видеть все окружающее расплывчато, будто сквозь водопад.

Сложность воспринимающих клеток потрясает воображение. 127 000 000 клеток, названных палочками и колбочками, выстраиваются стройными рядами в органе зрения человека. Они и являются «зрительными» элементами, принимающими световые ощущения и передающими сообщения в мозг. Палочки, тончайшие и грациозные реагирующие на свет усики, превосходят по численности луковичеобразные колбочки в соотношении 120 000 000 к 7 000 000. Клетки палочек настолько чувствительны, что даже самая малая световая частица — один фотон — побуждает их к действию. При благоприятных условиях человеческий глаз может заметить свечу на расстоянии в 20 км.

Но, если бы у нас были только палочки, мы бы видели лишь сумеречные светотени — черные и серые тона. Мы бы не воспринимали фокусное изображение, на восприятие которого способны лишь сложнейшие колбочки.

Среди густого леса палочек более крупные колбочки стараются сконцентрироваться в таком месте глаза, где фокусировка будет наиболее резкой¹. Хотя колбочки в тысячу раз менее чувствительны к свету, только благодаря им мы различаем цвета и мелкие детали. (Различия в зрительном восприятии у животных во многом зависят от количественного сопоставления этих двух клеток. У совы преобладают палочки, что обеспечивает ее великолепное ночное зрение. В полную противоположность ей курица снабжена только колбочками, чтобы различать мельчайших насекомых; поэтому считается, что курица практически слепа). У нас, людей, имеется большой ассортимент палочек и колбочек, что дает возможность видеть, как мельчайшие предметы, расположенные не дальше кончика нашего носа, так и звезды, находящиеся на расстоянии в несколько световых лет.

Платон² ошибочно считал, что зрение состоит из частиц, вытекающих из глаза и попадающих на те предметы, на которые мы смотрим. Мы теперь знаем, что происходит как раз наоборот: световые волны определенной длины — физики еще не пришли к определенному выводу: то ли это частицы, то ли волны энергии, — устремляющиеся с неба и отражаемые от окружающих предметов, поступают в глаз. На этом этапе глаз функционирует как камера с точным механизмом затвора и фокусировки, необходимым, чтобы принять и зафиксировать поступивший свет. Разнообразнейшие крошечные отверстия размером с булавочную головку фиксируют то, что оказывается в зоне нашей видимости: гору, дерево, небоскреб, жирафа, блоху. Но на расположенном в задней части глаза пятнышке размером с монетку, которое называется сетчатой оболочкой, или сетчаткой, полученное камерой изображение расплывается: чисто физическое изображение прекращает свое существование на сетчатке. Начиная с этого момента, в действие вступает электричество. Будет точнее сказать, что на самом деле мы видим не глазом, а с помощью глаза.

Чтобы лучше представить себе этот процесс, проведем аналогию с космическим кораблем, взлетающим с поверхности нашей планеты и пронзающим пространство Солнечной системы, чтобы стать искусственным спутником Венеры, Юпитера или Марса. Мы все видели потрясающие фотоснимки, на кото-

¹ Центр нашего глаза фокусируется всего лишь на 1/1000 поля зрения. Мы можем четко различать угол всего в четыре градуса — меньше, чем угол булавочного ушка. Попробуйте не отрывать глаз от одного — любого — слова на этой странице книги. Все расположенные рядом слова примут расплывшиеся очертания, а наиболее удаленные слова и вовсе превратятся в неясную тень.

² Платон Афинский (настоящее имя Аристокл) (427—347 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, одна из ключевых фигур истории мировой мысли. Согласно Платону, реальный, чувственно воспринимаемый мир является иллюзорным, кажущимся (прим. перев.).

рых в мельчайших деталях запечатлены и сами спутники, и пейзажи отдаленных планет, и кольцеобразная атмосфера вокруг них. Но если мы прочтем описание увиденного, то поймем, что видим не сам снимок, зафиксированный на пленке, а его преобразованное изображение. Космический корабль фотографирует, а затем с помощью компьютерных программ преобразует полученное изображение в тысячи битов¹ информации о свете и тени, о форме и цвете.

Эти данные поступают на землю в виде радиосообщений. Это называется ретрансляцией отраженного изображения, или выбросом сигнала через Солнечную систему. На земле ученые получают и преобразовывают эти закодированные сигналы, усиливая их с помощью электронных средств. А затем делают фотографии, которые выглядят так, будто космический корабль направил объектив фотоаппарата на планету и сделал снимок на высокочувствительную пленку. Мы «видим» не сам Юпитер, а воспроизведение битов информации о Юпитере.

То же можно сказать и о нашем мозге: он не получает фотографические изображения окружающих предметов. Происходит следующее: 127 000 000 палочек и колбочек «приходят в действие» от световых волн и выстреливают сообщения 1 000 000 волокон зрительного нерва. Сам зрительный нерв напоминает смотанные витки телефонного кабеля, тянущиеся прямо к мозгу. Импульсы с сетчатки бегут по волокнам зрительного нерва, веером разворачиваются в мозгу и наконец с силой ударяются о тот участок коры головного мозга, который управляет зрением. Там и происходит чудо, называемое зрением.

Перед корой головного мозга стоит нелегкая задача: сетчатка глаза посылает ей миллиард сообщений в секунду. Лишь совсем недавно ученым удалось заглянуть в зрительный участок коры головного мозга и увидеть, каким образом в нем сортируются получаемые электрические сигналы. Этот процесс удалось проследить на анестезированных животных — в основном кошках и обезьянах.

Специалист вскрывает череп кошки, добирается до зрительного участка коры головного мозга и прикрепляет тончайший, почти невидимый глазом микроэлектрод к одной клеточке мозга. Затем он помещает в поле зрения животного различные по форме и виду предметы, по-разному пропускающие свет и по-разному движущиеся, и тщательно записывает, какие именно объекты или их типы заставили срабатывать данную клетку. «Приемное поле» каждой клетки настолько специфично, что оно срабатывает, например, только тогда, когда перед глазами кошки располагается горизонтальный предмет под углом в 30°. Некоторые клетки приводятся в действие под влиянием крупного изображения, другие — под влиянием мелкого. Одни клетки начинают выстреливать сообщения только в присутствии полосы света в центральной части поля; если полоска отклоняется на 10—20°, они перестают посылать сигналы. Другие фиксируют яркую линию, движущуюся на темном фоне; а есть и такие, которые реагируют лишь на пограничные районы между светом и тенью. Некоторые клетки отвечают только за движение.

Нобелевский лауреат, впервые описавший принцип действия коры головного мозга, со смиренной покорностью констатировал: «Едва ли можно представить себе количество нейронов, обеспечивающих нам зрительное восприятие медленно вращающегося пропеллера». Я прочитал немало отчетов ученых, посвятивших свою жизнь изучению зрительного участка коры головного мозга,

---

¹ Двоичная единица информации (прим.перев)

подробно анализирующих работу каждой клетки. И меня каждый раз поражало следующее: когда я смотрю, я не имею ни малейшего представления о том, какой процесс происходит в клетках, кодирующих получаемую информацию и выстреливающих сообщения, а затем раскодированных полученные данные и перегруппирующих их в моем мозгу. Инжирное дерево за моим окном с тучей кружащихся вокруг бабочек доходит до моего сознания не как ряд точек и световых вспышек, а как дерево — целиком, с понятным и законченным значением.

Способность превращать серии сигналов, поступающих от уха, носа, языка или глаза, в какое-то конкретное значение, существует лишь благодаря внутренним функциям изолированного головного мозга. Клетки, расположенные внутри этой крепости цвета слоновой кости, не имеют опыта общения со светом, звуком, вкусом или запахом. Однако каждый бит информации, передаваемой органами чувств, поступает сюда. Реальное восприятие происходит лишь после того, как мозг получит информацию, преобразует и осмыслит ее. Проводящие пути органов чувств приводят нас не куда-нибудь, а именно в мозг.

10. ОСНОВА ОСНОВ

Все существующие тело: свод небесный и звезды, твердь земная и все, что на ней, не равны по своему значению даже самому низшему разуму; ибо разум знает все о них и о себе самом; а они не знают ни о чем.

Блэз Паскаль, «Мысли»

Мы покончили с мечтами и фантазиями, чтобы перестать витать в облаках и вернуться в реальность. И вот что оказалось: реальность неразрывно связана со способностями, пробуждающими наши мечты и фантазии. Это происходит благодаря тому, что человеческий разум — создатель иллюзорных представлений и образов — единственный гарант реальности, потому что поиски реальности ведутся на основе иллюзий.

Сэр Артур Эддингтон

Естество физического мира»

Во всей медицине нет процедуры, потрясающей наше воображение больше, чем операция на мозге. Она выглядит как грубое вмешательство, как кощунственное святотатство, как осквернение Святого святых. Ни одному человеку, вскрывающему человеческий череп, не удавалось избежать этого страшного ощущения осквернения. Веками человеческий мозг оставался недоступным. Сохранились лишь его грубые карикатурные зарисовки. Этот загадочный орган неумолимо притягивал к себе даже такого смелого Новатора, как Леонардо да Винчи, До нас дошли не совсем точные наброски человеческого мозга, еде-; данные его неуверенной рукой. Его последователь, Везавий, пытался сделать более достоверные рисунки, он даже обращался к палачам, чтобы они отдавали ему головы казненных преступников, именно он впервые составил анатомически точный рисунок мозга.

Учась в медицинском университете, я выбрал в качестве темы своей курсовой работы изучение функций главных нервов головы человека. Я хотел исследовать работу проводящих путей, идущих от органов чувств к основе основ всего нашего организма.

К тому времени я проучился на медицинском факультете университета уже два года. Но, как выяснилось, так и не приобрел требуемой закалки: я не готов был общаться с головой трупа — совершенно целой и прекрасно сохранившейся, лишь слегка сморщенной под воздействием химических реактивов. Она принадлежала мужчине средних лет с густыми волосами и кустистыми бровями. Когда я приподнял его веки, он вперил в меня свой пронзительный взгляд. А как вообще надо обращаться с головой трупа? Как ее переносить? За уши? За волосы? В учебниках об этом не было сказано ни слова.

Несколько месяцев подряд все свободное время я проводил в компании головы моего безымянного друга. В мою задачу входило ее полное вскрытие и исследование важнейших лицевых нервов. Я должен был проследить путь прохождения внутри черепа нервов, тянущихся от уха, глаза, языка и носа к мозгу. «У черепа был язык, который однажды запел», — написал Шекспир. И мне все время мерещилось, что лежащий передо мной на столе кусочек этой складчатой ткани вдруг запоет, заговорит, начнет мне подмигивать и улыбаться. Я был несказанно благодарен резкому запаху формальдегида, пропитавшему всю мою кожу, который постоянно напоминал мне о том, что я резал на куски не живое человеческое лицо, а образец законсервированной ткани.

Я уже знал, насколько точной должна быть работа нейрохирургов. Я видел, как они аккуратно, слой за слоем вскрывали череп: разрезали мышечную ткань и оболочку, затем осторожно раздвигали их, чтобы получить доступ к находящейся внутри, слегка отсвечивающей из глубины кости. Мне не раз приходилось с восхищением наблюдать, как хирурги прилагают немалые усилия, чтобы сделать медицинским сверлом отверстие в сантиметровой оболочке кости. Иногда образовывавшаяся при этом костная мука легким облачком поднималась вверх и развеивалась в воздухе операционной. К тому моменту, когда череп был просверлен и распилен вполне достаточно для того, чтобы открылся необходимый проход к мозгу, лица хирургов были совершенно мокрыми от пота. Никто никогда не стал бы проникать в эту идеально укрепленную крепость, если бы не крайняя необходимость. Череп моего трупа представлял собой неприступный гранитный свод, герметично защищавший мозг своего хозяина от самых малейших отрицательных воздействий — перепада температур, изменения влажности и любых других влияний внешнего мира. Тем более парадоксальным представляется тот факт, что этот же самый мозг содержит в себе всю информацию о внешнем мире. И происходит это благодаря тянущимся к нему тонюсеньким беленьким нервам, изучением которых я и занимался в тот период.

Я начал исследовать те участки, которые знал лучше всего — глаз, ухо, нос и язык. Их форма была мне очень хорошо знакома. Я разрезал и раздвинул сначала кожу, затем жировой слой, затем слой мышц и добрался до внутренней структуры, в которой и располагались ведущие в мозг нервы. После этого я углубился еще дальше. Я напоминал себе отважного путешественника, отправившегося на поиски истока Нила. Шаг за шагом я продвигался вдоль тончайших белых проводочков по все более и более уплотнявшейся массе, все ближе и ближе подступая к самому святилищу — мозгу. Нервы оказывали сопротивление моему продвижению: например, пятый нерв, так удобно берущий свое начало в подбородке, вдруг делал резкий изгиб в челюстной кости и вскоре совершенно исчезал из виду в недрах нижнего основания черепа.

В отличие от нейрохирурга, я не мог просто взять и начертить маркером места, где буду делать разрезы, а потом спокойно начать действовать по этой схеме. Мне приходилось долбить Долотом лицевой скелет, проходя слой за слоем и терпеливо отсекая костные щепочки. В то же время я должен был соблюдать особую осторожность, чтобы острый край инструмента не проник слишком глубоко и не перерезал нерв. К счастью, я целый год проработал каменщиком на стройке. Поэтому после небольшой тренировки мне показалась вполне привычной и даже в чем-то творческой работа молотком и долотом по кости толщиной с пергаментную бумагу. Я изо всех сил старался добраться до нервов и в то же время не повредить их, не оставить после себя явных следов насильственного вторжения.

Наша глазная впадина образована семью соединенными между собой косточками. Они составляют гнездо, в котором надежно располагается глаз. Я должен был пройти сквозь каждую из них, чтобы добраться до самой глубины поблескивающего глазного яблока. Прodelав весь этот путь, я осторожно последовал дальше — по туннельчику глазного нерва до самого мозга. Помню, меня тогда сильно поразило огромное разнообразие тканей. Мало-помалу я продвигался вперед. То брал в руку скальпель и делал небольшой разрез в шелковистой мышечной и жировой ткани, затаив дыхание и направив тупой ко-

нец скальпеля в сторону нерва: даже легкая дрожь в руках могла привести к разрыву нерва. То, отложив скальпель в сторону, я брал молоток и долото, чтобы изо всех сил долбить кость, твердую, как камень.

Через несколько недель такой работы одна половина лица моего трупа стала неузнаваемой. Тонкие белые ручейки брали свое начало от уха, глаза, языка, носа, гортани и лицевых мышц и исчезали в полости мозга. Наконец я был на подходе к мозгу. Прорезав волосистую часть черепа и распилив кость, я вплотную подступил к трем оболочкам, или менингам, укрывающим мозг со всех сторон подобно чехлу. Я проделал узенькие щели в каждой из них, с улыбкой вспоминая их загадочные латинские названия, которые мы изучали на уроке анатомии: *dura mater* (строгая мама), *arachnoid* (паутина) и *pia mater* (ласковая мама). Изнутри мозговые извилины были обернуты внутренней оболочкой. Когда я проткнул ее, из отверстия выпятился маленький кусочек мозга, похожий на крошечный кулачок. Прежде чем продолжить свою работу, минут пять я стоял, уставившись на него.

На первый взгляд, немыслимо перекрученный мозг розовато-серого цвета очень сильно напоминал нижние отделы кишечника. По консистенции он был похож на тесто или сливочный сыр. Его реальный вид сильно отличался от того представления, которое складывалось у нас на уроках анатомии, когда нам показывали твердый муляж мозга. Пока я препарировал мозг, по форме напоминающий грецкий орех, я все время находился под влиянием исходившего от него очарования. Его ландшафт постоянно изменялся: то понижался, то возвышался, то затейливо переплетался. Это была топографическая карта всех земных гор, спрессованных на крохотном участке (благодаря складкам площадь поверхности увеличивается в 30 раз).

Топография местности пересекалась красными и голубыми линиями; и я без устали повторял про себя благодарственную молитву за то, что мне довелось исследовать всего лишь мертвую голову. Хирург, оперирующий живого пациента, тратит гораздо больше времени на то, чтобы обойти эти жизненно важные кровеносные каналы и остановить кровотечение, возникшее в поврежденном его скальпелем сосуде. Кроме того, формальдегид значительно укрепил ткань мозга. И, хотя она была мягче любой другой ткани, с которой мне приходилось сталкиваться до сих пор, я мог проникать внутрь ее с помощью острых инструментов, мог перебирать ее руками, не опасаясь, что она раскрошится. Оболочка лежащего на хирургическом столе живого мозга может продавиться под действием собственной силы тяжести и даже расползтись.

Я надеялся проследить весь путь прохождения чувствительных нервов до их конечного пункта, но расположенные в мозгу нервы, укрывшиеся под труднопробиваемой броней черепа, имеют такую же рыхлую консистенцию, как и сам мозг: они рвутся при малейшем рывке или натяжении. Проследить слабенькую ниточку белого цвета в белой же кашеобразной массе и не оставить там никаких следов хирургического воздействия — это все равно, что пытаться проследить путь движения реки в океане: вскоре после впадения в него река сама становится океаном. Мне удалось найти конечный пункт назначения лишь нескольких нервов. Когда я в своей курсовой работе составлял описание других нервов, я написал про них то, что сообщалось в учебниках. Самому мне так и не удалось проследить путь их следования от начала до конца. Проводящие пути, участвующие в процессах мышления и чувственного восприятия, не были помечены никакими опознавательными знаками, они были невидимы: их легко

можно было не заметить и случайно повредить. Создавалось впечатление, что те проходы, которые использовались для передачи наших мыслей, имели какие-то невидимые указательные знаки, различимые лишь самими мыслями.

Мой научный руководитель профессор Уэст пришел в восторг от моих экспериментальных исследований, потребовавших колоссальных затрат времени и труда. Он уверял меня, что никогда раньше не видел голову, препарированную таким образом. Он даже наградил восстановленную голову трупа специальным призом и отдал распоряжение, чтобы ее законсервировали и поместили для всеобщего обозрения в медицинский музей Уэльского национального университета. Насколько мне известно, она и сейчас находится там — пребывает в целостности и сохранности под стеклянным колпаком, уставившись на изумленных посетителей своими широко открытыми глазами. Вполне естественно, что в тот период времени меня не покидали честолюбивые стремления стать новатором в области нейрохирургии. Годы спустя, когда мне по необходимости пришлось принять участие в нескольких сложнейших и рискованнейших нейрохирургических процедурах, я подумал: как хорошо, что у меня хватило здравого смысла не посвящать свою жизнь этой очень непростой и нелегкой области медицины.

При некоторых операциях на мозге пациенту наркоз не дают, чтобы оперирующий хирург мог общаться с ним. В результате этого атмосфера в операционной накаляется до немыслимого напряжения. Тот факт, что пациент находится в сознании, очень помогает регулировать нормальный ход операции, но даже малейшая экстремальная ситуация вызывает трудно скрываемую тревогу. Если присутствуешь при такой операции и наблюдаешь за всем происходящим, то слышишь, как постоянно раздаются какие-нибудь звуки. Еле слышное попискивание мониторов жизнеобеспечения пациента и глубокие вдохи прибора для длительного искусственного дыхания проходят под аккомпанемент прерывистых звуков, сопровождающих деятельность медицинского персонала: резкого завывания дрели, хлопков электрокоагулятора (прибора для мгновенной остановки кровотечения) и звона используемых инструментов, напоминающего позвякивание обеденной посуды. Сам объект пристального внимания сверкает в сиянии ярких огней. Если вы приглядитесь к нему получше, то увидите, что он еле заметно колыхнется: мозг живет.

Оперирующие на мозге хирурги постоянно испытывают угрозу возникновения внезапного кровотечения. При кровотечении в других тканях организма сосуды можно зажать или перетянуть, но мозг — слишком мягкий, в нем нельзя использовать ни зажимы, ни перетяжки. Даже малейший разрыв приведет к такому количеству крови, которое заполнит все операционную зону и сделает дальнейшее проникновение в глубь мозга невозможным. За ножом хирурга, как дотошная домохозяйка с тряпкой, неотступно следует удаляющий проступающую кровь наконечник всасывателя, поддерживающий зону видимости в рабочем состоянии¹. Иногда хирург прижимает появившуюся капельку крови щипцами, а потом делает в этом месте прижигание. С характерным шипящим звуком кровь запекается, и кровотечение прекращается. В другой раз ассистент помещает в кровоточащий сосуд ватный тампон, который у медиков называется корпией. Однократное воздействие всасывателя обеспе-

---

¹ Процесс всасывания должен быть отрегулирован тщательнейшим образом, иначе он может затронуть мельчайшие кусочки ткани мозга, которые в этом случае навсегда исчезнут в центральном пункте сбора больничных отходов. К счастью, мозг очень редко замечает незначительные потери

чивает подачу крови на корпию, а далее уже кровь сама пропитывает ватный тампон. После часа операции можно увидеть, как мозг усеян 50—60 подобными корпиями, висящими на ниточках, чтобы их легче было удалять.

Даже самый опытный хирург с трудом ориентируется в мозге, так как у него перед глазами лишь мягкое белое пространство — прямо-таки заснеженная Арктика. Хирургия мозга могла бы и до сих пор оставаться на примитивном уровне, если бы не одно выдающееся научное открытие. Когда хирург вставляет в определенную зону мозга игольчатый электрод и пропускает по нему ток, мозг реагирует, демонстрируя те функции, которые выполняет данный участок мозга. Сам мозг не ощущает боли или прикосновения. И если хирург слегка воздействует на поверхность определенной доли мозга, то пациент может сказать что-то вроде: «Я чувствую небольшое покалывание в левой ноге».

Уилдер Пенфилд — нейрохирург из Монреаля — записал результаты этих необычных экспериментов. Стараясь определить местонахождение источника эпилептических припадков, он обнаружил, что с помощью электрических сигналов он может возвращать утерянную память в определенные участки мозга. Юный пациент из Южной Африки вдруг начал хохотать, вспомнив во всех подробностях происшествие, случившееся с ним в детстве на его родной ферме. Одна женщина припомнила каждую ноту симфонического концерта, который слышала много лет назад. Волны возвратившейся памяти несут в себе самые мельчайшие подробности. Другая на операционном столе вспомнила, как давным-давно ехала на поезде, а мимо проезжал другой поезд, и подробнейшим образом описала каждый вагон этого проходящего поезда. Один пациент вслух сосчитал все зубцы расчески, которой он пользовался в детстве. Чаще всего воспоминания детства становятся первыми сознательными воспоминаниями пациентов.

Подробно описав все перечисленные технологии и изучив состояние мозга пациентов с диагнозом «паралич», анатомы приступили к созданию карты мозга. Ясно, что сначала она была не совсем совершенной. Основное исследование мозга сосредоточилось на его верхнем слое — коре головного мозга. У людей она развита намного больше, чем у животных. Кора головного мозга толщиной с подошву ботинка содержит в себе нейроны. Они просеивают, сортируют, сопоставляют и обрабатывают информацию, воспринимаемую нами как изображение, звук, прикосновение, адекватное поведение, а также высшие виды деятельности, такие как учеба и запоминание. Большая часть всех нервных клеток живет в этом слое серого вещества — верхнего плодородного слоя почвы мозга.

Выдающийся невропатолог сэр Чарльз Шеррингтон разделил некоторые виды нервных клеток мозга на две различные группы: «входящие», или центростремительные клетки, передающие импульсы от органов тела к мозгу, и «выходящие», или центробежные клетки, передающие инструкции от мозга к периферии. Во всем мозге лишь одна клетка из тысячи посылает сообщения непосредственно из периферии: все видимые изображения, все звуки, все ощущения прикосновений и боли, все запахи, информация о давлении и химических изменениях в крови, чувство голода, жажды, сексуальное влечение, мускульное напряжение — все «донесения» от любой точки тела вовлекают в процесс всего одну десятую процента клеток мозга. Каждую секунду эти волокна бомбардируют мозг сотнями миллионов сообщений. Из них только несколько тысяч допускаются в зону, расположенную над стволом головного мозга.

Другие две десятые доли процента клеток контролируют всю двигательную деятельность: все движения, осуществляемые при игре на пианино, разговоре, танце, работе на компьютере и т.д. Где-то между двумя этими группами входящих и выходящих клеток располагаются все остальные клетки. Огромные количества клеток взаимодействуют между собой, создавая широкую коммуникационную сеть, обеспечивающую те процессы, которые мы называем мышлением и силой воли.

Нейробиолог Дж. Янг сравнил составные элементы этой сети с десятками миллиардов министерских чиновников, постоянно звонящих друг другу, чтобы сообщить о разработанных планах и передать инструкции, без которых невозможно нормальное существование и развитие государства. Сэр Чарльз Шеррингтон всю совокупность этих клеточек назвал более поэтично и любовно — «чарующий мираж», который состоит из то появляющихся, то исчезающих огоньков, соответствующих сообщениям, прокладывающим себе дорогу к мозгу. В отличие от телефонной станции, соединяющей абонентов друг с другом не напрямую, а через центральную АТС, каждая нервная клеточка мозга имеет до десяти тысяч собственных частных линий. По всей их длине располагаются дендриты, или отростки, соединяющиеся с другими нейронами. Получается, что каждая клетка соединена проволочками со всеми другими клетками организма. Все они «прислушиваются» к посылаемым импульсам и определяют среднюю скорость их прохождения, чтобы понять: следует ли им послать полученное сообщение дальше, выстрелив определенный химический состав по направлению одного из тысячи своих ответвлений, или нет.

Физиологически весь умственный процесс сводится к следующему: эти десять миллиардов клеток по своим выпуклостям и впадинам перебрасывают друг другу раздражающие химические вещества. Соединительная ткань нервных клеток не поддается ни описанию, ни изображению. В одном кубическом миллиметре — величина булавочной головки — содержится один миллиард межклеточных соединений; всего в одном грамме мозговой ткани находится не менее четырехсот миллиардов синаптических¹ соединений.

Благодаря этому клетки могут передавать друг другу сообщения со скоростью света. Представьте себе такую картину: жители какой-либо планеты, численность которых превышает население Земли, связаны между собой линиями связи. И вот все они вдруг заговорили по этим линиям связи одновременно. То же самое происходит в мозге. Общее число имеющихся в нем соединений больше, чем число звезд и галактик во Вселенной.

Даже когда мы спим, клетки не прекращают свою болтовню. Мозг — вихревое облако электрических зарядов. За каждую секунду жизни оно осуществляет около пяти триллионов химических операций. Мы пробуждаемся ото сна благодаря всего нескольким клеткам. Причем это происходит так быстро, что мы едва ли замечаем происходящий процесс. Вот я хочу написать следующее предложение: мой мозг в мгновенной вспышке определяет все мысли и слова, которые я буду использовать, затем тщательно продумывает взаимодействие мышц, сухожилий и косточек, необходимое для того, чтобы я мог напечатать слова. Прежде чем я закончу печатать, мозг уже начнет обдумывать следующее предложение.

---

¹ Синапс — функциональный контакт мембраны нервной клетки с мембраной другой нервной клетки, мышечной или рецепторной клеткой, опосредующий передачу возбуждения между контактирующими структурами (прим. перев.)

Стивен Леви так описывает свое состояние в тот момент, когда он впервые увидел сосуд с мозгом Альберта Эйнштейна: «Я приподнялся, чтобы заглянуть в сосуд, но тут же мои ноги подкосились, и я медленно сполз на стул, потеряв дар речи. Я не мог оторвать глаз от стеклянного сосуда, пытаюсь понять: неужели эти плавающие в растворе серые кусочки сделали революцию в физике, а самое главное, изменили само направление цивилизации! А ведь так оно и было».

Каждый раз при виде человеческого мозга у меня создавалось точно такое же впечатление. Александр Солженицын назвал человеческие глаза «крутами небесно-голубого цвета с черными точечками в центре, за которыми стоит поразительный неповторимый мир — свой у каждого человека». Никогда мне не забыть ощущения, которое я испытал в лаборатории медицинского университета, впервые расщепив кость и добравшись До мозга, — тогда это был мозг трупа. Вместе со всевозможными кровеносными сосудами, перепончатыми оболочками, наполненными жидкостью полостями и миллиардами специализированных нервных клеток этот орган весил не более килограмма. Но эта хрупкая сероватая желеобразная масса когда-то вмещала целую жизнь.

С биологической точки зрения, все тело существует лишь Для того, чтобы в течение всего жизненного срока питать и за- 152 По образу Его щипать мозг. Мозг использует четверть всего вдыхаемого своим владельцем кислорода — недостаток кислорода в течение всего пяти минут может привести к смерти.

Лишь один нерв контролирует все едва различимые движения губ в те периоды времени, когда мы говорим, принимаем пищу, целуемся. Еще один нерв отвечает за множество цветовых и световых оттенков, входящих в состав нашего зрительного представления о мире.

Мозг обеспечивает нам наличие воображения, основ нравственности, чувственности, математических способностей, памяти, чувства юмора, взглядов и суждений, веры в Бога. Кроме того, он является невероятно объемным справочником фактов и теорий, а также кладезем здравого смысла, необходимого для их правильного осмысления и использования. В голове человека, по выражению нобелевского лауреата Роджера Сперри, содержится «такая мощь, основанная на еще большей мощи, основанной на еще большей мощи, которой больше нет ни в каком другом десятке кубических сантиметров вселенной». На Земле нет ничего другого столь же чудесного.

И нет ничего другого столь же хрупкого. Мозг можно разрушить всего одной пулей или спицей от колеса мотоцикла. Одна доза сильнодействующего наркотика может навсегда нарушить хрупкое равновесие в мозге.

Раз пять я оказывался вынужденным заглядывать внутрь человеческого мозга. Каждый раз я чувствовал себя каким-то униженным и неполноценным, как будто нарушил какой-то запрет. Кто я такой, какое право я имею вторгаться в священное место — туда, где живет личность? Может быть, если бы я работал с мозгом изо дня в день, я стал бы более бесчувственным и менее впечатлительным? Скорее всего, это не так: мои знакомые нейрохирурги до сих пор продолжают говорить об объекте своей деятельности тихими приглушенными голосами и с особым благоговейным трепетом.

Использованное в Библии сравнение церкви с Телом Христовым подтверждено словами Иисуса: Он берет на Себя роль Головы. В нескольких следующих главах мы изучим ряд параллелей, которые можно здесь провести, а также поговорим о недостатках этого сравнения, да и любого сравнения, когда речь идет о Боге.

Если вы видели человеческий мозг, как я, если держали эту желеобразную массу в своих руках, если смотрели через микроскоп на срез мозга с невообразимым переплетением нервных клеток, если вы видели, как приборы записывают сигналы, подаваемые друг другу клетками, если вы размышляли о тайнах мозга, разума, человеческой личности, то, я думаю, вы готовы воспринять наше сравнение. По крайней мере, прочувствуете его эмоциональное воздействие. Вся личность человека заключена в костяной коробочке, заперта в ней, защищена, опечатана. И оттуда мозг выполняет свои обязанности — управляет сотней триллионов клеток человеческого тела. Глава Тела — это престол тайны, мудрости, залог единства Тела. Глава — источник все го в Теле.

11. ЗАТОЧЕНИЕ

*О форма славная!
И тот слепящий свет,
Сиянье святости...
Оставив вечные небесные
хоромы,
Он с нами в глинобитном доме жил...
Джон Мильтон, «Утро Рождества Христова»*

*Тот, Кто не принят миром был, покоится в объятиях Марии...
Мартин Лютер*

Мы уже говорили: на первый взгляд кажется, что не происходит ничего особенного, когда я сижу, откинувшись на спинку стула в своем кабинете, бессмысленно уставившись в окно. Но это спокойствие обманчиво. Мой мозг буквально гудит и трещит, совершая до пяти триллионов операций в секунду. Простое перечисление названий пяти органов чувств — зрение, слух, осязание, вкус и обоняние — едва ли дает полное представление о том, что происходит в нашем организме на самом деле. Но кроме этих есть еще и другие важнейшие чувства, которые сообщают мне о мускульном напряжении, сжатии суставов и растяжении связок; я инстинктивно ощущаю наклон головы, сгиб локтя, положение своей левой ноги. Другие органы чувств сообщают мне, что пора обедать: желудок уже «пуст». На подсознательном Уровне системы моего организма автоматически регулируют химический состав крови, контролируют Давление воздуха в легких и давление крови в артериях, управляют рецепторами, участвующими в функционировании органов. Мой мозг, спрятавшийся в своей башне из слоновой кости¹, получает все эти сигналы в виде электрической азбуки Морзе.

Как оказалось, мозгу просто необходим этот бесконечный сигнальный гвалт. Если у человека сокращается количество чувственных восприятий, например, когда он лежит в темном помещении в закрытом резервуаре с теплой водой, изолированный от огромного количества разнообразных ощущений, то его мозг начинает галлюцинировать, т.е. заполнять отсутствие впечатлений собственными фантазиями. А когда мы спим, миллиарды клеток искрятся в ночи своими электрическими разрядами; уровень их активности ничуть не ниже, чем днем.

Очень часто взаимодействие между органами чувств и зоной памяти мозга настолько тонко, что трудно различить, что именно задействовано в данный момент — орган чувств или мозг. Вот фортепианная соната Бетховена. В последние годы жизни Бетховен был уже полностью глухим, он «не слышал» музыку, которую сочинял. Другими словами, барабанная перепонка, три воспринимающие звук косточки и звуковые клетки-рецепторы не участвовали в этом процессе. Но благодаря какой-то особой способности мозга воспроизводить тон, гармонию и ритм, композитор слышал свою музыку церебрально (внутри головного мозга), закодированно.

---

¹ Башня из слоновой кости — место в детской сказке о Златовласке, куда король заточил свою дочь. Претенденты на ее руку должны были на эту башню забраться. Победил естественно, самый симпатичный принц, которому принцесса просто-напросто спустила свою косу. По ней он и забрался наверх (прим. Перев.)

И сейчас, когда моя жена берет в руки ноты «Патетической сонаты» Бетховена, она сразу же узнает эту музыку. Глядя на ноты, она тихо напевает — ее мозг помогает ей извлечь из памяти нужные звуки. Она их «слышит» в уме. Или другой пример. Мы сидим дома и крутим ручку радио, чтобы выбрать понравившуюся передачу. Услышав всего несколько нот, мы узнаем: звучит именно эта программа.

Сколько миллиардов вычислений надо произвести мозгу, чтобы узнать знакомую музыку? А сколько на это требуется времени? Две секунды. А благодаря какому процессу взаимодействия нейронов я мгновенно определяю, что висящий на ветке дерева у меня в саду красный шар — это не зацепившийся за ветку воздушный шарик, а звезда, находящаяся на расстоянии в 130 000 000 км от меня? Все эти процессы происходят с немыслимой скоростью и при минимальнейшем усилии нашего сознания.

Сейчас, когда вы читаете эту страницу, до вашего сознания не доходит каждая конкретная буква, образующая одно за другим все написанные слова. Вы не проводите разбор слов по буквам, не складываете затем эти буквы в слова, не лезете в словарь, чтобы выбрать нужное значение составленного слова — все это проделывает ваш мозг на подсознательном уровне, причем делает это мгновенно. Когда я говорю, мне надо сосредоточить внимание лишь на смысле своего высказывания. А какие звуки произносить, как складывать из них слова, как говорить грамотно и с нужным выражением — это задача мозга. Нейроны с хранящимися в их памяти знаниями быстро передают необходимые элементы, и моя центральная нервная система обеспечивает нужное колебание звуковых связей и вибрирование голосовой щели, чтобы получились членораздельные звуки.

Мой мозг обеспечивает мое восприятие мира не через банки данных и систему упрощенных сигналов, а целиком, со всеми его понятиями и значениями. В этом кроется огромная тайна. Ум, который координирует всю эту сложнейшую деятельность, отгорожен от всего остального мира и крепко заперт. Сам мозг ничего «не видит»: если я подвергну свой мозг воздействию света, я навсегда разрушу его. Мозг также ничего «не слышит» — он настолько глубоко спрятан и укрыт, что чувствует лишь самые громогласные звуки. Мозг не имеет осязания: в нем нет осязательных иди болевых клеток. Его температура колеблется лишь в пределах нескольких градусов; ему никогда ни жарко и не холодно. Он не выдерживает механической нагрузки; если вдруг подвергается ее воздействию, то оказывается в бессознательном состоянии.

Все, из чего состою я, Пол Брэнд, умещается в цепочке точек и тире (— . — — . — .. — —), передаваемых миллионами удаленных станций в костяной ящик, который сам никогда не испытывает никаких ощущений. Вкус шоколада, укол булавкой, звук скрипки, вид Великого каньона, запах уксуса — все это доходит до моего сознания через сигналы, фактически являющиеся схожими между собой. Я воспринимаю их, потому что крошечные, похожие на цветок нейроны перебрасывают друг другу определенные химические элементы.

Мозг, уединившийся в своем замке из слоновой кости и плавающий там в спинно-мозговой жидкости, как раз и представляет собой ту личность, которой я являюсь. Все остальные клетки моего организма стареют и заменяются новыми не реже одного раза в семь лет. Моя кожа, глаза, сердце, даже кости сильно отличаются от тех, которые были у меня всего десяток лет назад. Сейчас я уже совершенно другой человек. Исключение составляют лишь нейроны и нервные

клетки. Они никогда не меняются, они сохраняют целостность той сущности, которую представляет собой Пол Брэнд.

Из темноты и одиночества этого костяного ящика я ощущаю окружающий мир через миллионы живых проводочков, торчащих из мозга, будто ветки из дерева. Они упорно тянутся навстречу манящему запаху, изображению, звуку и прикосновению в мир света и материи.

Мы взглянули для начала на органы осязания, а потом поговорили о головном мозге: о том, как отдельные элементы мозга сотрудничают между собой, чтобы дать полную картину окружающего мира и жизненный опыт. При этом я старался выделить главную функцию удивительного сгустка клеток, который мы носим под черепом. Экскурс в биологию понадобился для того, чтобы лучше разобраться в библейском сравнении — поговорить о Христе как Главе церкви. В Новом Завете Он назван так семь раз. Глава представляется нам человеком, облеченным властью. Библейское сравнение можно рассматривать, конечно, и с этой стороны. Но физиология мозга объясняет, каким образом Христос управляет Церковью.

Сравнение Церкви с телом человеческим подсказывает нам, каким образом Бог взаимодействует с материальным миром. Мы стараемся провести следующую параллель: Бог — Дух, не ограниченный временем и пространством, — смирил Себя прежде всего тем, что согласился ограничить Себя во времени и пространстве. Он вочеловечился! Потом Христово тело вознеслось (если быть более точным, преобразилось), и Он занял место Главы вселенского Тела. Сегодня Христово Тело состоит из миллионов клеточек — членов Его Церкви. Будучи Главой, Он присутствует в мире через людей, подобных нам с вами. Необъяснимым образом Он использует наши молитвы и наши поступки, наше благовестив, чтобы рассказать о Себе материальному миру.

Зачем? Зачем Богу, Который есть Дух, одеваться в материальную оболочку? И как Он может полагаться на людей, пребывая в роли Главы на небесах и не присутствуя среди них телесно? Если бы Ему было угодно, Он снова мог бы прийти к нам во плоти или, по крайней мере, показать Себя в виде дыма над горой Синай. Его присутствие на земле могло бы поджечь еще не одну купину, Он мог бы являться огненным столпом, как это было не раз в ветхозаветные времена. Но вместо этого Он снова как бы ограничил Себя.

Очень часто люди спрашивают, насколько тесно Бог взаимодействует со Своим творением. Агностики в спорах занимают наступательную позицию: «Если Бог есть, то пусть Сам Докажет Свое существование! Пусть Сам явится в мир и властью Своей остановит все это безумие». Я христианин, а потому для меня вопрос стоит несколько иначе. Я не спрашиваю себя и других: «Существует ли Бог?» Я задаю вопрос: «Почему Он избрал такой «непрямой», такой «опосредованный» способ воздействия на мир? Почему бы Ему не показаться нам открыто?»

Использованное нами понятие «самоограничение» помогает прояснить ситуацию. Если мы согласимся с тем, что Бог добровольно накладывает на Себя ряд ограничений, сознательно полагаясь на людей, то мы начинаем понимать и другое: почему Он не врывается в нашу жизнь, словно гром с ясного неба. «Бог, можно сказать, пленил Сам Себя по Своей собственной воле», — сказал Кьеркегор¹.

---

¹ Сёрен Кьеркегор (1814—1855) — выдающийся датский богослов и философ. Он считал, что историческое и философское обоснование существования Бога невозможно и что подобное философствование лишь отвлекает человека от главного — заботы о спасении души (прим. перев.).

Я столкнулся с понятиями, выходящими за рамки самоограничения, когда моя годовалая дочка Полин решила исследовать имеющиеся в доме электрические розетки. Установленные на высоте примерно 15 см от пола электрические розетки находились под напряжением 220 вольт. Два их отверстия были рассчитаны на металлические разъемы штепсельной вилки, причем не на плоские разъемы, а на круглые — как раз такой же формы и диаметра, как тонюсенькие пальчики Полин. Тогда у Полин была привычка сосать одновременно два пальца. Как любой нормальный ребенок ее возраста, Полин была очень любопытна и засовывала свои пальчики во все подходящие отверстия.

Естественно, из-за особого интереса Полин к таким притягательным отверстиям нам с женой приходилось постоянно быть начеку. Мы заклеили все розетки липкой лентой, но Полин очень быстро сообразила, что ленту можно отогнуть.

Что тогда следует делать родителям? Привязать ребенка к кровати и не спускать с него глаз? Или как-то объяснить, что такое опасность? Но как?

«Полин, послушай меня внимательно! Внутри этих отверстий — электрические клеммы с разностью потенциалов в 220 вольт. А у тебя мокрые пальцы, что снижает сопротивление кожи электрическому току. Если ты дотронешься до этих клемм, то электрический ток побежит по твоей руке, убьет нервы и разрушит естественные свойства белка твоих мышц...» Это объяснение — даже очень правильное — ничего не значит для моей еще не умеющей говорить дочки.

И я решил попробовать воспользоваться тем, что Полин уже знала. «Полин! — сказал я насколько мог грозно. — Если ты дотронешься до этих отверстий, оттуда вылетит огонь! И ты обожжешься!» Она посмотрела на меня скептически, считая, что я просто не допускаю ее до чего-то очень-очень интересного. Но я произнес эти слова очень искренне. А она уже знала, как больно обжигает огонь, потому что однажды решила сунуть пальцы в расположенную на уровне пола печку, на которой наша повариха индианка готовила еду. Стоило ли рисковать снова?

«А, кроме того, Полин, если ты дотронешься до этих отверстий, то я тебя нашлапаю». Это предупреждение подействовало окончательно. Она сдалась. Она уже сталкивалась с подобным наказанием и научилась бояться его. Отверстия сразу же потеряли для нее свою притягательную силу.

Сейчас Полин окончила школу; теперь уже она могла бы объяснить мне, что такое омы, вольты и сопротивление. Когда она вспоминает тот случай, если вообще вспоминает, думаю, она не ставит под сомнение отцовскую честность и мудрость. Она знает, что в буквальном смысле в тех отверстиях не было никакого огня. Но она понимает и то, что в те далекие годы несведущим был не отец, а ребенок. А чтобы разговаривать с ребенком, надо использовать такой язык и такие понятия, которые он способен уяснить.

Работая с людьми разной культуры, мне приходилось соответствующим образом менять свой язык. Устройство электронного микроскопа я объяснял рьяному тамильскому студен-ту по аналогии, используя те понятия, которые он уже знал. Если бы я вдруг узнал, что в далеком Сомали вот-вот должна взорваться атомная бомба, то не стал бы рассказывать местным жителям о делении материи и принципах ядерной реакции. Я, наверное, рассказал бы им об «огне в небе» и об «отравленной пыли». Нужно использовать лишь те слова, которые что-то значат для слушателя!

Не подобная ли задача стоит перед Богом, когда Он что-то объясняет нам? Как Бесконечный может рассказать о Себе тленным существам? В данном случае

помочь могут только сравнения. В разуме человека может существовать определенная концепция, но она обретает «материальность», лишь когда обращается в мысль. Передать же мысль другому человеку можно будет только тогда, когда мысль оденется в слова. Итак, лишь когда таинственная и неуловимая концепция облечется в слова языка и войдет в материальный мир со звуками голоса и дыхания, со скрипом перышка или шорохом шариковой ручки, она будет существовать в этом мире в доступном для каждого виде.

Иисуса Христа Библия называет Словом Божьим. Бесконечный, непостижимый и неизреченный Бог стал человеком. Бог говорил с нами настолько четко и разборчиво, что расслышать мог каждый: Он стал одним из нас, стал «скинией» среди нас.

«Как много нам дано — дан Божий образ нам. Но вдвое нам дано: стал Человеком Сам». Так писал Джон Донн. На протяжении 33 лет Иисус передавал нам Свой образ. Теперь, оглядываясь назад, мы можем разглядеть истинный Божий образ. Христос стал Божьим разъяснением, входя в уши всякого слушающего. Приведу пример. Если бы вы сказали Исайе: «Бог коснется тебя сегодня», то он бы в страхе убежал. Для него прикосновение не было одним из способов общения между Богом и человеком. Но с пришествием Иисуса все изменилось.

Каково бы ни было значение воплощения, Господь не завершил выполнение Божьего плана, находясь в человеческом теле. Христос взял на Себя роль Главы, чтобы сотворить новое Тело, Тело, состоящее не из живых клеток, а из миллионов мужчин и женщин, соединившихся в Нем. «Как ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир», — сказа! Иисус Отцу (Ин. 17:18). Можно ли полнее объяснить произошедшее?

С одной стороны, восшествие Иисуса к Отцу можно считать вознесением. Праздник вознесения есть в каждом календаре. Но, с другой стороны, это была своеобразная концентрация сил. Теперь Бог пребывает не в Святом Святых и не в едином материальном теле, а в миллионах обычных хрупких тел — маленьких и больших, умных и глупых, спокойных и беспокойных. Итак, Христос удалился в «костяную черепную коробку».

Правда, что Бог не «нуждается» в каких-либо действиях со стороны человеческих существ, человеку нечего дать Богу. Ему нет нужды являть Свой промысел «опосредованно». Во всемогуществе Своем Он мог бы питать тела без пищи, снабжать мозг жизнетворными токами без помощи маленьких кровяных клеток, обращать людей в веру без проповедующих. Но по какой-то причине Он решил использовать прах земной, овощи, химию, слова и волю человека для того, чтобы выполнить Свои планы на земле.

Сегодня мы — Божьи посредники — Его Тело. Когда вы смотрите на меня, вы не видите всего Пола Брэнда. Вашему взгляду предстает лишь тонкий слой кожных клеток, обтягивающих мое тело. Настоящий Пол Брэнд сидит глубоко внутри. Больше всего Пола Брэнда в нервных клетках мозга, которых не видит никто. То же и с Богом. Мы не можем увидеть Бога. У нас нет подходящего органа чувств. Но мы различаем Бога друг в друге — в членах Тела Его. Мог ли Бог лучше передать людям Свои слова и Свой облик! Ведь теперь Он пребывает в обычных мужчинах и женщинах.

Дороти Сэйерс перечисляет три самых больших унижения, которые добровольно претерпел Господь. Первое, вочеловечение. Он сбросил с Себя величие божества и не постыдился стать человеком. Второе, Он пошел на крест. Он принял наши

грехи, испытал смертные муки. Третье унижение, говорит писательница, — это церковь. Бог унижил Себя тем, что согласился жить в теле, состоящем из людей. С одной стороны, Дороти абсолютно права. Став лишь Главой Тела, Он как бы уменьшился, ограничил Себя, ограничил Свое всемогущество, согласился быть «голосом за сценой» человеческой истории. Итак, Бог ограничил Себя определенными рамками. Свою репутацию, Свое имя Он доверил несовершенным человеческим существам. Когда-то уже существовал целый народ, носивший Его имя... Этот народ неоднократно позорил Его. Мы, являющиеся Телом Его, тоже не раз пятнали имя Бога кровавыми крестовыми походами, казнями еретиков. Мы назвали рабовладельческий корабль «Добрый корабль Иисус». Мы «высоко несли знамя расизма», прикрываясь Его именем. Бог во Христе, в человеческом теле Христа — это одно. Бог в нас — это совсем другое. Церковь как Тело Христово — это, действительно, унижение. Тем не менее, мы видим и отблески радости. В голову приходит мысль: может быть, Бог от начала времен задумал так, чтобы мы стали Его Телом, чтобы имя Его несли люди, подобные нам. То, что Он добровольно уменьшился до размеров Главы, позволяет нам, членам Тела Его, участвовать вместе с Ним в процессе возвращения вселенной ее первоизданного вида. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, — потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего (ее), — в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:19-21).

Будьте уверены, награда не заставит себя ждать. Клайв Льюис предполагает: «Мы биологические организмы, движимые волей и желанием жить и размножаться. Кажется, мы твари ненужные, случайные. Но помимо всего прочего мы еще и члены Тела Христова. Как камни и столпы храма, мы четко сознаем свое «я» и будем жить вечно, пока вселенная не станет для нас старой-старой сказкой».

Бог рискнул доверить Царствие Свое неудачникам вроде нас. А потому для нас чрезвычайно важно стать сыновьями и дочерьми Божьими. Образ Божий постепенно возвращается — «во что желают проникнуть Ангелы» (1 Пет. 1:12).

Когда я был учителем, я не раз испытывал состояние особого удовлетворения от работы, сделанной другими людьми, но с моей помощью.

Если посчитать, сколько же человеческих рук было мной прооперировано за все проведенные в Индии годы, то получится около десяти тысяч. В какой-то степени это число кажется мне необычайно большим; в моем теперешнем почтенном возрасте оно даже потрясает мое воображение. Но если задуматься поглубже, то оно оказывается ничтожно малым. В мире насчитывается около 15 миллионов человек, страдающих проказой; у четверти из них серьезно повреждены конечности. За всю свою хирургическую практику, даже проводя максимальное количество часов в операционной, я — один — смог бы помочь лишь одной десятой доли процента от количества людей, которые нуждались в помощи.

Я не раз бывал в небольшой деревенской больнице в местечке, очень напоминающем мне Борнео. И каждый раз наблюдал, как молодой врач проводил операции, используя приемы, разработанные нами в Веллоре. Только теперь они стали более совершенными. В Японии, Сингапуре, Эфиопии на Гавайях, — везде, где осуществлялось современное лечение проказы, — можно встретить студентов, обучавшихся в Веллоре или Карвилле. Ничто не наполняет меня большей радостью, чем возможность видеть посеянные мною семена,

взошедшие в других людях. Я имею в виду семена моих идей и их практического осуществления. Когда я вижу, что все задуманное мною воплотилось в жизнь, мне это кажется чудом. Результаты моей преподавательской деятельности в сотни раз превышают те достижения, которых я мог бы добиться в одиночку.

Когда я оставлю мир, количество сделанных мной операций перестанет умножаться. Мои руки уже не смогут помогать пациентам. Но ученики, которые останутся после меня, продолжат дело, начатое в Веллоре. Эта мысль помогает мне лучше понять труд, свершаемый Богом в мире.

Дело учителя продолжают ученики. Мозг проявляет себя через послушные его командам клетки. Бог являет Себя через Тело, которому служит Главой.

«Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается», — сказал как-то Иисус Своим ученикам (Лк. 10:16). Настолько полно отождествляет себя Тело с Главой! Чуть позже, в ночь перед казнью, Христос объяснял смысл Своей смерти смущенным, растерянным ученикам: «Лучше для вас, чтобы Я пошел», — говорил Он (Ин. 16:7). Тогда они еще не знали, что вот-вот наступит новая эра — эра Главы.

12. КОМАНДА СВЫШЕ

В книге Макса Бирбома рассказывается, как один распутный богач по имени Лорд Джордж Хелл — известный ловелас и повеса — влюбился в простую скромную девушку. Чтобы завоевать ее любовь, он решил притвориться пуританином. Девушка поверила ему, они поженились и стали счастливо жить-поживать, пока одна из бывших знакомых Морда Джорджа Хелла — женщина легкого поведения, которую он когда-то обманул, — не узнала об этом. Она стопа его шантажировать, требуя, чтобы он снял с себя маску святоши. Ему не оставалось ничего другого, как снять эту маску. И что бы вы думали? Под маской оказалось лицо настоящего святого. Он стал им, когда влюбился по-настоящему.

Фредерик Бюхнер, «Рассказы об истине»

Телевизионная камера была беспощадной. Она не выключалась ни на минуту: ни когда язык девочки-подростка свесился на бок из полуоткрытого рта, ни когда ее глаза дико округлились, ни когда она замычала что-то бессвязное, разбрызгивая слюну, а потом резко замолкла, подавившись ею. Шла научная программа на тему «Церебральный паралич». Поэтому камера фиксировала любое малейшее проявление этой болезни.

В комнату вошел еще один человек, страдающий церебральным параличом, — молодой мужчина. Он тоже был приглашен на передачу. Этот человек добился значительного прогресса в борьбе со своим недугом. Его пригласили, чтобы он продемонстрировал свои успехи прикованной к постели девочке. Он мог писать слова — буква за буквой — с помощью прикрепленного к ногам металлического дугообразного приспособления. Он делал это так быстро, что сопровождающий его «переводчик» не поспевал за ним. Он также печатал на машинке большим пальцем ноги, к которому прикреплялось другое специальное металлическое приспособление, ударявшее по клавишам. Он даже научился пользоваться прибором, усиливающим его отрывистые, нечленораздельные звуки и преобразовывающим их в более или менее понятную для тренированного уха речь.

В отличие от него, девочка не получала никакого лечения. В штате Огайо, где она проживала, не было специалистов, которые могли бы оказать ей необходимую помощь, и ее просто поместили в психиатрическую больницу. Ведущий телевизионной программы даже пошутил с горькой иронией: у девочки, помещенной в больницу для умалишенных, было не в порядке все, за исключением ума. На фоне нарушенной речи, чрезмерного слюноотделения, заторможенных движений у нее был прекрасный, смысленный ум, который не был затронут болезнью.

Сотрудники больницы нарисовали для нее большую таблицу, разграфленную на восемь квадратов, в каждом из которых были написаны наиболее часто употребляющиеся фразы, такие как: «Мне хочется» или «Мне надо». Если девочке нужно было что-то попросить, она смотрела на соответствующий квадрат, если, конечно, могла удержать на нем свой взгляд достаточное время. Кто-то спросил девочку, есть ли у нее вопросы к посетителю, продемонстрировавшему такой значительный «прогресс» в лечении церебрального паралича. Она задергалась в конвульсиях, ее глаза дико вращались. Пришлось внимательнейшим образом следить, на чем же

остановится ее взгляд. Прошло почти пять минут, прежде чем девочка более или менее отчетливо по очереди останавливала взгляд на трех квадратах, из слов которых сложился следующий вопрос: «Вы... на меня... сердитесь?»

Те, кто смотрел эту передачу, получили наглядный урок: ум — это еще не все. Чтобы выразить себя, общаться с другими умами, мозг нуждается в помощи тела. Люди, страдающие такими заболеваниями, как церебральный паралич в острой форме, постоянно сталкиваются со следующей проблемой: клетки их организма не в состоянии повиноваться приказам мозга. Некоторые из больных людей обладают просто блестящим умом. Например, англичанин Стивен Хокинг — самый известный в мире астроном — страдает от постоянных судорог и спазм из-за бокового амиотрофического склероза, или болезни Шарко¹.

Очень часто людей с такими заболеваниями увольняют с работы с формулировкой «Отсутствие необходимой квалификации». На них навсегда вешается ярлык «умственно отсталый». У этих людей наблюдается явная несогласованность между умом и телом.

Здоровый организм снабжен соответствующими каналами связи между мозгом и всеми частями тела. Каждая клетка такого организма неукоснительно выполняет волю головы. При спастическом заболевании или параличе в каком-то месте связь обрывается. Чаще всего это происходит в волокнах, передающих команды от центра к клеткам. Страдающий параличом нижних конечностей может целый день лежать в кровати и думать, как бы пошевелить пальцем. Он шевелит им в уме, но если связь нарушена, то палец остается неподвижным.

В духовном Телe связь между клетками представлена наличием контакта между Главой и каждой клеткой. Мы имеем доступ к Богу, и Бог имеет доступ к нам. И в каком-то смысле — запредельном, загадочном, неизреченном — Бог и Сам полагается на пульсацию истин, которые по нервным волокнам вселенной передаются от Него миру. Но нам очевиднее всего иной смысл — однозначный, житнетворный и абсолютный, — тот смысл, который понимает каждая клеточка, т.е. каждый из нас: что можно положиться на сигналы, которые передаются от Главы к нам. Лишь одно качество клетки определяет, насколько успешной будет ее жизнедеятельность: готовность клетки следовать указаниям Главы. Глава знает нужды каждой клеточки Тела. И только послушание определяет полезность клетки для Тела.

Как тело больного церебральным параличом не слушается своего хозяина, так и Тело Христово порой проявляет непослушание Голове. Дороти Сэйерс говорила о третьем унижении Бога, Который согласился жить в Телe, состоящем из бранных тел. Она, несомненно, имела в виду следующее: мы просто-напросто подпортили репутацию Главы, демонстрируя миру в течение многих веков свой эгоизм, алчность, нетерпимость, духовную заносчивость. В Главе изъяна нет. Но каково смирение Главы — смирение, граничащее с унижением!

Бог продолжает свершать Свой труд в миру через людей, каждый из которых способен ошибиться. Он не вмешивается в нашу жизнь, чтобы всякий раз подсказывать правильный ответ или чудом выручать нас из беды. Но Он всегда действует через грешных представителей человеческого рода, таких как убийца и прелюбодей царь Давид, упрямец Иона, предатель Петр, ненавистник евреев Лютер, палач Кальвин. Бог берет Себе таких людей. Перечисленная нами пятерка — это еще лучшие из лучших! Бог дал нам Свое Имя, Свой Дух, избрал

¹ Боковой амиотрофический склероз, или болезнь Шарко — заболевание Двигательных путей боковых столбов и передних рогов спинного мозга, вызывающее прогрессирующую мышечную атрофию, повышение рефлексов, фибриллярные подергивания и спастическую возбудимость мышц (прим. перев.).

нас в Тело Свое и согласился быть нашим Главой. Если уж вочеловечение Христа — это тайна, то насколько большая тайна Тело Христово?

Я тщательно перечитал все четыре Евангелия, стараясь понять, как Иисус готовился к роли Главы, и увидел: в течение тех лет земного служения Он постепенно передавал Свою работу ученикам. В начале только Он исцелял, изгонял бесов, служил людям и благовествовал. Но близился час казни, и Он все больше времени уделял подготовке тех, кого собирался оставить после Себя. Мне в глаза бросились три главных события.

«Я посылаю вас, как агнцев среди волков», — предупреждал Господь учеников перед их первым самостоятельным походом в мир от имени Христова (см. Лк. 10:1-24). Так постепенно Он учил 60 новообращенных исполнять роль священников.

Несмотря на предостережение, первое служение 72 посланных прошло исключительно успешно. «И бесы повинуются нам о имени Твоем!» — радовались ученики. Обрадовался этому и Иисус. Я не знаю другого места Писания, где бы так явно была видна Его радость. Он разразился молитвой, а потом произнес памятные всем нам слова: «Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали». Был свершен великий труд ради Царствия Божьего, но в данном случае Христос не участвовал в событиях непосредственно. Зато Его слова показывают, какое огромное значение Он придавал этому первому самостоятельному шагу учеников.

Позднее, в конце Своего земного пути, Иисус сделал еще одно: всю работу передал в руки учеников. Произошло это во время Тайной Вечери. В Новом Завете нет более эмоционально заряженного отрывка: «И Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство». Так сказал в ту ночь Иисус (Лк. 22:29). С тех самых пор Он больше полагается на «канал связи», опосредованно воздействует на мир через человеческие «клеточки».

Невероятно: Бог доверил нам выполнять Свою волю в мире! Мы делаем это неловко и неумело, а Он мог бы выполнить идеально и мгновенно. Непостижимо: Христос отдался на нашу милость. Наше маловерие может стать помехой в Его труде¹. Совершенно очевидно: Он предпочел передать Свою власть Своим же творениям.

Мы невольно совершаем ошибки: как и у больного церебральным параличом, наше тело не всегда функционирует должным образом. Всемогущему нелегко выносить такое унижение. Не испытывает ли Бог порой тех же чувств, что и больной церебральным параличом? Но прежде чем мы рассердимся на церковь — за мучения, которые она доставляет Богу! — давайте вспомним, что великие и ко многому обязывающие слова Павла о церкви — Теле Христовом, Невесте Христовой, Храме

Божием — были обращены к реальным, живым и несомненно греховным церквям. Грешных людей Бог принимает Своими детьми. Он полагается на порочных членов церкви, доверив им выполнение труда, предназначенного для Его Тела.

Даже если произошли очень существенные нарушения связи между мозгом и телом, но сами проводящие пути не задеты, смерть не наступит. Удивительно, но факт: животные остаются живы и даже могут осуществлять какие-то функции, если удалены верхние отделы их головного мозга. В этом случае периферические

¹ «И не мог совершить там никакого чуда; только, на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их» (Мк. 6:5-6).

клетки не выполняют конкретные приказы центра, а действуют инстинктивно. Сэр Чарльз Шеррингтон изучал лишенную мозга лягушку, преспокойно плавающую в пруду. Он сделал вывод: на первый взгляд может показаться, что у лягушки совсем незначительная травма. Но если приглядеться повнимательнее, то сразу станет видно: лягушка плывет как бы по инерции, без всякой цели, ее лапки просто совершают рефлекторные движения. Если мозг отсутствует, тело не в состоянии стремиться к достижению цели.

Гораздо сильнее отсутствие мозга сказывается на более высших животных. «Безмозглая» собака постоянно находится в неподвижной, застывшей позе. Она не может устойчиво стоять, даже опираясь на все четыре лапы, потому что не в состоянии сохранить равновесие. Она заваливается набок при малейшем прикосновении.

Люди тоже иногда испытывают рассогласованность между мозгом и телом. Приведу вам очень простой пример на проверку нарушения такой связи: легкий удар по коленке медицинским молоточком с резиновым наконечником. Обычно (и мы все это отлично знаем) в ответ на удар рефлекторно срабатывает надколенное сухожилие. Когда молоточек ударяет по сухожилию, у управляющего рефлексом нервного узла создается впечатление, что колено сгибается. Следует мгновенный ответ: под действием локальных нейронов (сообщение доходит до высшего мозга уже позже) напрягаются мышцы, выпрямляющие колено. В обычной жизни этот рефлекс нужен нам для того, чтобы уберечь нас от падения, если мы споткнемся.

Но если из-за повреждения спинного мозга нарушилась связь между мозгом и конечностями человека, то удар молоточка вызовет совершенно другой рефлекс. И тогда уже ударивший молоточком врач должен незамедлительно воспользоваться своими рефлексом. Мышцы пациента неожиданно резко дернутся, его нога подскочит вверх с огромной силой. Затем она может вяло упасть и качаться туда-сюда: мышцы скует спазм.

Эти мышцы и связки здоровы, они наглядно демонстрируют свою силу, но верховные приказы от головы к ним не поступают. При нормальных условиях мозг ограничивает произвольные рефлексы (по словам Шеррингтона, он «оказывает цивилизованное влияние на примитивные части тела»). Если жизненно важный проводящий путь поврежден, то определенная часть тела может продолжать действовать, но ее движения будут автономными, ни с чем не связанными, бессмысленными, не скоординированными с другими частями тела.

Но параллель между духовным Телом и телом плотным может быть лишь частичной, ибо недостатки в функционировании Тела Христова никогда не являются результатом «травмы головного мозга». Многие заболевания нервной системы — церебральный паралич, например, — происходят от того, что синаптические каналы, проводящие сигналы от мозга к клеткам, «засоряются». Отравляющие вещества, такие как кокаин, токсины ботулизма¹, атропин², также могут нарушать химические процессы, происходящие при передаче сигнала между синапсами.

---

¹ Ботулизм — пищевая токсикоинфекция, возникающая в результате отравления продуктами, зараженными палочками и токсинами ботулизма. При ботулизме поражается нервная система (нарушается зрение, голос, глотание).

² Атропин — алкалоид, содержащийся в растениях семейства пасленовых: Красавке, белене, дурмане (прим. перев.).

Когда такие отравляющие вещества проникают в Тело Христово, мы называем их одним коротким словечком — грех. Грех прокрадывается в личный канал связи, существующий между Главой и членом Тела, прерывает связь, отрывает клетку от «вышестоящего начальника», направляющего и координирующего действия клетки. Чтобы клетка была полезна организму, нужно, чтобы она невозбранно получала команды свыше и послушно реагировала на них.

Апостол Павел, великий мастер сравнений, в письме колосской церкви дает совершенно точное описание человека, страдающего подобным расстройством. Описанный им человек впал в грех, законнически осудив другие члены Тела. Вместо того чтобы получать сигналы от Главы, он загляделся на соседние клетки. «Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим» (Кол. 2:18-19). Однажды прервавшись, утраченные связи не так-то легко восстанавливаются!

В здоровом мозге есть определенная зона для управления каждым пальцем руки, каждым пальцем ноги, каждой существенной частью тела. Если, например, определенная зона управляет моим безымянным пальцем, то в этой зоне мозга содержится вся информация именно об этом пальце. Может ли он играть на гитаре? Помогает ли он мне, когда я пишу? Имеется ли на нем шрам от давней раны? Вся эта информация хранится в памяти мозга; мозг знает все о способностях этого пальца. Если я использую палец многократно, например, при игре на гитаре, то память мозга обогащается огромным количеством связанных с этим пальцем ассоциаций.

Решая стоящие передо мной как перед хирургом задачи, я иногда оказываюсь вынужденным разрушать подобные ассоциативные проводящие пути, пытаюсь создать новые. Так, некоторым страдающим от проказы пациентам мы делаем новые брови (в косметических целях). Для этого мы отрезаем небольшую заплаточку с волосистой части черепа и прикладываем ее в нижнюю часть лба — на место прежних бровей. Она остается соединенной со своим прежним черепным нервом и кровоснабжением. Поэтому новая бровь пациента «чувствует себя», как и раньше, частью его черепа. Если муха поползет по пересаженной брови, пациент, чтобы прогнать ее, стукнет себя по макушке.

Или другой пример. При пересадке сухожилия я могу переместить здоровое сухожилие безымянного пальца на место нездорового или омертвевшего сухожилия на большом пальце. Но для прооперированного пациента поступающие от мозга приказы будут по-прежнему относиться к безымянному пальцу. «Пошевели большим пальцем», — говорю я ему, и ничего не происходит. Пациент с недоумением разглядывает свою руку. «Тогда пошевели безымянным пальцем», — продолжаю я, и большой палец начинает двигаться.

Со временем пациент учится перепрограммировать свой мозг. Если это удастся, мозг начинает переводить ощущения безымянного пальца на большой. Но на это уходят годы, и нередко пациенты, которым за сорок, так и не могут до конца приспособиться к произошедшим изменениям.

Образ клетки большого пальца, получающей набор новых для нее сигналов из мозга, помогает понять наставление апостола Павла «преобразаться обновлением ума». Апостол убеждает товарищей по Телу Христову изучить все, что «есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2).

В другом послании Павел дает конкретные советы о том, как должна проявляться в нашей жизни Божья воля. Он просит филиппинцев иметь «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5). Далее он поясняет:

«Он, будучи образом Божиим,

не почитал хищением

быть равным Богу; но уничижил Себя Самого,

приняв образ раба, 176 По образу Его

сделавшись подобным человекам и по виду став как человек;

смирил Себя, быв послушен даже до смерти,

и смерти крестной».

Мне кажется, что процесс обновления был одним гигантским усилием, направленным на то, чтобы возникла четкая, постоянная связь между клеткой и Главой. Связь нисходящая и восходящая. Когда мы всматриваемся в образ Христов, когда мы формируем связь с Ним, мы узнаем «помыслы Христовы». У сотен своих пациентов я наблюдал, как происходит этот биологический процесс. Видел я тот же процесс и на духовном уровне — в жизни многих искренне верующих христиан.

Сегодня наступило время заново открыть для себя издавна известные духовные дисциплины. Размышления о Писании, пост, молитва, простая жизнь, поклонение Богу, радость в Боге помогают нам должным образом «настроить» канал связи между нами и Главой. Даже простое чтение молитвенника помогает «урезонить разум». В нейрофизиологии, как и в духовности, частое повторение действия, являющегося выполнением команды «центра», лишь укрепляет связь между периферийным органом и центром. Пианист на концерте не думает о том, какие действия должны совершить его пальцы. Нет. Разум исполнителя во время концерта целиком и полностью сосредоточен на том, чтобы передать настроение музыки, вовремя вступить, верно интерпретировать произведение. Пальцы же следуют знакомыми тропами, проторенными во время многочасовых репетиций. Музыканты и спортсмены ценой упорных занятий разрабатывают каналы связи периферийных нервных клеток с мозгом.

Так и члены Тела Христова могут до бесконечности совершенствовать связь со своим Главой. Начинаящему христианину процесс познания Христовых помыслов может показаться чисто механическим и малополезным. Хождение с Богом, как и первые шаги ребенка, начинается с нетвердого шага, падений. (Павел напоминает нам «об ином законе»: «Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего» — Рим. 7:23). Постепенно мышцы и связки колена, голени, ступни привыкают работать согласованно, и ребенок уже может пробежать по комнате, не задумываясь о каждом шаге. Всякий раз, когда человек начинает осваивать новые навыки или новые виды спорта, он действует неловко, совершает массу ошибок. Но со временем его движения обретают силу и уверенность. Мы, взрослые, не придаем внимания свободе собственных движений до тех пор, пока на нашем пути не встретится большой церебральный параличом или параплегией¹.

Как-то во время прогулки мое внимание привлекли небольшие птички иволги, которые были заняты важной работой — строили себе гнездо. Птички были совсем молоденькие. Вне всякого сомнения, это было первое гнездо в их жизни. Через несколько веток от них висело другое гнездо, построенное старшими птицами в прошлом году. Оно выдержало даже сильную зимнюю пургу,

¹ Параплегия — паралич обеих рук или ног (прим. перев.).

сломавшую ветки многих деревьев. Но эти молодые птицы и не собирались размещаться в старом гнезде или хотя бы внимательно изучить его и по нему построить свое гнездо. Они и без этого отлично знали, что надо делать.

Прежде всего они внимательнейшим образом выбрали подходящее место. Им нужна была ветка с разветвляющимися в виде двузубой вилки отростками. Ветка должна быть очень тонкой, чуть толще листочка, чтобы до гнезда не смогли добраться белки. Со всех сторон гнездо будет окружено листвой, которая скроет птенцов от ястребов и других хищников, парящих высоко в небе.

После того как решение о месте расположения было принято, птички приступили к поискам определенного вида травы. Им подходит не любая трава: все травинки должны быть одной Длины и толщины. Птичка встает ножкой на одно разветвление, а другой — на другое. Одной лапкой она прижимает к ветке принесенную травинку и с помощью только клюва крепко-накрепко привязывает эту травинку одним концом к ветке; другой ее конец свешивается вниз. Затем она летит за второй травинкой и привязывает ее ко второй ветке. После этого она соединяет два висящих конца и заплетает их в тугую косу. Когда в косу вплетается много-много травинок, получается толстый канат. Само гнездо будет висеть между двумя такими канатами, держась на них. Через несколько дней, потраченных на выбор места, завязывание узлов, плетение косичек и свивание травинок, у двух птичек появляется аккуратный, закругленный домик, довольно прочный, чтобы выдержать даже штормовые ветры.

В это же время в доме жена вяжет мне свитер. Я вижу ее через окно. Она вяжет великолепно, я с нетерпением жду, когда мой новый свитер будет готов. Для того чтобы изготовить пряжу для вязания, потребовался труд пастухов, стригалей, прядильщиков и красильщиков. Маргарет постоянно заглядывает в схему вязания. Она выбрала очень сложный рисунок — такой могут выполнить лишь большие мастерицы. Чтобы разобрать значки на рисунке, требуется определенный навык. А чтобы воплотить их в жизнь, нужно немалое мастерство, которое приходит лишь с годами. Наконец готов свитер — результат совместной многолетней деятельности многих умов. Если бы моей жене дали овцу и попросили связать свитер, думаю, она не справилась бы с этой задачей.

Я нисколько не сомневаюсь в следующем: даже обладая способностью полностью концентрировать внимание и ловкостью рук, выработанных у меня за годы хирургической практики, я не сумею сплести из травинок пустотелый прочный шар, который не сможет сорвать с ветки даже ураганный ветер. Я как-то попробовал, но мое гнездо получилось жиденьким, бесформенным и совершенно непрочным — хотя у меня десять пальцев, а у иволги только клюв и две ножки.

Самым главным здесь, конечно же, является инстинкт¹. Птичка того же семейства — овсянка, — следуя своему генетическому коду, летит через океан и находит там маленький остров, чтобы перезимовать. А ведь для этого ей надо пролететь расстояние в 700 км. Я как-то наблюдал отлет птиц, отправляющихся на зимовку в теплые края. Они собираются все вместе где-нибудь в трясине тростниковых зарослей и смотрят на простирающееся перед ними бесконечное водное пространство. Такое впечатление, что они думают: стоит или не стоит

---

¹ Как беспечно мы относимся к такому уникальному явлению, как «простой инстинкт»! Благодаря генетическому коду был создан — клеточка за клеточкой — мозг иволги. Именно он руководил соответствующими нейронами и их синапсами таким образом, чтобы их расположение неизбежно в определенный день заставило ее ножки и клювик совершать описанные замысловатые маневры. Даже мудрость, необходимая при поисках травы и выборе места гнезда, уже была включена в инструкции генетического кода, существовавшего еще до появления мозга птички. Мозг иволги — результат необходимости проявлять заботу о потомстве. Но еще более ранняя необходимость намного раньше этого уже получила команды от мозга и создала генетический код, инструктирующий все клетки птички беспрекословно сотрудничать друг с другом, не обсуждая полученные команды.

улетать отсюда. И каждый год они взлетают: это было заложено еще в яйце, из которого они вылупились.

Иногда, мучаясь над решением каких-нибудь духовных вопросов, я думаю об овсянке и иволге. Божьи помыслы приходят ко мне по «нисходящему пути». Силами своего ума я мог бы сделать совершенно другие выводы из Писания. Божьи заповеди трудны. Господь требует от меня жертвы, сострадания, чистоты, как бы я ни старался открутиться, искренне считая Его требования недостижимым идеалом.

В такие моменты, когда всплывают мой эгоизм и гордыня, мне нужна сила, сила более надежная, чем мой разум. И именно такая сила оказывается внутри нас: сознательно или подсознательно, но закон Божий начертан в наших сердцах (см. Рим. 2:15). Инстинктивное чувство ответственности перед Богом будет возрастать, если питать его духовными занятиями. Если я сокрою Божье слово в сердце своем и буду о нем размышлять, оно поможет укрепить связь с Богом и обновит мой разум.

Когда же вдруг наступит острый критический момент, то времени на размышление будет, как всегда, очень мало: действие в такие моменты является обычно результатом подсознательного выбора, а подсознание наше будет именно таким, каким мы его сделали. Я думаю об этих крошечных пташках — овсянке и иволге, и прошу Бога, чтобы, обновляя разум мой, Он вживил в него Свои истины. Путь они войдут в мой генетический код! Я молю Бога, чтобы связь между Ним и мною не прерывалась, чтобы я всегда был Ему послушен.

13. СВЯЗЬ С ГОЛОВОЙ

*Я—раненый олень,
отбившийся от стада
уже давно.
Утыкан стрелами мой бок,
Вздымающийся тяжело.
Ушел я тихой смерти ждать
в тени деревьев. Там
Тот нашел меня, Кто
Сам однажды ранен был
копьем. Се, бок Его, ладони и ступни
в следах от шрамов.
Он с кроткой силою извлек
из ран моих Жестоких стрел железные концы.
И за Собой меня увлек,
И исцелил,
И дал мне жизнь.
Уильям Каупер, «Задача, книга III»*

*Богу, ибо Он — Бог, всецело принадлежит власть явить Себя, познать и любить Себя. И для этого не требуется никакой твари... Но без твари Он все будет вмещать только в Себе, являясь естеством или источником всего. Без твари познание и любовь не облекутся в дела. И вот Бог решил дела явить и облечь их в материю, что невозможно было бы без твари.
«Теология Германика»*

В определенном возрасте, примерно через двенадцать месяцев после рождения, в жизни каждого из нас происходят существенные перемены. До этого наше восприятие окружающего мира основывалось во многом на осязательных ощущениях. Теперь же главным органом чувств становится зрение. Осязание предшествует зрению. Оно как бы обучает зрение в первые месяцы жизни, пока зрительные клетки в полной мере не обретут способность точно определять форму предметов, их плотность и расстояние до них. Этот учебный процесс имеет место в каждом человеке — кроме слепого.

У незрячих людей этого перехода так и не происходит, если, конечно, их зрение каким-то образом не восстановится. В начале нынешнего века все больше и больше слепых людей становились зрячими.

Это стало возможным благодаря происшедшему в медицине чуду: хирурги научились удалять катаракту. Случилось невероятное: слепые от рождения люди, привыкшие воспринимать мир лишь на ощупь, вдруг смогли видеть. Когда это случилось, перед ними открылся мир, который отличался от их представлений.

Писатель Мариус фон Шенден встречался и беседовал с теми людьми, которые неожиданно стали видеть. Мы все сталкиваемся с подобным открытием в младенческом возрасте, когда еще не в состоянии выразить словами свои впечатления. Он разговаривал с 66 пациентами и записал все, что услышал от них. Вскоре после этого вышла его книга «Пространство и зрение».

Фон Шенден пришел к выводу: основные понятия о пространстве, движении и форме для только что ставших зрячими людей остаются непостижимыми.

Например, зрячие люди с рождения имеют определенные исходные представления о расстояниях в пространстве. Находящееся «в поле зрения» здание — это то здание, которое стоит рядом, до которого можно дойти; а то, до которого надо добираться автобусом, поездом или самолетом, находится далеко. В противоположность этому незрячие люди судят о пространстве по тому, как оно влияет на напряжение их мышц. Для них расстояние в полтора километра требует определенного напряжения мышц, так как, чтобы преодолеть его, надо сделать немало шагов. А расстояние, которое надо преодолевать на поезде, автобусе или самолете, кажется совсем близким, потому что оно не требует никакого мышечного напряжения.

Как только эти люди увидели окружающий мир, они просто поразились его огромным размерам и необозримым пространствам. Раньше у них были четкие представления о размерах предметов: апельсин был величиной с кулак, лицо по ширине было в две ладони. После операции произошли невероятные изменения: старые правила больше не действовали. Шестнадцатилетнюю девушку спросили: «Какого роста твоя мама?»

Девушка раздвинула указательные пальцы обеих рук на расстояние в десять-пятнадцать сантиметров; точно такой же размер она установила и для книги. Ее мама, стоявшая в другом конце комнаты, занимала как раз такую часть поля зрения девушки. А солнце? Совершенно очевидно, что оно было размером с десятикопеечную монетку — кто поверит, что солнце больше земли?

Постепенно, месяц за месяцем, такие пациенты учатся правильно определять значения пространства, расстояния и перспективы. Очень долго остаются непостижимыми вертикальные расстояния, так как у только что прозревших людей раньше не было понятия пространства, существующего за пределами того, к чему они могли прикоснуться. Очертания небоскребов и деревьев простираются высоко вверх, но как можно измерить высоту больше пяти метров, как можно измерить высоту, до которой достаешь лишь палкой? Один пациент как-то стоял на балконе многоэтажного дома и смотрел вниз на мостовую. Что-то там внизу привлекло его внимание, он шагнул с балкона и разбился. Летящий по небу самолет или движущийся лифт, т.е. то, что может перевезти их на какое-то расстояние без всякого усилия с их стороны, было для них необъяснимым чудом. Кроме того, слепые люди привыкли определять движение с точки зрения переменных мышечных нагрузок и не были готовы воспринимать его лишь глазами. Доктор помахал рукой перед лицом восьмилетнего мальчика. «Видишь, что рука движется?» — спросил он. Смущенный мальчик напряженно уставился прямо перед собой. Он «видел» лишь, что какая-то тень прерывает свет; но его глаза даже не пытались следовать за движущейся рукой. «Он изо всех сил старался понять значение этого слова (движется) применительно к моему жесту, — так записал доктор в карте мальчика, — но у него ничего не получалось. его глаз не мог следить за длинными, колебательными движениями моей руки». Наконец, когда ему позволили дотронуться до руки, мальчик радостно закричал: «Она движется!»

Даже самые простые формы приводят в замешательство тех, кто знал мир лишь на ощупь. Врач положил на стол перед пациенткой в ряд несколько фруктов; точно такие же фрукты в таком же порядке лежали на столе перед врачом. Врач взял со своего стола яблоко и сказал женщине: «Возьмите такой же предмет». Пациентка внимательно разглядывала лежащие перед ней предметы, стараясь чисто зрительно определить, чем их формы отличаются друг от друга. Она долго

думала, потом выбрала из всего ряда сливу, величина которой составляла одну шестую часть от размера яблока. Когда врач разрешил ей потрогать яблоко, которое он держал, она сразу же выбрала яблоко у себя на столе. Но зрительно разобраться в этом колоссальном многообразии размеров, сбивающих с толку цветов и расплывчатых форм, — это было выше ее сил.

Смышленому двадцатилетнему пациенту требуется в среднем четыре недели интенсивных занятий, чтобы научиться различать круглые, прямоугольные и треугольные предметы. Помню, один пациент никак не мог отличить яблоко от ключа, а кусок хлеба от руки. Другая пациентка очень хотела порадовать своего учителя, когда они проходили цвет. Она быстро усвоила, что спичечный коробок желтого цвета. И стала все желтое называть спичечным коробком, что бы это ни было: яблоко, банан или книга.

Надо потратить несколько недель упорнейших тренировок, поначалу допуская огромное количество ошибок, лишь для того, чтобы отличить круг от квадрата. Можете себе представить, сколько требуется усилий, чтобы научиться различать лица. Прозревшему мужу потребовалось четыре месяца, чтобы отличить лицо своей жены от множества других лиц. Гораздо легче ему было узнать жену по голосу или по прикосновению к ее щеке.

Одна девочка играла со своим любимым котом по четыре часа в день в течение трех недель. И вот, как-то увидев во дворе; курицу, она радостно воскликнула: «Моя киска!» Все сходилось: предмет был небольшим, серым и двигался. Эта же девочка спутала книжный шкаф с плитой и назвала фонтан деревом, «потому что оно большое и круглое». Простейшие вещи приводили ее в беспокойство. Ей казалось, что упавшее на пол черное пальто — это рот стены, столб дыма из трубы надвое раскалывает небо, а пятна на шерсти ее собачки Муффи — это проходящие сквозь нее отверстия.

«Как же так, сейчас мне гораздо труднее, чем было раньше, — устав от бесконечных занятий, смущенно проговорила одна женщина, еле сдерживая слезы, — Все, что я вижу, вызывает во мне неприятные чувства. Моя жизнь была намного легче, когда я была слепой!» Она не могла жить в этом непостижимом мире, в котором от нее требовали невозможного: отличить нож от ложки и от вилки, не дотрагиваясь до них. (Между прочим, к ее величайшему удовольствию она снова стала слепой). Практически все пациенты находятся в состоянии подавленности в этот период, когда для них все перевернуто с ног на голову. Их заставляют заново познавать мир. Они чувствуют себя людьми, оказавшимися неожиданно заброшенными на другую планету, где не действуют законы физики.

Ставшие зрячими люди сталкиваются с еще большими трудностями, пытаясь усвоить такие непростые понятия, как пространственная целостность или двухмерная глубина (это ставило в тупик художников всего пять веков назад). Девочка, о которой мы рассказывали выше, поняла то, что никогда раньше не приходило ей в голову: ее киска представляет собой единое целое, состоящее из головы, ушей и лапок, принадлежащих одному животному. Как в известной притче три слепца определяли слона (один по хоботу, второй по уху, а третий по ноге), так и она никогда не трогала все части одновременно, поэтому не представляла себе кошку, как нечто целостное.

Чтобы объяснить понятие глубины, врачи привозили пациентов на гору. Поначалу пейзаж не имел для них никакого значения. Широкая полоса зеленого цвета (лес) или узкая полоска голубого (река) никоим образом не давали ни

малейшего представления о действительности только что прозревшим людям. Эти люди никогда не дотрагивались до того, что находится так далеко, как же тогда они могут понять это? Еще больше времени (много месяцев) требовалось, чтобы научить пациентов узнавать предметы на фотографиях и рисунках. Изображение лица, которое не так просто было различить даже в естественном виде, совершенно не воспринималось, будучи запечатленным на плоском прямоугольнике, состоящем из света и теней.

Конечно же, в конце концов, большинство пациентов приспособливались к миру света и тени, цвета, формы и размеров. Они начинали воспринимать те понятия, которые раньше были им недоступны. Они постигали красоту мира. Но в любом случае сам процесс был нелегким. Еще долгие месяцы, иногда годы, люди закрывали глаза, оказываясь в трудных ситуациях, например, когда надо было пройти по комнате, заставленной мебелью, и затем подняться по лестнице. Новый мир предал их, он оказался совсем не таким, каким они его себе представляли. Точнее говоря, их предали их же собственные остальные органы чувств. Они дали людям неполное представление о реальном мире¹.

Следуя нашему сравнению, можно сделать вывод: отчеты фон Шендена показывают, что мозг, запертый в своей костяной коробке и не соприкасающийся с окружающим материальным миром, должен истолковывать действительность, учитывая разрозненные сигналы, поступающие из разных частей тела. Когда определенный физический недостаток, например слепота, отсекает часть поступающих в мозг сигналов, это оказывает влияние на функционирование всего тела.

Спешу оговориться: параллель с органами чувств можно повести до абсурда. Разум и Голова Тела — Сам Бог в ипостаси Иисуса Христа. Он не зависит от действий членов Тела, и восприятие Им происходящего никак не обусловлено нашим восприятием мира. Его знание превосходит всякое разумение. Ему не нужны наши маленькие серые клеточки — Ему мудрости не занимать. Но, с другой стороны, Бог добровольно наложил на Себя ограничения, а потому сравнение Головы с одиноким, удаленным от остальных частей тела мозгом все же применимо.

Мы уже видели, что Бог добровольно ограничил Себя (команда свыше), производя труд Свой через несовершенных людей. Немыслимо и то, что Бог Свое присутствие на земле поставил в зависимость от обратной связи, от связи с Ним, которую осуществляют отдельные члены или клеточки Его тела.

Самое удивительное в человеческом теле то, что каждая из сотен триллионов клеток имеет связь с мозгом. Многие клетки, например клетки, участвующие в зрительном процессе, связаны с мозгом напрямую. Другие имеют опосредованный канал связи, по которому могут сообщать мозгу о своих нуждах или своем состоянии. Так и в Телe Христовом нет большего чуда, чем чудо общения: каждый из нас имеет прямой канал связи с Самим Христом, Главой. Как ни удивительно, Он слушает нас, учитывает наши просьбы и использует данную нами информацию, строя соответствующим образом Свой труд на земле. «Много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5:16).

---

¹ Ученые, занимающиеся исследованием мозга, доказали: наше представление о мире зависит от всех органов чувств, получающих каждый своим путем информацию о том, что нас окружает. Котята, подрастающие в коробках с нарисованными на стенках горизонтальными полосами, поначалу даже не замечали вертикальных полос: клеточки их мозга не ргизвили в себе категорию «вертикальности». А вот еще более интересный эксперимент: котят, выросшие в постоянно вращающейся коробке цилиндрической формы, потом никак не могли привыкнуть к тому, что их место обитания не движется. Они все время ходили кругами — так же, как и раньше в цилиндре!

Через нас, служащих Его руками, ушами, глазами и болевыми рецепторами, Бог поддерживает связь с миром и населяющими его людьми. Его действия основываются на нашей обратной связи с Ним. Но Бог находит в этом и определенное «Удовольствие». Как часто Библия повторяет нам удивительную истину: Бог радуется Своей церкви. Мы — сокровища, приятное Ему курение, дары, которым Он радуется. Новый Завет более 30 раз напоминает нам о том, что Его Тело связано с Ним Столь тесно, что все происходящее с нами происходит и с Ним. Новый Завет подводит нас к удивительному выводу: Бог жаждет общаться с нами. Он тянется к Своему Телу. Ему нужна наша обратная связь. Он сотворил нас для того, чтобы принимать нашу любовь.

Неужели мы не заметили, что свершилась великая небесная революция? Согласно древним верованиям, считалось, что небесные боги влияют на все происходящее на земле. Обитающие в заоблачной дали боги посылали людям дожди, землетрясения, грозы. Они карали землю, устраивали катастрофы. Теперь же Христос изменил эту древнюю формулу. «Как скажут наверху, так и будет внизу», — считали древние. «Как скажут внизу, так и будет наверху», — говорим мы. Наши действия, такие как молитва, влияют на происходящее на небесах. Небеса радуются обращению каждого грешника.

Молитва — это, конечно, главный вид связи, позволяющий нам, по словам Блэза Паскаля, «принимать достойное участие в установлении причинно-следственных связей». Молитва — это полноценная работа. Так ее и понимали на протяжении многих веков мистики-отшельники. Снова и снова, так часто, что и писателям приходится вторить ей, Библия говорит: Бог слышит молитву. Невероятно, что Бог стремится к общению с разбросанными по миру членами Своего Тела. Отсутствие обратной связи и маловерие во многом ограничивают духовное Тело, как и утрата зрения мешает нормальному функционированию тела физического. Близость с Богом, невозбранный доступ к Нему мы получили ныне благодаря примирению, завоеванному для нас Христом. Облекшись в человеческую плоть, Он взял на Себя роль одной из «клеток», войдя в мир Своих тварей. Но на протяжении всего земного пути Иисус непрестанно ощущал нужду! в периодическом общении с Отцом. Бог, говорящий с Богом, — I вот суть загадки Святой Троицы. Сын Божий Своим личным] примером продемонстрировал обязательность непрестанной' связи с Отцом.

Размышляя о воплощении Христа, автор Послания к Евреям показал нам трехэтапность сближения Бога со Своим народом: в Ветхом Завете народ приходил к Богу через священника; потом Христос пришел на землю; затем возникло наиболее тесное общение — общение Тела с Главой. Священнописатель завершает свою мысль: «Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр. 4:15-16).

Чуть дальше в том же Послании мы читаем о великих истинах, которые и по сей день не в состоянии постичь до конца: «Сын... страданиями навывк послушанию» (5:8). Как тревожит нас истина, что Бог — всемогущий и самодостаточный — учился через страдание. Вочеловечение тоже было частью обучения, Бог ощутил, что значит быть заключенным в материальную оболочку. Иисус познал радость брачного пира, горечь похорон, любовь и предательство близких друзей, и наконец боль, которую могут причинить кнут и копье.

Сегодня Бог свершает Свой труд в материальном мире в основном через членов Тела Христова. И, что самое главное, во многом благодаря Своему вочеловечению Бог по-новому слышит наши молитвы, ибо Он жил среди нас и молился Сам. Теперь у нас есть Первосвященник, Который способен сочувствовать нам в наших горестях. Так будем же неустанны и смелы в своих молитвах!

У Тела Христова есть явные преимущества перед телом человеческим, ибо в нем Голова всегда выслушивает клетки и воспринимает даже самые слабые их сигналы. Главе Тела нет нужды спать, ей не нужно просветление. Глава обладает всякой премудростью и силой. Единственное, что может ограничивать функционирование тела, — это дисфункция клеток. А потому христиане должны научиться каждое свое чувство, каждое действие, каждое ощущение нести к Богу. Царь Давид — пример греховного человека. Он — убийца и прелюбодей. Тем не менее Бог был благосклонен к нему и навал его человеком, который был «по сердцу Богу». Читая написанные Давидом псалмы, я вижу, чем Давид заслужил такое отношение к себе. В его стихах гнев и отчаяние, радость и хвала, незащитность и горечь, сила и уверенность, боль и жажда мести, смирение и любовь. В его псалмах собраны все его противоречивые чувства. Мы видим все перепады его настроения. Давид ничего не скрывал от Бога — ни хорошего, ни дурного. 3 Именно это, я думаю, и нравилось Богу в Давиде, который все принимал Его всерьез. Он каждый день, порой минута за минутой рассказывал Богу о себе и ждал, иногда даже требовал, чтобы Бог ответил ему¹.

Обратная связь и голос свыше — и то и другое необходимо j здоровому телу. Всему Телу Христову будет плохо, когда хотя бы одна из его частей утратит связь с Главой. Если пророческая клетка откажется видеть истину и предостерегать все Тело, то j мы собьемся с пути. Подобно слепым, о которых писал фон Шенден, мы можем идти по жизни, ничего о ней не зная. Тихая молитвенная клетка трудится много и напряженно. И если какая-то часть тела не почувствует боль в пальце или руке, то нечувствительная к боли часть тела постепенно отомрет.

Благодаря обратной связи, клетки органов осязания, конечностей и других жизненно важных частей тела посылают голове поток информации о своем состоянии и об окружающем мире. А клетки головного мозга управляют потоком команд, которые идут от мозга «вниз». Для ходьбы нам нужно, чтобы был хорошо налажен информационный обмен между мышцами и суставами. Они сообщают данные о мышечном тонусе, положении ног, давлении на ступню и в ответ получают указания о том, как верно совершать движение. Для движения необходимо, чтобы в организме сохранялось динамическое равновесие! между входными и выходными сигналами клеток. Если обратная связь точна, клетки сообщают полную информацию о себе и без труда получают команды мозга; если они послушны и исполнительны, то тело будет функционировать без сбоев.

Один эпизод из моей жизни очень наглядно демонстрирует роль головы человеческого тела и Головы духовного Тела. Речь пойдет о слепом человеке. Назовем его Жозе.

Жозе приехал к нам в Карвилль из Пуэрто-Рико, чтобы лечиться от проказы. К тому моменту проказа уже нанесла огромный урон его организму. Мало того что он ослеп, он еще лишился осязательной способности: он даже не замечал, если кто-то входил в комнату и брал его за руку. Осязательные и болевые клетки

---

¹ Многие псалмы, написанные самыми разными людьми, обладают тем же свойством. Посмотрите, например, на бурю человеческих эмоций, разыгрывающуюся в псалмах 21—25

совершенно не функционировали. В результате его руки, лицо и ноги были покрыты шрамами и язвами. На том месте, где должны быть пальцы рук, у него торчали лишь короткие тупые обрубки.

Так как болевые клетки больше не сообщали глазам, когда нужно моргать, глаза постепенно высохли. Это вместе с тяжелыми формами катаракты и глаукомы привело к слепоте. Моя жена Маргарет (глазной хирург) сказала Жозе, что ему нужна операция по удалению катаракты, которая поможет частично восстановить зрение. Но операцию можно делать лишь после того, как пройдет воспаление радужной оболочки глаза. Трагическая неудача оборвала последнюю ниточку, связывающую Жозе с внешним миром. Врачи изо всех сил старались приостановить распространение тяжелейшей проказы, на которую не действовали обычные сульфидные препараты, и дали Жозе новое лекарство. И тут выяснилось, что он страдает еще и редким видом аллергии. В результате он лишился слуха.

Итак, в возрасте 45 лет Жозе потерял все контакты с окружающим миром. Если ему что-то говорили, он не слышал и не видел говорящего. В отличие от Хелен Келлер, он не мог даже использовать специальный язык для глухонемых — проказа Убила его осязательные клетки, и он не чувствовал прикосновения, он не ощущал даже запаха, так как проказа затронула и слизистую оболочку носа. Никакие сигналы, которые должны передаваться органами чувств, не поступали. У Жозе сохранил только вкус. Недели шли, и мы наблюдали за тем, что происходит с Жозе: его ум начал смиряться с тем, что потерян смысловой контакт с миром природы и людей.

Тело Жозе не могло не реагировать на происходящие внутри него безжалостные перемены: все конечности распухли и снаружи и внутри, и он не мог лежать на кровати иначе, чем в положении «свернутого в калачик» внутриутробного эмбриона. Когда он просыпался, то не понимал, где он. Он никогда не знал, что сейчас: день или ночь; начинал говорить, не зная, слышит ли его кто-нибудь, получит ли он ответ на свои слова. Иногда он просто разговаривал сам с собой, точнее, бессвязно мычал, лишь бы не ощущать эту пустоту, это невыносимую тоску ума, приговоренного к одиночному заключению.

В таком состоянии мысли обычно рождают бесконечные страхи и подозрения. Может быть, сумасшествие — это и есть потеря восприятия окружающего мира? Жозе все реже и реже вставал с кровати, его тело все больше и больше скрючивалось. Он готовился принять смерть в такой же позе, в какой находился в утробе матери. Врачи и медсестры, проходя мимо его палаты, останавливались у двери, качали головой и проходили дальше. Мы были бессильны.

Как-то Жозе посетила Маргарет. Она не могла спокойно смотреть, как происходит разрушение в общем-то здорового человека. Она решила попытаться оказать ему радикальное лечение, чтобы хотя бы частично восстановить зрение, и с нетерпением ждала, когда пройдет воспаление глаза, чтобы можно было провести операцию.

Пытаясь соблюсти установленные правила, Маргарет столкнулась с почти непреодолимыми препятствиями. Перед любой операцией полагалось заполнить специальные бланки и получить под ними подпись самого пациента или его родственников, дающих согласие на операцию. А кто мог расписаться за Жозе? Никто не мог пробиться к нему сквозь барьер, отделявший его от остального мира, даже для того, чтобы получить его разрешение на оказание помощи. Персонал больницы занялся поисками родственников Жозе, в конце концов

увенчавшиеся успехом: была найдена его сестра, проживающая в Пуэрто-Рико. Представители департамента полиции той местности принесли ей на подпись разрешающий операцию документ.

Неграмотная сестра Жозе поставила крестик в нужном месте. Наконец-то была получена возможность провести операцию, и появилась слабенькая надежда на успех.

Жозе, по всей видимости, не понимал, что происходит: его зачем-то положили на каталку и повезли в операционную. Все время, пока проходила операция на его глазу, он лежал не двигаясь. Через два часа забинтовали глаз и отвезли Жозе обратно в палату.

Через несколько дней Маргарет сняла с его глаза повязку. Этот момент она не забудет никогда. Жозе, конечно, понимал, что над ним проводят какую-то процедуру, и, вероятно, догадывался, что ему хотят помочь. Но он даже не мог предположить, что происходило на самом деле. Один его глаз опять стал зрячим — Жозе снова смог видеть. Его глаз шурился от яркого света и медленно фокусировался на людях в белых халатах, столпившихся возле его кровати. Не улыбавшееся уже многие месяцы лицо Жозе расплылось в счастливой беззубой улыбке. Контакт с внешним миром был восстановлен.

В течение всего длительного периода изоляции мозг Жозе оставался в нормальном полноценном состоянии: в нем полностью сохранилась память, он не потерял способность воспринимать передаваемые от органов чувств сигналы и передавать в ответ соответствующие команды. Но все это время он бездействовал, потому что органы чувств, посылающие ему сигналы, были блокированы.

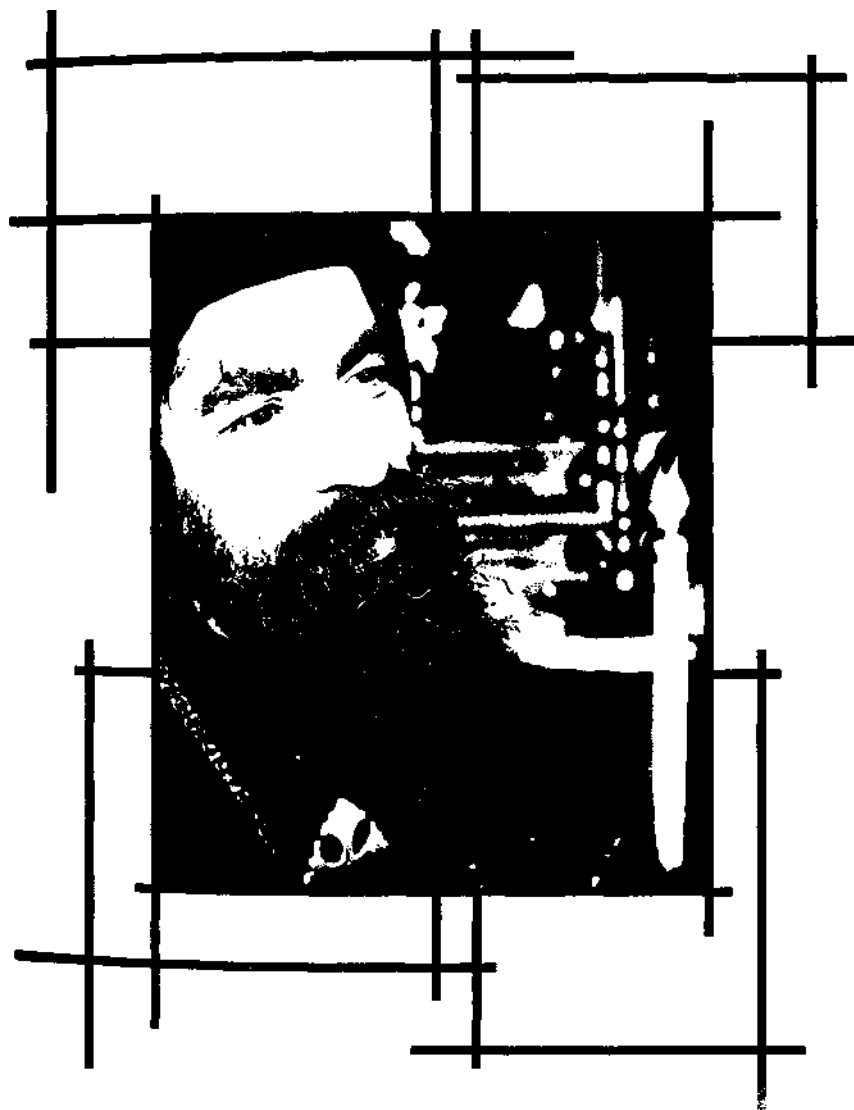
Я вспоминаю Жозе всякий раз, когда думаю о Боге. Точнее о том, что испытывал Бог, избравший для Себя путь служения в качестве Головы для Тела, состоящего из человеческих существ. Самый величественный орган тела может оказаться в изоляции и стать бесполезным, если нарушится связь с передающими ему информацию органами чувств и послушно выполняющими его приказы клетками. Бог избрал для Себя эту роль, Действуя не вопреки нам, а через нас. Это может показаться Унижением.

Но это еще и триумф, который наступает, когда связь возобновляется. Когда чувствительные каналы Жозе были восстановлены, сразу же все, что было изолировано и бесполезно, стало полностью свободно и смогло выразить себя во внешнем мире. Жозе попросил, чтобы его инвалидная коляска все время стояла в дверях палаты. Он тихо сидел в ней, поворачивая голову направо и налево и заглядывая в длинные коридоры лепрозория. И как только он видел, что кто-то идет по коридору, на его лице появлялась неподдельная искренняя улыбка.

Сейчас у Жозе есть контакт с внешним миром. Он попросил разрешения каждое воскресенье посещать нашу небольшую церковь, хотя не мог слышать ни одного слова проповеди. Он едва ли способен толком нажать электрическую кнопку инвалидной коляске своими обрубленными пальцами; а из-за того, что объем его зрительного восприятия сильно ограничен он постоянно натывается на стены и различные предметы, когда едет по коридорам. Несмотря на это, каждое воскресенье любую погоду он приезжает в церковь. Остальные пациенты обязательно приветствуют Жозе: подходят к нему, наклоняются поближе и машут рукой прямо у него перед глазами. На лице Жозе появляется неизменная очаровательная улыбка, иной раздается его громкий смех. И хотя он видит не

очень хорошо, совсем не слышит и ничего не чувствует на ощупь, каким-то образом он ощущает свою связь с этой церковью. И ему этого достаточно. Ум Жозе больше не изолирован и одинок, он сообщает с другими клетками тела. И теперь его могучий мозг получил связь с остальным миром. Жозе может выразить тот образ, который раньше был глубоко спрятан в нем.

ДУХ 14 ДЫХАНИЕ

Когда изыскатели открывают новое месторождение нефти, чаще всего нефть начинает бить фонтаном. Нередко происходит ее самовозгорание. Тогда людям требуется не один день, чтобы сбить струю нефти и потушить огонь. Но дважды в одном и том же месте этого не происходит. Впоследствии нефть из месторождения будет закачиваться насосом в трубопровод и поступать на нефтеперегонный завод, а далее — к потребителю. И если у кого-то возникнет желание снова лицезреть первоначальный фейерверк пламени, его сочтут не совсем нормальным, и будут правы. Но пламя тех первых дней выполнило свою задачу. Оно послужило неоспоримым доказательством: в данном месте находится нефть. А без нефти все эти трубопроводы и перегонные заводы оказались бы никому не нужными. Лесли Ньюбиджин, «Божья семья»

Есть такое дерево, которое называется баньян. Более причудливого дерева на свете не существует. Его корни растут не только от ствола, но и от веток. Десятки корней тянутся от каждой ветки вниз к земле. Не доходя до земли, они разветвляются, и вот уже сотни новых побегов врастают в землю, образуя собственную корневую систему. Если его насильственно не истреблять, то баньян может существовать вечно, пуская все новые и новые побеги, даже когда основной ствол уже состарится и отомрет. Одно-единственное дерево может заполнить собой пространство в несколько гектаров, превратившись в саморазрастающийся лес. В тени таких лесов обычно устраиваются восточные базары (само название дерева происходит от слова «баниан», что на языке хинди означает «каста торговцев»).

В наши дни образец баньяна можно увидеть в Ботаническом саду Калькутты. Это незабываемое зрелище. Здесь представлен баньян-великан, длина окружности которого составляет около 400 м. Вы видите перед собой настоящего гиганта. Это не что иное, как живая зеленая палатка, поддерживаемая колоннадой деревянных столбов. Где-то посреди чащи перепутанных стволов и веток 200 лет назад появился первый ствол. Впоследствии он был сильно изуродован грибовидным наростом, а в 1925 году и вовсе разрушен циклоном. Но его отростки продолжают расти и процветать.

Для детей, обожающих лазить по деревьям и качаться на вьющихся стеблях, баньян — неиссякаемый источник удовольствия. Мне было шесть лет, когда под одним из таких деревьев мои родители разбили временный госпиталь для оказания медицинской помощи местным жителям. Помню, как несколько первых дней я проводил на дереве все дни и ночи напролет. Родители лечили людей и проповедовали, а мы с сестрой в глубине необъятного дерева играли и не могли наиграться. Спускающиеся с верхних веток стебли, напоминающие сталактиты, были просто идеальным местом для детей: по ним можно было лазить вверх и вниз. Но местные жители еще и усовершенствовали их: они изогнули и связали вьющиеся стебли таким образом, что у нас появилось несколько качелей и даже трапеция.

И вот как-то раз я качался на таких качелях, расположенных во внутреннем коридоре дерева. Мне хотелось взлетать все выше и выше, и я кричал сестре, чтобы она раскачивала меня сильнее. Амплитуда моих колебаний резко увеличилась, и когда я летел назад, то почувствовал, что могу угодить головой в свисавшую в виде петли ветку. Чтобы этого не случилось, я пригнул голову и благополучно пролетел мимо петли. Но когда качели летели обратно, я забыл это сделать. Петлеобразная ветка оказалась прямо на уровне моего подбородка, захлестнула мою голову и сдавила горло. Качели резко остановились. К счастью, я удержался на качелях и не повис в петле. Но она так сильно сдавила мне дыхательное горло, что я не мог ни вздохнуть, ни крикнуть, ни простонать. Я висел, будто кукла на веревочках из кукольного театра. Перепугавшаяся до смерти сестра несколько раз дернула за качели, чтобы стащить меня вниз, но у нее ничего не получилось. Она побежала звать взрослых. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, оказалось, что я лежу дома — в палатке, на своей раскладушке. Возле меня стоит мама и что-то у меня спрашивает. Когда я произнес ее имя, она расплакалась. Мама очень боялась, что у меня поврежден мозг. Услышав от меня первое внятное слово, она успокоилась.

После этого происшествия у меня несколько дней болела шея, и долго не заживало то место под подбородком, где петля натерла кожу. Потом все прошло,

даже шрама не осталось. Но на долгие годы осталась память о том животном страхе, который я пережил, лишившись возможности дышать. С тех пор, когда я лишался возможности дышать носом или ртом, например, при погружении в воду, в меня снова вселялся тот же леденящий страх, и я с ужасом начинал всплывать на поверхность. Я явственно прочувствовал, что отсутствие возможности дышать совсем непохоже на состояние наркоза или на сон: оно похоже на смерть.

Много лет прошло с того дня, когда я повис на баньяне. С тех пор за свою врачебную практику я повидал немало людей, испытавших точно такой же ужас, какой я испытал тогда. Разного рода чрезвычайные происшествия сеют в людях панику: люди с острым сердечным приступом изо всех сил сдавливают себе грудь; получившие мозговую травму начинают биться головой обо что попало; солдаты, которым во время боевых действий оторвало конечность, не в состоянии отвести от нее изумленный взгляд. Но никакое происшествие не вызывает такую страшную, безумную панику, как неспособность дышать. Мы все не раз смотрели по телевизору спортивные соревнования и видели, в каком состоянии марафонец подбегает к финишной черте: его рот широко открыт, грудь тяжело поднимается, опускается, голова завалилась набок. Все это продолжается до тех пор, пока кислород не наполнит легкие. Только тогда организм приходит в норму: критическое состояние миновало. Однако марафонец не впадает в панику. Он заранее знает, что к концу забега будет испытывать острое кислородное голодание. Но, тем не менее, его жесты выдают в нем человека, которому срочно требуется кислород: глаза вылезают из орбит, руки в неистовстве хватают пустой воздух, сердце бешено колотится. Недостаток кислорода порождает замкнутый круг: сердце учащенно работает, чтобы поскорее доставить поступающий кислород по назначению, при этом оно само потребляет дополнительную энергию, требующую большего количества кислорода. Круг замыкается.

Мы с вами находимся в пяти минутах от смерти. Наша жизнь зависит от постоянного контакта организма с таким жизненно важным элементом, как находящийся вокруг нас кислород. Человек, в течение длительного времени лишенный воздуха, заметно синее: сначала синими становятся ногти, затем язык и губы, потом все видимые участки кожи, под которыми происходят серьезные изменения. Студенты медицинских вузов изучают происходящие в организме процессы, которые обуславливают изменение цвета кожи. Меняет цвет кровь, не получающая из легких запас кислорода, благодаря которому ее цвет стал бы насыщенно алым. Она становится голубой. Все животное царство живет в полной зависимости от одного элемента — кислорода.

Некоторые низшие животные имеют необычайно красивые приспособления для забора кислорода: напоминающие россыпи драгоценностей дыхательные отверстия морских червей, рифленые жабры тропических рыб, бриллиантовая юбочка гребешка, прячущегося в ярко-оранжевой двустворчатой раковине. Наши же легкие не отличаются изяществом форм, они просто выполняют свою функцию. Но выполняют ее идеально. Начинающий студент-медик, впервые расчлняющий труп, сразу же получает наглядное представление о том, насколько важны для нас легкие. Он уже изучил такие жизненно важные органы, как сердце, почки и поджелудочная железа. Но легкие!¹ Они затмевают

---

¹ Студент-медик испытывает еще одно потрясение, когда сравнивает легкие различных пациентов. Легкие некурящего человека из сельской местности имеют ярко-розовый здоровый цвет. На светлом фоне отчетливо видны мельчайшие кровеносные сосуды. Резко контрастируют с ними легкие курящего

собой все пространство, залезая во все щели и отверстия. Когда для стимуляции дыхания внутрь легких закачивается воздух, создается впечатление, что они хотят вырваться наружу из грудной полости.

В гортани наши бронхи раздваиваются, затем сужаются и снова раздваиваются, превращаясь в деревце с трубчатыми ветвями. В конце концов, они превращаются в триста миллионов мешочков, которые носят название «каверны». Мешочки толщиной всего в одну клетку, будто росинки, попадают в паутину кровеносных сосудов, опутавших каверны и доставляющих им столь важный груз — кислород. Складки и извилины легких образуют поверхность, площадь которой в 40 раз превышает площадь кожи. На таком пространстве могла бы уместиться небольшая квартира¹.

Мы нуждаемся в определенном пространстве. В среднем за день наши легкие принимают внутрь и выпускают наружу такое же количество воздуха, какое содержится в комнате средних размеров. Таким количеством воздуха можно, например, надуть несколько тысяч воздушных шариков. При каждом вдохе мы втягиваем в себя примерно пол-литра воздуха. В состоянии покоя мы делаем приблизительно 15 вдохов в мин. Самая незначительная нагрузка — подъем по ступенькам пробежка до автобуса — удваивает объем поступающего с дыханием воздуха и, соответственно, удваивает частоту вдохов. Разбросанные по всему организму рецепторные центры неустанно контролируют количество кислорода и углекислого газа, чтобы выбрать оптимальный уровень. Этот процесс не прекращается даже когда мы спим. Он не зависит от нашего сознания — иначе мы бы умерли. Наш прагматичный организм использует одну и ту же систему подачи воздуха, когда мы говорим, и когда поем, и когда смеемся, и когда вздыхаем, и когда свистим.

Лично я вспылал любовью к дыханию после того, как мое юное тело зависло на баньяне. А когда я изучил все участвующие в дыхательном процессе механизмы, стал испытывать к нему еще более благодарные чувства. С тех пор я повидал немало пациентов, переживших драматические события, связанные с нарушением дыхания.

Как только я приехал в Индию, в один день раздались два телефонных звонка: один из Калькутты, другой из Лондона. Оба звонка были по поводу состояния здоровья одного и того же человека — молодого игрока в поло, проживающего в Калькутте. Он был англичанином, единственным сыном очень состоятельного человека. Этот парень приехал в Индию, чтобы на практике поучиться ведению международных банковских операций, представляя интересы глобальной банковской сети своего отца. Врачи из Калькутты и родственники парня из Англии настойчиво просили меня первым же рейсом вылететь к нему и осмотреть его. А произошло вот что: на следующий день после напряженного матча молодого человека вдруг парализовало, как будто он внезапно заболел полиомиелитом.

горожанина: они цвета каменного угля. Думаю, если бы кожа у нас на груди представляла собой прозрачную мембрану, как у тропической рыбы, и каждый мог бы лично видеть этот контраст, а также омерзительную грибовидную массу злокачественной опухоли, наше общество давно предприняло бы какие-то радикальные меры, чтобы запретить курение.

¹ Теоретически организм человека может содержать в себе достаточное количество кислорода, растворенного в плазме крови, и полностью обходиться без красных клеток. Живущая в Антарктике холодоустойчивая рыба лежит в воде, температура которой 2°C. Своим постоянно открытым ртом она глотает кислород, поступающий в плазму крови. Красные клетки у нее полностью отсутствуют. Но если бы человек был снабжен такой же системой, то ему понадобилось бы примерно 250 л плазмы. Тогда бы он напоминал медузу с четырьмя болтающимися конечностями и головой. И даже тогда растворенного кислорода хватило бы лишь на две с половиной секунды; длительное чихание привело бы к фатальному исходу. К счастью, сложная по своему составу молекула под названием гемоглобин обеспечивает движение по крови в 20 раз большего количества кислорода. По химическому составу эта молекула выглядит следующим образом:

$C_{3032}H_{4812}N_{780}Fe_4O_{872}S_{12}$ Именно ее наличие окрашивает кровь в характерный красный цвет. В общей сложности 9508 атомов образуют замысловатую структуру вокруг четырех основных атомов железа. Гемоглобин, как магнит, притягивает проплывающие атомы кислорода. А двояковогнутая форма красных клеток обеспечивает максимальное снабжение легких кислородом. Каждая красная клетка переносит до 280 000 000 молекул гемоглобина.

Стараясь говорить отчетливее, я проинструктировал по телефону персонал больницы: если у пациента затруднено дыхание, то следует подготовить аппарат искусственного дыхания и провести трахеотомию¹, иначе в трахее скопится много жидкости.

После этого я помчался в Мадрасский аэропорт, чтобы успеть на ночной рейс. Когда самолет приземлился в аэропорту Калькутты, меня тут же усадили в машину и мгновенно доставили в больницу. И вот я уже стою у постели пациента.

На меня произвела сильное впечатление фигура лежащего передо мной больного. Благодаря хорошему питанию и постоянным физическим упражнениям — игре в регби и поло, — парень имел великолепнейшее телосложение. Даже когда он лежал без движения, на его руках и ногах отчетливо проступали рельефные мышцы. Однако это крупное тело было парализовано. Легкие этого молодого человека обладали огромным объемом, но в данный момент это не имело значения: парень был помещен в аппарат искусственного дыхания. Аппарат работал по принципу кузнечных мехов: он сжимал и разжимал грудь пациента, чтобы принудительно восстановить дыхание.

Увидев все это, я от души посочувствовал спортсмену: изумительной красоты тело запихнули в безобразный металлический цилиндр, с шумом закачивающий воздух в легкие молодого человека и выкачивающий его наружу. Мне вдруг вспомнилась когда-то давно увиденная скульптурная группа

Микеланджело под названием «Пленники». У видевших ее создавалось впечатление, что роскошные тела были замурованы в мрамор, несмотря на все их усилия вырваться на свободу. И сейчас перед моими глазами лежало тело живого Геркулеса, заблокированное в стальной ловушке. Медсестры сказали: «В пятницу он почувствовал, что заболевает «гриппом», но в субботу пошел играть в поло, так как это был очень важный матч и он не мог подвести свою команду». Физическое напряжение при заболевании полиомиелитом может привести к смерти.

Тут я узнал: оказывается, врачи так и не провели пациенту трахеотомию. Мной овладели тревожные предчувствия — я немедленно вызвал анестезиолога. У меня были опасения, что в дыхательном горле пациента могло скопиться много жидкости, так как мышцы, отвечающие за прокашливание и прочистку горла, не работали. Я объяснил молодому человеку, что мы собираемся делать. Стоящий около меня ассистент сказал, что мы должны сделать все возможное — больной готов заплатить любые деньги. Сам же спортсмен произнес всего две фразы. Он мог говорить по одному слову с каждым выдохом и то с огромным усилием, с хрипящим, свистящим и щелкающим звуком выталкиваемого воздуха. «Верните... мне... дыхание...» Я наклонился к нему, чтобы лучше расслышать его слова через шум насоса аппарата. Он продолжил: «Зачем... нужны... деньги... если... не можешь... дышать?» Я бросил на него печальный взгляд.

Заверив парня, что мы сделаем все возможное, я установил ему в горло отсос и, оставив у его постели медсестру, вышел из палаты, чтобы хоть что-то перекусить и выпить чашку кофе. Анестезиолог еще не подошел, а я после бессонной ночи должен был обязательно подкрепиться, иначе не смог бы сосредоточиться на лечении пациента. Я еще не допил кофе, как ко мне подбежала медсестра и сообщила, что спортсмен умер. Очевидно, он захлебнулся жидкостью,

---

¹ Трахеотомия — создание входа в трахею хирургическим путем (прим. перев.)

препятствующей прохождению кислорода. Отсос ничем не смог помочь. Дыхание молодого человека прекратилось, а с ним прервалась и жизнь.

Мы говорим, что дыхание — это чередование двух действий: вдоха и выдоха. Вдох — выдох, вдох — выдох... «Я выдохнул» — это значит, что воздух покинул мои легкие. «Я выдохся» — мои силы подошли к концу. «Я вдохнул» — я втянул воздух в легкие. «Я вдохновлен» — я ощущаю прилив творческого вдохновения. «Богодыхновенные» — вдохновленные Богом, Святым Духом. Говорят, что авторы Библии получили вдохновение от Бога.

Я уже отмечал, что в таких языках, как греческий, еврейский, немецкий, латинский и английский, слова «дыхание» и «ветер» совпадают по звучанию и одновременно служат для выражения великого таинства — связи между Богом и человеком. Поэтому в древнегреческой и еврейской Библиях слово «дух» — даже когда речь идет о Духе Божьем — это то же слово, которое описывает процесс дыхания и ветер.

Лингвисты очень любят говорить о многозначных словах, выдвигая всяческие предположения и стараясь понять, почему древние взяли именно это слово для выражения именно этого понятия. Связь между дыханием и духом очевидна. Об этом же говорит Иисус Никодиму: «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8). Прилетевшая издали невидимая сила — ветер ли, Дух ли — имеет видимые проявления. Верующий, сидящий у постели умирающего, заметит и другую связь. Когда умирающий выпускает последнее дыхание, или выпускает дух, жизнь покидает его. Тело остается в неприкосновенности, но дыхания и духа больше нет.

Много книг написано о взаимосвязи этих двух понятий, но я буду говорить о процессе дыхания, с которым сталкиваюсь каждый день. Я постараюсь не отдаляться от биологической сути процесса, которая впервые поразила меня в шестилетнем возрасте, когда я случайно свалился с дерева, а затем во второй раз, когда я уже стал врачом и видел, как жизнь оставляла моих пациентов. Для меня дыхание — это горючее, которое необходимо живому организму. Перерыв в подаче горючего означает смерть (самые быстродействующие яды — кураре и цианистый калий — «душат» организм, перекрывая подачу кислорода).

Жизнь зависит от способности организма взаимодействовать с окружающей средой. На столе передо мной стоит вазочка, в ней орехи — грецкие, pekan, фундук. Вазочка служит украшением, орехами можно перекусить. В каждом орехе заключена жизнотворная сила: из него может вырасти живой организм, который своими размерами во много раз превзойдет меня самого. Но для этого нужно одно условие: я должен поместить его в землю и поливать. Зернышки кукурузы, заключенные в стеклянную банку на кухне, тоже не дадут ростка сами по себе.

Животным для жизни нужен кислород, но им нужны и органы, приспособленные для поглощения кислорода из окружающей среды — воды или воздуха. У земли есть атмосфера. Если наши тела покидают землю, то нам необходимо брать с собой устройства, воспроизводящие эффект атмосферы.

Я так много говорю об этом, потому что подобным образом зарождается и наша вера. Бог так часто говорил нам, что вечная жизнь не состоит только из кислорода, почвы, воды и питательных веществ. В вечной жизни нам придется приспособливаться к совершенно иным окружающим условиям. Одного кислорода нам не хватит. Иисус утверждает: «Истинно, истинно говорю тебе:

если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5). Во враждебной нам земной атмосфере духовное естество человека напоминает неуклюжего космонавта, высадившегося на Луне: свободу его движений стесняет шланг, тянущийся от него к источнику воздуха. Подача воздуха необходима для жизни. Духовное дыхание человека прервется, если мы не будем иметь связи с духом, похожим на ветер, — со Святым Духом.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды», — говорил Иисус. Мне на ум приходит бегун, которому не хватает дыхания: «ибо они насытятся» (Мф. 5:6). Псалмопевец использовал образ лани, рвущейся к воде. «Так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41:2). Святой Дух в этих строках предлагает лишь одно средство для борьбы с кислородным голоданием!

Скажу честно: мне трудно было решиться написать даже абзац о Святом Духе, не говоря уже о нескольких главах. Мне очень симпатичен японский господин, которого цитирует Дороти Сэйерс. «Уважаемый Отец — это хорошо. Уважаемый Сын ' — это тоже хорошо. Но вот Уважаемая Птица... не понимаю», — сказал он. Есть ли какая другая доктрина христианской веры, помимо доктрины о Святом Духе, которая была бы более затуманена с годами? Само слово «Дух», привычное нам, как воздух за окном, оказывается очень неясным и неточным. Оно толкает людей на крайности, заставляет впадать в мистику. Мне, изучавшему естественные науки, гораздо легче писать о материальных предметах, которые я могу потрогать руками, увидеть, с которыми могу поэкспериментировать. Но христианской веры без духа быть не может. Бог есть Дух. Только Дух может уподобить Церковь Богу. Только Он помогает ей стать Телом Христовым на земле.

Он присутствовал при сотворении мира. Дух Божий носился над водами, когда создавалась земля. Он вдохновлял Божьих пророков во времена духовной засухи и духовного голода. Он помазал Иисуса в начале служения, Он пришел к апостолам, когда Иисус дунул на них (см. Ин. 20:22). «Без Духа, — говорил Иисус, — не может быть рождения свыше, которое необходимо испытать каждому желающему войти в Царствие Божие».

В день Пятидесятницы Святой Дух («сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра») решительно ворвался в комнату, где собралась кучка людей, и изменил их. Эти люди образовали первую церковь. Именно это событие и заставило глав церкви сформулировать доктрину о Святой Троице и включить Святой Дух в качестве отдельной ипостаси. Его просто нельзя было не включить. Свидетельства о Его существовании были столь же очевидны, как и свидетельства о Человеке, Которого ученики видели, к Которому прикасались.

Святой Дух, таким образом, позволяет реальности Божьего присутствия проникнуть в каждого из нас. Бог — вне времени, но Святой Дух дарует нам повседневную радость общения с Богом, всегда пребывая с нами в настоящем. Он Божий характер, Он Посредник, как замечательно сказал епископ Джон Тэйлор. Общение с Ним позволяет нам не умереть в духовном окружении.

Бог не живет в храме или скинии, или на небесах, или в Назаретском Телe. Но Он внутри нас, и без Него невозможна наша духовная жизнь, как физическая невозможна без дыхания. В лице Духа у нас есть пребывающая в нас точка соприкосновения земли с небесами, через которую происходит общение с Тем, Кто держит в Своих ладонях вселенную.

К сожалению, ответная реакция духа не такая мгновенная и инстинктивная, как реакция физического тела. Мы можем лишиться своей духовной жизни и даже

не заметить этого. Духовное дыхание может медленно-медленно угасать. На первый взгляд, это будет происходить совершенно незаметно. Но в результате наступит полная духовная смерть. Хочется провести физическую параллель с этим духовным процессом на примере одной из моих лондонских пациенток.

Ко мне в кабинет вошла женщина средних лет — вдова, которой приходилось очень много работать. Она жаловалась на то, что последнее время у нее в буквальном смысле все стало валиться из рук. «Руки постоянно дрожат, — сказала она, — на этой неделе я уронила две самые любимые фарфоровые чашечки. Они просто выскользнули из моих пальцев и разбились. Должно быть, я старею, — сказала женщина каким-то неуверенным голосом и тяжело вздохнула. — Я стала так сильно уставать. Мне не удастся контролировать ни руки, ни нервы». Стараясь подобрать наиболее убедительные слова, я объяснил ей, что 50 лет — это, конечно же, не старость и что я сделаю все возможное, чтобы установить причину ее недомогания. Я попросил женщину описать мне все симптомы нервозности. На основании ее рассказа я предположил, что у нее тиреотоксикоз — заболевание щитовидной железы, в результате которого как раз и возникают перечисленные отклонения от нормы.

Сначала я вручную прощупал то место, где ожидал обнаружить увеличение щитовидной железы. Но ничего не обнаружил. На рентгеновском снимке было видно затемнение за верхним концом грудины. Я снова исследовал шею пациентки. В этот раз я уже сильнее надавливал пальцами на основание шеи, в то время как пациентка делала глотательные движения. Теперь я явственно почувствовал уплотнение — мои пальцы уперлись в выпирающую из-за грудины женщины закругленную шишку. Возможно, эта шишкообразная опухоль задела и трахею.

Был сделан еще один рентгеновский снимок. Стало ясно, что опухоль затронула и трахею. Один конец трахеи оказался сильно зажатым. Я спросил: «Не трудно ли вам дышать?»

«Нет, несколько, — ответила моя пациентка. — Я просто чувствую себя очень усталой».

Я объяснил женщине, что причиной ее недомогания является опухоль, образовавшаяся в очень необычном месте. Опухоль растет в сторону грудины. Есть опасность, что она перерастет в злокачественную, поэтому ее надо удалить. Я обратил внимание женщины на то, что если опухоль не будет удалена, то вскоре могут возникнуть проблемы с дыханием.

Операцию делал мой руководитель, а я ему ассистировал. Мы приготовились распиливать кость, чтобы открыть доступ к грудной клетке, но этого не потребовалось: шишкообразный выступ оказался прямо в поле нашего зрения. Это была плотная фиброзная опухоль размером с апельсин. Она действительно сильно придавила трахею, зажав ее с обеих сторон. Мы удалили опухоль и зашили рану.

В следующий раз я увидел эту женщину через несколько недель, когда она пришла на осмотр. Она бросилась мне навстречу и буквально закричала: «Теперь я могу дышать!»

Некоторое время я стоял в замешательстве. Потом спросил: «А что, вы боялись, что после операции не сможете дышать?»

«Нет, нет. Вы не так поняли, — возбужденно произнесла она. — Теперь я могу дышать впервые за многие и многие годы. Я могу взбегать вверх по ступенькам! Я снова чувствую себя подростком. Я могу дышать!»

И она рассказала свою историю. Судя по всему, опухоль появилась около 15 лет назад и медленно увеличивалась. Постепенно она сжимала трахею, будто удав, душащий жертву в своих объятиях. Женщина не знала, что с ней происходит. Она думала, что так и должно быть. Она привыкла часто останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Поначалу это ее беспокоило. Но, зная, что пожилые люди часто задыхаются, что им трудно из-за этого подниматься по лестнице, она решила, что ее сердце просто рано постарело. Она приучила себя ходить медленно, делая размеренные шаги. Она считала себя преждевременно состарившейся. Дрожь в руках являлась убедительным доказательством придуманного ею же образа.

И вот она может глубоко вдохнуть воздух и бегать по ступенькам! За 15 лет она забыла, что значит глубоко и свободно дышать. И теперь она с нескрываемым восторгом извещала мир, что ее дыхание восстановлено. Эта женщина была одной из первых моих пациенток. С тех пор я не раз сталкивался с людьми, приходящими в себя после приступа астмы, или с курильщиками, справившимися со своей пагубной привычкой, дыхание которых восстановилось. И я помню их реакцию в этот момент. Но больше всего мне врезалась в память невероятная перемена во всем облике, в выражении лица, в отношении к жизни у той женщины после удаления опухоли щитовидной железы. Ее лицо выражало исступленный восторг, когда с очередным вдохом ее грудь высоко вздымалась и она кричала: «Я могу дышать!»

Иногда я стараюсь особенно прочувствовать наслаждение, получаемое от благих Божьих даров, таких как дыхание, представив на минуту, что я его лишился. Я задерживаю дыхание, притворяясь, будто воздух не проходит через мое дыхательное горло. Тогда я явственно ощущаю, как все мое тело охватывает паника. Я представляю, как мои красные кровяные тельца становятся голубыми. В голове раздаются пульсирующие удары. Тогда я резко открываю рот и делаю глубокий вдох. Затем выдыхаю углекислый газ и накопившиеся пары, снова высоко поднимаю грудь и позволяю воздуху проникнуть внутрь. Я испытываю облегчение, меня охватывает бурный восторг — такой же, как у той женщины с тиреотоксикозом.

Чтобы выжить, моим клеточкам требуется вдохнуть кислород. Герберт Спенсер вывел следующий научный принцип: количество выделяемой организмом энергии любого вида равно количеству энергии, получаемой организмом извне. Точно такой же принцип действует и в духовном мире. Тело Христово нуждается в дыхании, чтобы вдохновиться Его Духом. Мы нуждаемся в том жизненном источнике, который исходит от Бога; им может снабдить нас только Его Дух. «Духа не угашайте», предупреждает нас апостол (1 Фес. 5:19).

15 СОПРИЧАСТНОСТЬ

Мы не можем уследить взглядом за движением собственных глаз в зеркале. Но, повернув голову в то или иное положение, мы можем видеть в отражении собственные глаза. Можем видеть их в статике, но не в движении из одной точки в другую. Мы можем их видеть, только когда всматриваемся в зеркало. И, выходит, наше представление о самих себе ложно, потому что та часть нашего тела, которая для других самая живая и подвижная, нам видима лишь неестественно застывшей. Глаз — это инструмент, позволяющий нам все видеть, а потому его самого мы в истинном свете увидеть никак не можем. То же можно сказать о силе, с которой мы откликаемся на книгу или что-то еще... Именно поэтому книги о Святом Духе так трудны и так мало удовлетворяют. Мы не можем следить за движением Духа, потому что Он — Сила, которую мы используем вместо зрения.

Дороти Сэйрс, «Разум Творца»

В природе, как и в человеческом обществе, все построено на тесном сотрудничестве всех членов. И здесь и там встречаются, конечно, отдельные отшельники, живущие сами по себе. Но в целом наблюдается полное взаимодействие, без которого мы не могли бы ни дышать, ни есть. Чтобы получить жизненно необходимый нам кислород, требуются целые колонии бактерий, обеспечивающих процесс фотосинтеза. Процесс пищеварения тоже осуществляется такими же колониями бактерий, без которых не произойдет переваривание проглоченной нами пищи.

В мире насекомых сотрудничество достигает таких масштабов, что со стороны кажется, будто насекомые снабжены одним «общим умом». Вот как Льюис Томас описал деятельность колонии термитов. «Когда в одном из отсеков термитника находятся три-четыре термита, они бесцельно слоняются по углам. Но как только их число увеличивается, они сразу же приступают к строительным работам. Разбившись на бригады, они работают бок о бок: подбирают фекальные шарики друг друга и складывают из них аккуратные, ровные колонны. Когда колонны достигают нужной высоты, термиты строят над ними перекрытия в виде арок, служащих основанием термитника. Ни один термит сам по себе не знает, что нужно делать. Но когда они объединяются, то каждый превращается в блестящего архитектора. Термиты — слепые, но каждый из них чувствует, на каком расстоянии от другого находится. Вместе они возводят сложнейшее сооружение с собственной системой кондиционирования воздуха и регулирования влажности».

Такие термитники — конические замки из красного грунта в стиле рококо — украшают пустыни Индии и Африки. В башнях этих замков вы не увидите управляющего или главного архитектора с чертежами в руках, отдающего команды строителям при помощи жестов. Взаимосвязь насекомых осуществляется на более глубоком, более первозданном уровне, чем простая иерархия.

Куда бы мы ни посмотрели, создается впечатление, что повсюду действует один и тот же принцип: сосуществование — это требование сегодняшнего дня. Наша земля — это не центр Вселенной, а скорее пылинка в бесконечной плеяде планет, звезд и галактик, взаимодействующих между собой и оказывающих влияние друг на друга. Мельчайший атом, раньше казавшийся нам невидимым, теперь сам превращается во вселенную, состоящую из проносащихся со свистом

электронов, мезонов и кварков¹ — отблесков реальности, существующих в течение всего лишь наносекунды.

Живая материя открывает путь к новым уровням непредсказуемости. Наименьшая единица живой материи — клетка — включает ядро, битком набитое хромосомами. Их состав столь же многообразен, как состав ирландского рагу. Хромосомы состоят из различных органелл²: митохондрий, мешочков, канальцев и жгутиков, принимающих какие им вздумается формы и совершающих хаотические движения внутри своей хромосомы.

Эта книга посвящена сообществам подобных клеток, число которых достигает сотен триллионов. Они просто обязаны взаимодействовать друг с другом для обеспечения нормального функционирования нашего организма. Короче говоря, каждая существующая известная на данный момент система — атом, клетка, организм, вселенная — образует подсистему в пределах своей высшей системы. Мы можем понять действие некоторых из них, изучив поведение их членов.

Что делает возможным существование таких совместных предприятий? Как взаимодействуют между собой термиты, электроны или митохондрии? Какие волшебные силы объединяют клетки моего тела таким образом, что все они (за редким исключением) ведут себя именно как Пол Брэнд? Ни один вопрос современной науки не порождает столько разнообразных мыслей и чувств, сколько этот. Выдающиеся ученые (Агар, Добжанский, Торп и Хейзенберг) объясняли происходящее «очевидностью», которая прослеживается в самих первичных частицах материи. А социобиологи даже не допускали мысли о некоей свободе поведения человека. Как сказал сэр Артур Эддиштон несколько лет назад: «Нам часто кажется, что если мы изучили какое-то одно понятие, то уже знаем все о двух понятиях, потому что «два» — это «один и один». Мы забываем, что следует еще изучить «и».

Познание Святого Духа напрямую связано с этим самым «и». Будучи Творцом, Он, по словам Павла, стремится освободить от «рабства тлению» тварь, которая «совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:21-22). Возможно, Дух Божий свершает Свой труд и на молекулярном уровне, будучи той самой силой, которая предотвращает разложение материи и является силой притяжения между ее элементами. Библия намекает нам, что это возможно. Но Писание довольно подробно говорит о другом «и»: о канале связи между Богом и клетками Его тела. Во 2 Кор. 13:13, одном из немногих стихов, где перечислены все члены Святой Троицы, Павел произносит слова благословения: «Благодать Господа (нашего) Иисуса Христа, и любовь Бога (Отца), и общение Святого Духа со всеми вами». В этом кратком изложении сути Святой Троицы он не говорит о «силе Святого Духа», или «мудрости Святого Духа», или «чистоте Святого Духа», но говорит об общении, сопричастности, посредничестве.

В моем теле есть удивительная система, которая координирует работу сотен триллионов клеток, заставляя их выполнять волю головы. Так же и Святой Дух передает волю бесконечного Бога смертным людям. Мы не являемся сопричастниками Святого Духа. Скорее, Он делает нас сопричастниками Бога.

Мы не можем представить себе невидимое. Нам нужен какой-то символ, словно мостик, переброшенный в наш мир зрения и осязания. Человеческое тело и является этим символом. Дыхание рассказывает нам лишь об одной функции Духа. Можно сказать, что описание здорового, правильно функционирующего

¹ Кварк — физический термин, служащий для определения фундаментальной частицы (прим. перев.).

² Органеллы или органоиды — постоянные специализированные структуры в клетках животных и растений (прим. перев.).

организма, о котором речь пойдет в следующих нескольких главах, поможет нам глубже вникнуть в тайну Тела, управляемого Духом Божиим.

Все образующие тело человека клетки имеют основную общую черту: практически непогрешимое чувство сопричастности, объединяющее каждую клетку с ей подобной. Клетки моего тела знают через свою ДНК, что они принадлежат Полу Брэнду; и они проявляют постоянную бдительность по отношению к самозванцам. Сотни хирургов, осуществляющих операции по трансплантации тканей и органов, затрачивают колоссальные усилия, чтобы преодолеть этот врожденный защитный барьер. Они бомбардируют организм пациента рентгеновскими лучами и иммуноподавляющими лекарствами, чтобы на время усыпить «охранников» и тайком пересадить ему почки, сердце или лоскут кожи, взятые у другого человека. Но они знают: как только организм сообразит, что внутри него чужеземец, все инородные клетки тут же будут изгнаны.

Иногда случается, что дети рождаются без иммунной системы. Вы, наверное, видели фотографии таких детей в газетах: всю свою жизнь они проводят в пластиковой палатке, до них не должен дотрагиваться ни один человек, они могут дышать только очищенным воздухом. Агентство космических исследований США создало специальный скафандр для одного из таких детей. Ребенок еле-еле тащил на себе позвякивающее размером с сумку от клюшек для гольфа приспособление, служащее для очистки воздуха от загрязнений. Клеткам этого несчастного малыша было неведомо чувство принадлежности. Они принимали с распростертыми объятиями всех, кто вторгнулся на их территорию, даже бактерии и вирусы, несущие им смерть. (В наши дни подобная проблема вселяет страх во многих: я имею в виду состояние организма, именуемое СПИД — синдром приобретенного иммунодефицита).

В основе своей образ Тела Христова дает нам почувствовать сопричастность Богу. Мы, члены Тела, носим Его имя, перенимаем Его характер, и Он просит у нас такой же верности и единства, какими дарят меня клетки моего собственного организма. Святой Дух выступает в качестве посредника, помогая Божьему характеру перейти ко мне. Святой Дух живет в тех и только в тех, кто принадлежит к Телу Христову. Об этом Новый Завет говорит однозначно (см. Рим. 8:9; Деян. 15:8; 1 Ин. 3:24; 4:13). Именно Святой Дух является знаком принадлежности человека к Телу.

Используя многообразные выразительные средства языка, Павел говорит о том, как Дух открывает жизнь верующих Для Бога. В Рим. 8:15-16 он пишет, что именно Дух позволяет нам почувствовать себя детьми Бога и приходить к Богу уже не рабами, а свободными людьми. Вы «приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий». В Послании к Ефессянам использовано слово «запечатлены», чтобы описать Дух, как «предоплату», «гарантию» грядущего искупления (1:13; 4:30). Не нужно недооценивать реальность Божьего присутствия, предупреждает Павел, ибо стоящая за ним сила — та же сила, которая воскресила Иисуса из мертвых (см. 1:19-20).

Все эти места Писания, рассказывающие о работе Святого Духа, предполагают единство среди разбросанных и разрозненных клеток Тела Христова. Гарантия единства — присутствие Святого Духа, и нарушить его не могут никакие доктринальные различия между конфессиями. Призывы к «единству церкви», которые периодически раздаются, пусты, если не основываются на глубоком чувстве

принадлежности к Телу Христову, источник которого — Святой Дух. Мы Тело Христово. Согласимся ли мы с этой истиной, будем ли жить с учетом этой истины — решать нам.

Слово «Дух» появляется и в Ветхом Завете, но из писем Павла ясно: нечто совершенно новое произошло в день Пятидесятницы. Теперь Бог дарует нам Свое присутствие, сплетая воедино члены Тела Своим Духом. Епископ Джон Тэйлор отметил эту перемену. Он насчитал, что от Бытия до Евангелия от Луки слово «дух» употребляется 129 раз. В остальной части Нового Завета оно встречается 196 раз. «Другими словами, только в посланиях и Евангелии от Иоанна Дух проявляется во всей своей полноте — в той полноте, в которой Он известен христианской церкви... Проблеском глубочайшей истины являются в Евангелии от Иоанна слова о смерти и воскресении Христа: «но не дастся дух, пока не будет прославлен Иисус». Хэнсон предполагает, что читать эти слова следовало бы так: «но это не был еще Дух», как, например, мы говорим «но это еще не весна». Именно так и казалось всем, кто оглядывался назад на конец бурного первого века. Подобного времени не было, и время это корнями своими вырастало из Христа».

Как вочеловечение дало жизнь Пятидесятнице, так и вознесение облеченного в плоть Иисуса к Отцу открыло врата для Святого Духа, Который стал обитать во многих телах. «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам», — это слова Иисуса. Святой Дух несет в Себе чувство сопричастности Богу. Он посредник. Он, словно ДНК, дает Телу Христову определенные качества, входя в каждую из множества клеточек.

В человеческом теле чувство сопричастности носит двоякий характер. Каждая клетка слушает команды головного мозга, и каждая клетка ощущает неразрывную связь с остальными клетками моего тела. В Телу Христовом Дух устанавливает связи не только между каждой клеткой и Главой, но и между самими клетками тела. Греческое слово «церковь» переводится как «призванные». Бог созывает нас в общину. Дух не приходит ко мне для удовлетворения потребностей моей одинокой души. Будь оно так, я останусь одиноким и не примирюсь с ближним. Но Дух призывает меня присоединиться к Телу, которое с любовью вводит меня в общину, состоящую из таких же клеток. Дух каждой клетке открывает глаза на реальность существования Единого Целого.

В человеческом обществе достичь такого единства удастся нечасто. Порой оно достижимо в семьях — верность привязывает меня к детям, разбросанным по всему миру. В период большого кризиса город или вся страна могут сплотиться для достижения единой цели.

Но Иисус молился о более полном единстве для Своего Тела: «Да будут все едино; как ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17:21). Видим ли мы отблески этого великого единства в церкви? Единства, в основе которого не лежат классовые, групповые, родственные или расовые интересы? Единства, основанного на принадлежности к Иисусу Христу? Мне довольно редко удавалось видеть подобное в малых группах Его Тела. И несколько таких случаев надолго запомнились мне как проявления Божьего труда в мире. Приведу только один пример.

Джон Кармеган приехал ко мне в Веллор (Индия), когда поразившая его организм проказа была уже в самой тяжелой стадии. Мы мало чем могли помочь

ему хирургическим путем, так как его ноги и руки были повреждены уже настолько, что не подлежали восстановительному лечению. Однако мы оставили его у себя в больнице и даже нашли работу в Центре Новой Жизни.

Из-за одностороннего паралича лица Джон не мог как следует улыбнуться. Когда он пытался это сделать, черты его лица криво перекашивались. Нередко люди смотрели на него с удивлением или громко вздыхали, выражая сочувствие, поэтому он научился обходиться без улыбки. Моя жена Маргарет, пытаясь сохранить ему зрение, зашила уголки его глаз, так что они стали наполовину прикрытыми. Джон очень сильно переживал по поводу того, что думают о нем окружающие. На нервной почве у него все чаще стали проявляться признаки паранойи¹.

Джон стал вызывающе вести себя на людях. Свою обиду на весь свет он проявлял, играя роль нарушителя спокойствия. Он начал воровать, заниматься мошенничеством. Мне на память приходит множество случаев, когда нам приходилось заставлять Джона на месте преступления. Он жестоко обращался с такими же, как сам, пациентами, постоянно конфликтовал с персоналом. Дело даже дошло до того, что он организовал голодовку в знак протеста против существующего в больнице распорядка. По мнению почти всех наших врачей, он был неизлечимо больным.

Вероятно, именно эта необузданность Джона и привлекла к нему мою маму: она всегда тянулась к таким представителям человеческого общества, которые у других людей не вызывали ни малейшего желания вступать с ними в контакт. Она стала навещать Джона, подолгу с ним разговаривать и вскоре обратила его в христианскую веру. Он принял крещение в цементном резервуаре на территории лепрозория.

Однако обращение несколько не смягчило обиду Джона на весь белый свет. Хотя он подружился с некоторыми пациентами больницы, но существование отверженного и лишенного надежды на выздоровление человека озлобляло его, заставляло ненавидеть всех здоровых людей. Однажды Джон почти вызывающе спросил меня: «Что будет, если я приду на службу в местную тамильскую церковь в Веллоре?»

Я отправился к руководству церкви, все рассказал им про Джона и объяснил, что им не следует пугаться его обезображенного вида, что он прошел соответствующее лечение и не представляет опасности для окружающих: он не может заразить никого из прихожан. Эти люди разрешили Джону прийти на службу. «А может он принять причастие?» — спросил я, зная, что для этого в церкви пользуются общей чашей. Священники посмотрели друг на друга, немного подумали и позволили и это.

В один из ближайших дней мы с Джоном отправились в церковь, располагавшуюся в простом, покрашенном белой краской кирпичном доме с рифленой железной крышей. Для Джона это был один из самых напряженных моментов в жизни. Мы — здоровые люди — не можем себе представить, какой эмоциональный шок и психическую нагрузку испытывает больной проказой человек, переступивший порог такого заведения. Мы с Джоном встали недалеко от двери. Его парализованное лицо не выражало никаких эмоций, но дрожь в руках выдавала огромное внутреннее волнение. Я про себя молился, чтобы ни

---

¹ Паранойя (по-греч. — умопомешательство), психическое заболевание, характеризующееся стойким систематизированным бредом (преследование, ревность, изобретательство и др.) (прим. перев.).

один прихожанин не проявил ни малейшего признака недовольства присутствием в церкви тяжело больного человека.

Мы вошли в церковь в самом начале песнопения. Один индус слегка обернулся и посмотрел на нас. Должно быть, мы представляли собой очень странную пару: белый человек, стоящий бок о бок с больным проказой, вид которого явно бросал вызов окружающим. Я затаил дыхание.

Вот тут-то все и случилось. Заметивший нас индус опустил свой песенник, приветливо улыбнулся и показал рукой на стоящий рядом с ним стул, приглашая Джона сесть. Джон был потрясен до глубины души. Неуверенной шаркающей походкой он подошел к стулу и сел. У меня вырвались слова благодарственной молитвы.

Этот случай стал поворотным моментом в жизни Джона. Много лет спустя я как-то приехал в Веллор и заехал на фабрику, которая была создана специально для трудоустройства инвалидов. Директор очень хотел продемонстрировать мне автомат для изготовления мелкогабаритных крепежных деталей, используемых в пишущих машинках. Мы шли по шумным фабричным цехам. Директор прокричал, что хочет познакомить меня с самым лучшим специалистом их фабрики, недавно получившим национальный приз Индии за высокое качество труда при минимальном количестве отходов. Мы подошли к рабочему, он повернулся, чтобы поздороваться с нами, и я увидел так хорошо знакомое мне перекошенное лицо Джона Кармега-на. Он стал вытирать ветошью свои запачканные руки, а на лице его засияла самая безобразная и одновременно самая красивая и лучезарная улыбка на свете. Он с гордостью протянул мне ладонь, полную изготовленных им, высокоточных мельчайших крепежных деталей, за которые он получил приз.

Простой приветливый жест — не так уж много, но для Джона Кармегана он оказался решающим. После того как многие годы о нем судили по его внешнему образу, его вдруг приняли с теплотой и радушием, основанным на видении другого Образа. На моих глазах произошло Христово примирение. Его Дух побудил земное Тело принять нового члена. Джон, наконец, почувствовал свою сопричастность.

16. СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО

Если сокровище человека заключено в золотом песке, или золотом слитке, или монетах, то такая валюта не подведет его во время путешествия. Страдание само по себе — это сокровище, но это валюта не современная. Она лишь приближает нас к дому, к небесам. Возможно, кто-то болен, болен смертельно. И страдание его будет пребывать во чреве его, как золото пребывает в шахте: страдание не будет иметь для него никакой пользы. Но колокол, рассказывающий мне о его страданиях, добывает его золото для меня, если, глядя на страдальца, я пойму, что и я в опасности, и уберегу себя от нее, укрывшись в Боге — единственном Укрытии.

Джон Донн, «Молитвенные размышления»

Самолет приземлился в аэропорту Нового Орлеана. Оттуда до своего дома в Батон-Руж я поеду по хорошо знакомой дороге. Взяв машину на стоянке, я трогаюсь в путь. Сегодня я должен быть особенно внимательным: только что прошел сильнейший ливень. Покрытая щебнем мостовая полна луж, в которых отражается свет фар и лампочек дорожной разметки, ослепляя глаза. Внезапно что-то маленькое и темное выскакивает на проезжую часть прямо под колеса моей машины — наверно, какое-то животное: броненосец или сумчатая крыса. Но я еще даже не успеваю сообразить, что произошло, а моя нога уже инстинктивно нажимает на педаль тормоза.

Заднюю часть автомобиля резко заносит вправо. Возникает ощущение полной беспомощности, тошнотворное чувство страха: машина становится неуправляемой. Руки еще крепче вцепляются в руль. Чтобы как-то удержать автомобиль, я пытаюсь использовать ручной тормоз... Машина послушно выравнивается — контроль над управлением снова в моих руках. Облегченно вздохнув, я снижаю скорость и начинаю потихоньку успокаиваться.

Все происшествие длилось, думаю, не более трех секунд. Вскоре я приехал домой и рассказал жене обо всем случившемся: как зверек выбежал на мокрую дорогу, как меня стало заносить, как с большим трудом мне удалось не потерять управление автомобилем. Я описал все внешние события — просто перечислил факты. А потом, все еще находясь под воздействием повышенного количества адреналина, я попытался представить себе, какие же процессы происходили в тот момент внутри моего тела.

Все началось в мозгу. Когда изображение животного достигло зрительного участка коры головного мозга, сработал приобретенный рефлекс — нога нажала на педаль тормоза. После этого гипоталамус¹ отдал распоряжение химическим элементам молниеносно привести в действие механизм нескольких последовательных реакций, рассчитанных на то, чтобы вернуть меня в состояние готовности справиться с возникшей угрозой.

Лишь малая часть моих органов осталась безучастной к возникшему кризису. Первым делом обострилось зрение — расширились зрачки. Все мои мышцы пришли в состояние повышенной готовности. Гормоны стресса воздействовали на всю кровеносную систему. Сердце забилося быстрее, сокращения стали более сильными, а сердечные мышцы, оказавшись в экстремальной ситуации, наоборот, расслабились, чтобы кровеносные сосуды смогли расшириться и пропустить через себя большой поток крови. Изменились и сами компоненты

¹ Гипоталамус — отдел промежуточного мозга (под таламусом), в котором расположены центры вегетативной нервной системы (прим. перев.).

крови: резко повысилось содержание сахара, чтобы удовлетворить потребность работающих мускулов; во много раз возросло количество свертывающих кровь веществ, чтобы быть наготове в случае вероятного кровотечения. Бронхи расширились для более быстрого насыщения крови кислородом.

В самом большом моем органе — коже — кровеносные сосуды сжались, из-за этого лицо стало совершенно бледным («бледный как смерть»). Тем самым снизилась опасность возникновения кровотечения в случае повреждения кожи. Уменьшение объема циркуляции крови в коже также высвободило дополнительное количество крови, необходимое работающим мышцам. Изменились и защитные свойства кожи: включился механизм, препятствующий возможному проникновению бактерий. Кожа покрылась пупырышками («гусиная кожа»), все волоски встали дыбом. Потовые железы стали усиленно вырабатывать пот, чтобы увеличить силу сцепления между моими ладонями и рулем.

А несущественные функции организма тем временем снизились. Пищеварение прекратилось полностью — необходимая для него и почечной фильтрации кровь была передислоцирована в более нуждающиеся органы.

С точки зрения внешних проявлений, ничего не произошло. Я избежал столкновения с животным, вывел машину из заноса и продолжил свой путь с бешено бьющимся сердцем, расширенными зрачками и небольшой мышечной дрожью. Но внутри меня происходила полномасштабная битва, и была одержана победа, которая полностью подготовила меня к борьбе «не на жизнь, а на смерть». Один-единственный химический реагент, взявший на себя нелегкую миссию по объединению всех сил организма, — адреналин¹ — справился с задачей и сплотил воедино все нужные клетки. Они стали представлять собой единую галактическую систему.

Мы ощущаем влияние адреналина на протяжении всего дня: когда вздрагиваем от громкого шума, когда слышим пугающие известия, когда идем по неосвещенной и безлюдной улице, когда спотыкаемся и почти падаем. Надпочечники реагируют так плавно и синхронно, что мы редко задумываемся (если вообще задумываемся) над тем, какие элементы участвуют в данном процессе. А ведь адреналин — лишь один из множества гормонов, осуществляющих взаимодействие разнотипных клеток в моем организме.

Тот случай на мокром шоссе — яркая иллюстрация двух видов средств связи, объединяющих весь наш организм в единое целое. Моей первой реакцией в тот момент было нажатие на тормоз. Она стала результатом выполнения команды, полученной непосредственно от нервной системы. Много лет назад, когда я учился водить машину, мой мозг отсортировал последовательность нервных импульсов, необходимых для того, чтобы я поднял ногу и перенес ее влево, а также для того, чтобы я вращал руль короткими плавными движениями. В отличие от новичка, я уже не думаю: «А где педаль тормоза?» В момент стресса мой мозг полагается на сохраняемый памятью банк запрограммированных реакций и посылает высокоскоростные команды по нервным проводящим путям. В моем случае эти команды касались движений ноги и кистей рук.

Однако все остальные сложнейшие реакции — частота сердцебиения, изменение состояния кожного покрова, респираторные показатели — происходят под воздействием гормональной системы. Мой мозг дает команду определенной

---

¹ Адреналин — гормон мозгового слоя надпочечников животных и человека. При эмоциональных переживаниях, усиленной мышечной работе содержание адреналина в крови повышается (прим. перев.).

железе — в данном случае надпочечникам — выделить свою секрецию в кровь. Гормон не посылает такое же мгновенное, четкое и конкретное сообщение, как нерв, но через несколько секунд он уже сам оказывается в каждой клетке моего организма.

Страх, облегчение, повышенная бдительность — я испытываю одно за другим все эти чувства. Благодаря им следующие 30 км я веду машину с особой осторожностью. Все мои мышцы, а не только мышцы ног и рук, находятся в состоянии повышенной боевой готовности. Мое зрение улучшилось, и я веду машину с особой внимательностью.

Этим двум видам связи, один из которых используется в нервной системе, а другой — в гормональной, есть параллель и в духовном Телѣ. Порой у нас бывает прямая связь с Головой: мы получаем в конкретном случае конкретное указание. По собственному опыту могу сказать: такое случается нечасто. Чаще всего ко мне приходит некое ощущение, неожиданное озарение или укор совести, который говорит, что я не выполнил какую-то из заповедей Христовых.

В христианских книгах в последнее время стали много писать о «дарах Духа». Могут ли эти дары облегчить работу «систем связи» Тѣла Христова? Некоторых Бог ставит пасторами, других — учителями, кого-то — пророками или администраторами. Способности и призвание делают их своеобразной нервной системой, прямой линией связи с Головой. Мы, клетки, полагаемся на них: они нас учат и рассказывают нам о наших функциях.

Но Святой Дух играет роль посредника между клетками, мягко напоминая нам о воле Главы и таким образом направляя все Тѣло.

До последнего времени анатомы считали, что железы, такие как предстательная и щитовидная, вырабатывают гормоны независимо друг от друга. Новые открытия указывают на то, что мозг принимает участие в каждом этапе этого процесса. Рост организма, распределение его ресурсов, его поведение в кризисной ситуации — все определяется мозгом, который знает нужды всего тѣла. Железы, энзимы действуют как исполнители воли головы, донося ее волю до каждой клеточки. Так же бывает и в духовном Тѣле: «Но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тѣло, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4:15-16).

Кроме связи между головой и всеми моими клетками, осуществляемой с помощью нервов и гормонов, в моем организме есть еще и третья система связи. Лично на меня она производит самое большое впечатление. Она определяет потребности каждой клетки и информирует остальные части тѣла. При реакции надпочечников на занос машины поступающие от головы к клеткам сообщения быстро приводят все клетки в действие. Межклеточная связь изменяет направление движения: звучащий в каждой клетке сигнал тревоги прокладывает свой путь к соседним клеткам и дальше, пока, наконец, сообщение не дойдет до самого мозга.

В медицине есть замечательное слово. Оно описывает состояние, возникающее в результате подобного взаимодействия. Это слово — гомеостаз¹. Выдающийся физик и великолепный писатель Уолтер Кэннон ввел этот термин в классическом исследовании «Мудрость тѣла». Он рассматривает тѣло, как единую общность, сознательно стремящуюся к наиболее благоприятным условиям своего

¹ Гомеостаз — постоянство внутренней среды организма, ее устойчивое равновесие с внешним миром (прим. перев.).

существования. Эта общность корректирует все нарушения в жидкостях и солях, мобилизует все свои ресурсы для самоисцеления, по первому же требованию приводит весь резерв в состояние повышенной боеготовности, чтобы, как говорят французы, «найти свою золотую середину».

Даже простейшие действия полностью зависят от тщательно продуманного механизма связи. Я уже говорил о приспособлениях, фиксирующих количество поступающего при вдыхании кислорода и регулирующих процесс дыхания. Потребность в кислороде определяет изменения сердечного ритма, а цепочка клеток, служащая ритмоводителем моего сердца, гораздо лучше настроена на потребности моего тела, чем любой ее электронный заменитель. Естественный ритмоводитель слушает команды блуждающего нерва, а также принимает в расчет особые условия, требующие учащенного сердцебиения, что определяется наличием адреналина. (Уолтер Кэннон провел серию опытов, в результате которых было установлено: ритмоводитель кошки обнаруживает присутствие 1 части адреналина в 1 400 000 000 частях крови. Такого незначительного количества хватает, чтобы заставить сердце кошки биться чаще).

Вы можете лично удостовериться, что такое гомеостаз, взглянув на экран монитора, постоянно фиксирующего частоту пульса и другие жизненно важные показатели функционирования организма пациента. Сейчас такие мониторы есть в каждой крупной больнице. Как-то я осматривал женщину, у которой было очень высокое кровяное давление. Когда я вошел к ней в палату, красные цифры на экране монитора, показывающие частоту пульса, замерли на цифре 82. Женщина увидела меня и поздоровалась. Ее внутреннее эмоциональное возбуждение в этот момент вызвало учащение пульса: появилась цифра 91. Она приподнялась, чтобы пожать мне руку: показатель частоты пульса дошел до отметки 100. Я находился около женщины минут 30; и все это время пульс то учащался, то ослабевал, в зависимости от внутреннего состояния и движений моей пациентки. Самое большое число ударов пульса было зафиксировано в тот момент, когда женщина чихнула, — 110. Вот такое безостановочное отслеживание и регулирование происходит в организме каждого из нас каждую секунду, для того чтобы постоянно поддерживать в равновесии поступающий кислород.

Таким же образом клетки обеспечивают и другие потребности организма. С точки зрения строения нашего организма, вкус и аппетит — простейшие способы заставить нас получать питание. Высокоточные химические датчики внутри нас определяют, каких минералов и каких солей нам недостает, а затем совершенно немислимым путем передают эту информацию нашему аппетиту. Горный козел совершает путь в несколько километров, чтобы лизнуть каменной соли; беременная женщина испытывает сильнейшую потребность съесть какой-то определенный фрукт или овощ: ее вкус безошибочно подсказывает, что именно в этом продукте содержатся как раз те витамины и минералы, которых ей не хватает.

Упорное стремление организма к гомеостазу никогда не прекращается. Наши хрупкие почки все время увеличивают или уменьшают количество выбрасываемой из организма жидкости в зависимости от его потребностей в имеющихся запасах.

Они могут прекратить выведение из организма натрия, если наблюдается избыток калия. Когда человек подвергается чрезмерной нагрузке, почки могут полностью остановить выделительный процесс, чтобы предотвратить

обезвоживание организма. Так, бегун-марафонец может не выделять мочу в течение 24 часов после соревнования.

Пот. Я могу написать целую главу об этом выдающемся аспекте гомеостаза. Бедняжка ящерица лишена теплой крови и потовых желез! По утрам эта несчастная рептилия обязательно должна каким-то образом доползти до солнечного света и хорошенько прогреться, прежде чем начать забираться на деревья и ловить мух. Если ящерица перегреется на солнце, она с безумной поспешностью удирает в тень. А вот у людей имеется высокоэффективная система охлаждения. Она использует пот, чтобы поддерживать постоянную температуру нашего тела, при которой внутренние органы могут нормально функционировать. (Мышечные сокращения, называемые дрожью, соответствующим образом согревают организм). Если бы такая система отсутствовала, мы вряд ли могли бы жить и работать при температуре выше 25°C.

Японский физиолог Яс Куно посвятил 30 лет жизни изучению пота. В 1956 году была опубликована основанная на достоверных фактах, состоящая из 416 страниц его книга «Потоотделение человека», значение которой трудно переоценить. Он пришел к следующему выводу: нервная и гормональная системы человека настолько чувствительны, что изменение температуры тела всего на одну двадцатую долю градуса приводит в действие механизмы, осуществляющие подогрев или охлаждение организма. Из всех млекопитающих у человека самая совершенная система охлаждения; у большинства животных в жаркий день начинается лихорадка. (Животные справляются с этим по-разному. Собака и тигр часто и тяжело дышат: это включается их внутренний вентилятор. Слон заходит в воду и обливает себя водой).

Около 100 лет назад один дотошный немец насчитал на человеческом теле 2381 248 потовых желез. Зря он так старался, потому что у разных людей эта цифра варьируется. Но титанический труд этого человека не пропал даром. Спортсмен-марафонец за трехчасовую гонку может вылить на себя от трех до пяти литров воды, но температура его тела вряд ли хоть немного изменится.

Все эти показатели — частота сердечных сокращений, регулирование количества жидкости, потоотделение — каждую секунду отражают новые условия, к которым организм приспосабливается, постоянно выбирая самую оптимальную окружающую среду для осуществления своих жизненно важных функций¹. Мы только сейчас начинаем немного понимать, каким образом клетки взаимодействуют друг с другом. Два шведа и один англичанин получили в 1982 году Нобелевскую премию в области медицины за открытие веществ, регулирующих состояние гомеостаза. Они назвали эти вещества простагландинами (такое название было дано потому, что впервые вещества были обнаружены в предстательной железе²). В настоящий момент зарегистрировано более десятка простагландинов. Один понижает давление крови, другой повышает. Один расширяет проходы в бронхах, другой сужает. Один инициирует воспаление, другой подавляет. Простагландины оказывают помощь при таких процессах, как свертывание крови, выработка кислотности желудочного сока и родовые схватки. Эти жидкие химические переносчики генетической информации беспрерывно путешествуют от клетки к клетке, проникая во все ткани организма,

¹ Иногда для поддержания гомеостаза требуется что-то более существенное. При вторжении неприятеля в виде какого-либо раздражителя или отравляющего вещества организм призывает на помощь свои самые эффективные силы, способные вытолкнуть инородное тело. Чихание создает ураганный ветер в носовых проходах и усиливает частоту сердцебиения. Кашель или рвота приводят в действие определенные группы мышц грудной полости и диафрагмы, которые сокращаются с такой силой, что это даже причиняет нам боль. Когда существует угроза гомеостазу, у организма не остается выбора. Без нашего сознательного участия он изо всех сил защищает нас, где бы мы ни находились — на фортепианном концерте в филармонии или на борту самолета.

² Предстательная железа по-английски называется prostate gland. Отсюда и простагландины (прим. перев.).

осуществляя связь между самыми отдаленными клетками и органами, координируя их совместную деятельность.

Этот вид межклеточного сообщения имеет параллель и в земном Телес Христовом. Здесь Дух служит в качестве Посредника, Который объединяет члены Тела, приближая их друг к другу и к Богу. Именно Он рассказывает Главе о нуждах Тела и несет отдельным членам ощущение единства.

В нескольких местах Нового Завета говорится об этой роли Святого Духа, Который доносит ходатайственные молитвы до Бога и даже помогает их облекать в слова. «Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших, — говорит Павел; — ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8:26). Видимо, Павел нарочно использует сходные слова еще в двух местах той же главы: один раз, когда говорит о стенании твари, которая «совокупно стенает и мучится доныне», и второй — когда говорит, что «мы в себе стенаем, ожидая усыновления», т.е. о жажде христианина по искупленному телу. Дух чувствует эти невыразимые словами, первобытные стоны падшего, отделенного от Бога, неполного существа и доносит их до Бога, ходатайствуя о нас. «Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим. 8:27).

Мы — Тело, а потому совершенно естественно Бог полагается на то, чтобы одни клетки восполняли нужды других. Нужные органы моего тела очень быстро откликаются на крик о помощи, издаваемый больной тканью. В Телес Христовом Дух поддерживает единство, взывая к соседним клеткам. Дух открывает наши глаза на человеческую нужду, подсказывает, когда нужно перенаправить ресурсы оттуда, где их много, туда, где их недостаточно.

Чтобы описать таинственные пути, которыми мы, клетки, собраны в Тело, Чарльз Уильямс¹ использовал слово «сопричастность». Это слово звучит очень высокопарно, но на деле ответ на нужду соседней клетки может вылиться в совершенно прозаическое действие: поделиться едой, посочувствовать скорбящему, убраться в доме. После фонтанирующего Духа Пятидесятницы члены раннехристианской церкви почувствовали: им нужно Божье водительство в делах чисто практических: при помощи бедным, распределении «гуманитарной помощи».

Слова «друг друга» предполагают сотрудничество клеток. Они лейтмотивом проходят по всему Новому Завету. «Принимайте друг друга», — говорят нам, «служите друг другу». Нам надлежит исповедовать друг другу свои грехи, молиться друг за друга, прощать друг друга, учить и наставлять друг друга, утешать друг друга, носить бремена друг друга. И, конечно же, самую объемную заповедь оставил нам Иисус: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». Наше послушание и наша чуткость по отношению друг к другу являются теми точками взаимного соприкосновения, через которые проникает в нас Дух Божий. Это межклеточное взаимодействие — знак Его присутствия. Христос возвращает Свое Тело в мир, укрепляет Свое присутствие, благодаря Духу, Который служит для нас главной силой притяжения.

Работая хирургом, я имею возможность каждый день наблюдать за клетками, выполняющими, пожалуй, самую показательную работу по осуществлению гомеостаза: заживление. Когда клетки нашего организма испытывают отрицательное внешнее воздействие, они обращаются к своим соседям с при-

¹ Чарльз Уильямс (1886—1945) — английский писатель, драматург. Главная мысль наиболее известного из его произведений «Талиесин из Логрии» — параллель между частями тела и различными состояниями души человека (прим. перев.).

зывами о помощи: выделяемый поврежденными тканями химический состав привлекает клетки-целители — организм реагирует на местном уровне. Этот процесс происходит вне зависимости от идущих от головы команд; он протекает, даже если голова сама не проинформирована о происходящем. Самое лучшее доказательство тому — мои пациенты с проказой: когда такой человек порежет палец, процесс заживления начинается даже при отсутствии информирующих голову болевых импульсов. Функция заживления — это часть программы ДНК, встроенной в каждую клетку и срабатывающей на клеточном уровне.

Я уже описывал ранее (в книге «Ты дивно устроил внутренности мои») захватывающее чувство, которое испытываешь, сидя перед микроскопом и наблюдая, что происходит в поврежденном участке организма. Фибробласты¹ ткнут тончайшие стустки соединительной ткани, белые клетки бросаются в битву с инфекцией, кровеносные сосуды, будто по волшебству, избавляются от своих ран, воспаление берется под контроль — все направлено на то, чтобы помочь организму восстановить прежнюю форму.

За всю свою медицинскую практику я никогда не чувствовал себя более беспомощным и отчаявшимся, чем много лет назад в Индии, когда лечил пациентку, в организме которой отсутствовал механизм заживления. Молодая пара принесла ко мне на прием свою грудную дочку: девочку постоянно рвало, по всей видимости, у нее была непроходимость кишечника. Я немедленно сделал ей операцию, удалив уплотненный гангренозный участок кишки. Это была несложная операция, и девочка, которую звали Энн, выдержала ее нормально. Счастливые и благодарные родители взяли ребенка домой, теперь ему нужен был лишь тщательный уход в послеоперационный период.

Через несколько дней они опять появились в дверях моего кабинета с ребенком на руках. Мать стала замечать, что бинты на девочке все время были мокрыми. Развязывая бинты, я сразу же почувствовал резкий запах кишечного содержимого. И действительно, из послеоперационного шва сочилась внутрикишечная жидкость. В полном замешательстве я отнес ребенка в операционную и вскрыл шов. Совершенно странным было то, что, когда я разрезал нитки, сшивающие внешние швы, края раны сразу же разошлись в разные стороны. Не было ни малейшего признака заживления. То же самое было и в кишечной полости: все мокло и нисколько не заживало. Не было симптомов какой-либо болезни или инфекции, все было рыхлым. На этот раз я срезал рыхлые края раны и зашил их самым тщательным образом, сделав множество крепчайших стежков.

После этого последовала еще серия операций. Вскоре стало ясно, что организм ребенка лишен способности обеспечивать скоординированный между всеми клетками процесс заживления. Когда встал вопрос выбора между жизнью и смертью, тело девочки не смогло обеспечить нужный гомеостаз. Зашивать ее кишечник было все равно, что зашивать воздушный шарик: он постоянно рвался рядом с зашиваемым местом, потому что ничего не побуждало новые живые клетки плотно скреплять края разреза. Я зашивал вновь и вновь, а мои стежки прорывали все новую и новую ткань. Это продолжалось несколько дней.

Мы молились над крошечным тельцем Энн. Я провел полное обследование ее организма. Мы постоянно делали ей переливание крови, питание она получала только через вену. Я пытался даже обернуть то место на кишечнике, где были

---

¹ Фибробласт — клетка соединительной ткани (прим. перев.).

швы, тонким слоем сальника¹, который само тело использует для залечивания своих ран. Но ничего не помогало. Края раны не срастались, мышцы разъезжались в разные стороны, жидкое содержимое кишечника рано или поздно просачивалось наружу через стежки сшивающих ниток.

Крошка Энн лежала перед нами с очаровательной доверчивой улыбкой на лице. Мы отчаянно сражались с ее недугом. Каждое утро, когда я вновь видел перед собой ее личико, мое сердце буквально разрывалось на части. Она стремительно теряла в весе. Думаю, Энн не ощущала сильной боли; она просто угасала.

Когда ее крошечное тельце было, как положено, завернуто и подготовлено к похоронам, я больше не мог сдерживаться и заплакал от горя и беспомощности. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, перед глазами стоит ее улыбающееся сморщенное личико, и комок подкатывает к горлу.

В организме Энн отсутствовало связующее звено — тот механизм, который отвечает за заживление всевозможных ран. Там присутствовали в достаточном количестве фибробласты и возникали новые клетки — организм обеспечивал их повсеместный бесперебойный рост, образовывались волокна для восстановления связок и тканей. Но никто не сообщал им, что тело ранено и что они должны мчаться к месту ранения. Не звучали сигналы тревоги, приводя одну часть тела в состояние готовности, чтобы тут же помочь другой его части.

К счастью, такие пациенты, как Энн, встречаются довольно редко; иначе профессия врача стала бы просто ненужной. Врачи и медсестры не исцеляют; мы просто добиваемся того, чтобы организм исцелил себя сам. Без его помощи все наши усилия окажутся тщетными.

Все то же самое относится и к духовному Телу, состоящему из совершенно разных членов — представителей различных наций и народностей, относящихся к разным общественным слоям, имеющих неодинаковые уровни доходов, образования и культуры. Если мы позволяем Духу Божьему войти в нас, став посредником между всеми различиями и несоответствиями, разнообразными нуждами и чаяниями, то Он сможет управлять процессом, ведущим к исцелению и росту. Иногда команды поступают напрямую через центральную нервную систему, иногда — опосредованно, через гормоны, а иногда просто от клетки к клетке. Но без этого Духа, несмотря на все наши приемы, способы и технологии, мы будем такими же беспомощными, как бедняжка Энн.

---

¹ Сальник — складка брюшины, проходящая от желудка к органу брюшной полости (прим. перев.).

17. УСЛЫШАТЬ НЕСЛЫШИМОЕ

Чтобы выполнить свое задание наилучшим образом, гарпунщики нашего мира должны прекратить пустое времяпрепровождение, но не прекращать свой тяжелый труд.

Герман Мелвилл, «МобиДик»

Мы потушили неопалимую купину и теперь не в силах разжечь ее. Мы понапрасну чиркаем спичками под каждым зеленым деревцем. Не ветер ли, не горы ли восклицали Богу? Теперь безжизненные земные существа утратили дар речи. Эти существа говорят очень мало и общаются с очень немногими. Птички разливаются звонкими трелями, мартишки ухают, кони ржут, а свиньи, как вы помните, произносят «хрю-хрю». Но ведь и галка шуришит при отливе! И гром сотрясает воздух при грозе! Все эти шумы я называю молчанием. Ибо движению всегда сопутствует шум: резвящийся кит расплескивает вокруг себя воду. Но во всякой тишине раздается тихий голос: Бог говорит с нами из бури, Он говорит с нами через вечный круговорот природы, через все то, что мы видим вдали от городов.

Лини Дилард, «Научим камни говорить»

Половина населения человечества обладает способностью осуществлять очень важные и существенные преобразования внутри своего тела. Наступает такой момент, когда эти преобразования поглощают целиком все внимание организма в течение довольно длительного периода времени, — обычно девяти месяцев. Я имею в виду, конечно же, беременность.

Каждый месяц определенные клетки в организме женщины привычным образом объединяют свои усилия в виде циклической деятельности, направленной на подготовку к беременности. Если не произошло оплодотворения, они выскабливают старое содержимое матки и выстилают ее стенки новой подкладкой до следующего месяца. Но ^{во}т однажды оплодотворенная яйцеклетка коснется рецепторных клеточек очередного внутреннего покрытия матки, и начнется новая жизнь. Все изменится.

Поначалу оплодотворенная яйцеклетка будет получать питание с помощью местного жидкого содержимого. Но очень скоро внутриматочные клетки поймут: произошло то, для чего они были созданы. Начинает развиваться самый необычный орган человеческого тела, не принадлежащий ни матери, ни ребенку: плацента. Те, кто видит плаценту уже после того, как ее функции выполнены и она оказалась вытолкнутой организмом наружу, выбрасывают ее за ненадобностью, давая ей при этом неуважительное название «послед». На самом деле это один из самых активных органов из всех существующих в природе. Он куёт прочнейшую цепочку неразрывной связи между двумя существами, объединенными в данный момент в единое целое.

Проникая глубоко в ткани матери, плацента сплетает такое тончайшее кружево пронизывающих оболочку сосудов, что все химические вещества крови матери передаются по ним ребенку, а все переработанные отходы ребенка удаляются через организм матери. Но ни один открытый проход не соединяется с другим, ни одна клетка не пересекает границу оболочки: мать целиком остается матерью, а ребенок ребенком. (Нередко даже группы крови у матери и у ребенка бывают разными. В этом случае любое смешение крови окажется фатальным.)

Плацента — орган, полный чудес. Она образуется сразу после оплодотворения. С точки зрения иммунологических тканей матери, это инородное тело. Но материнский организм принимает его, даже и не думая отторгать в течение девяти месяцев. Кроме того, его ядросодержащие клетки объединяются вместе и как бы образуют единую клетку, самую большую отдельно взятую клетку в природе.

Помимо того, что плацента осуществляет питание плода, она еще играет самую существенную роль в управлении сложнейшим процессом протекания беременности. Она вместе с яичниками и мозгом посылает гормоны, которые организуют и поддерживают все виды реакций. Мало что отличает этих засланных агентов от подобных же гормонов организма хозяина, лениво движущихся в потоке крови. Их может различить лишь опытный химик. После того как будет выведена их химическая формула, еще придется обратить особое внимание на расположение некоторых атомов, которые различаются у гормонов мальчика и девочки.

Иногда химики сталкиваются с проблемами дискриминации подобных клеток, но сами клетки никогда. Те химические вещества, которые ранее участвовали лишь в слабовыраженной реакции, теперь — после оплодотворения — вдруг становятся вдохновителями бурных революционных преобразований. Складывается впечатление, что эти клетки стали прислушиваться к передаваемым гормонами сообщениям с повышенным вниманием и большей настороженностью. Так, гормон прогестерон регулярно в небольших количествах навещавший матку, иногда раздражал ее внутренний слой и непроизвольно вызывал нежелательную реакцию менструальных сокращений. Но при наступлении беременности он и эстроген запускают несколько механизмов, побуждающих к действию миллионы клеток в самых отдаленных районах организма.

Внутри матки эти гормоны подсказывают маточным клеткам, когда надо начинать строительство фортификационных сооружений, направленных на утолщение стенок этого органа, что необходимо для обеспечения надежного укрытия и прочной защиты растущего плода. Одни клетки залезают верхом на другие, образуя многочисленные слои, другие растягиваются, делятся, уплотняют друг друга. Постепенно стенки матки утолщаются приблизительно в 100 раз.

Объем крови матери за время беременности тоже увеличивается — примерно на 50 %. Этот излишек помогает избежать нежелательной потери крови во время самих родов. Кровь автоматически регулирует свою способность свертывания, чтобы быть готовой к вероятному повреждению сосудов. И хотя одни^и те же гормоны вступают в контакт с множеством видов клеток, каждая группа клеток понимает полученные специфические сообщения по-своему. 240 По образу Его

Одни и те же гормоны вызывают совершенно противоположную реакцию в определенных связках и суставах. В тот момент, когда химические связные проплывают через тазовые суставы, они оставляют свои отпечатки на фибробластах, остеобластах¹ и остеокластах², являющихся строительным материалом хрящей и костей. Вместо того чтобы количественно увеличиваться и укрепляться, эти клетки начинают замедлять и прекращать свои обычные

¹ Остеобласт — костеобразующая клетка (прим. перев.).

² Остеокласт — гигантская многоядерная клетка костной ткани (прим. перев.).

строительные работы. Фибробласты, укладывающие клетки таким образом, чтобы связки плотно прилегали к кости, удлиняют свои волокна. Связки, которые всегда держали скелетные кости в туго натянутом, прочном и крепком положении, теперь игнорируют свои обязанности. Наступил момент, когда они должны обеспечить расширение тазовых костей таким образом, чтобы между ними могла свободно пройти голова ребенка. Ослабление соединительной ткани вызывает боль в пояснице и специфическую походку, которую Шекспир назвал «гордой поступью беременности».

К счастью, далеко не все клетки связок ведут себя подобным образом. Фибробласты суставов, получая подобные химические команды, игнорируют их полностью. Поэтому беременные женщины не ходят с трясущейся головой, болтающимися коленками и вывихнутыми локтями.

Увеличивается грудь и живот, при этом растягивается кожа (этот факт вызывает недовольство у многих женщин, так как потом у них остаются растяжки на теле). В то же время расположенные по всему телу клетки гладкой мускулатуры замедляют свою деятельность, и беременная женщина ощущает повышенную потребность в мочеиспускании и слабость в кишечнике. Из-за расслабления гладкой мускулатуры организм уделяет меньше внимания выработке пищеварительных ферментов, таких как пепсин. В результате появляется тошнота. Организм женщины все больше и больше перераспределяет свои приоритеты — все его усилия направлены на создание новой жизни, а не на сохранение старой.

Наконец, в нужный срок организм женщины готовится к родам. В результате сложного взаимодействия энзимов и гормонов матери и ребенка организм матери узнает, что плод полностью созрел. В течение положенных месяцев мышцы матки находились в сжатом положении, готовясь к наивысшему акту, для которого и были созданы, но который никогда не совершали (если это первые роды).

Во время родов все процессы протекают с бешеной скоростью. Гормоны обеспечивают такую безумную череду мышечных сжатий и расслаблений, которые тело до этого никогда не знало.

Ребенок родился. Но гормоны не прекращают свою бурную деятельность в организме. Только теперь они вызывают реакции, прямо противоположные тем, что происходили всего несколько минут назад. Матка больше не увеличивается, а наоборот, сокращается. (Это единственный орган тела, который способен расти и затем уменьшаться). Соединенные с плацентой кровеносные сосуды отрываются от нее. Сама плацента — блистательный дирижер всего происходящего — тихо удаляется сразу после появления ребенка на свет. Ее уничтожают, даже не произнеся слов благодарности. Пуповина перестает жить активной жизнью и сморщивается. На первое место выдвигаются новые потребности: заживление возможных повреждений и восстановление затраченных сил. Устанавливается новая связь между двумя отдельными людьми.

Положено начало новой независимой жизни. Воздух наполняет легкие, никогда ранее не знавшие его, но отлично справляющиеся с поставленной перед ними задачей. Вся сложнейшая система бронхов, мышц диафрагмы и остальных многочисленных дыхательных компонентов мгновенно приходит в полное взаимодействие. Теперь поступающий к клеткам крови кислород фильтруется не в плаценте, а в легких. Обновляется даже сердце новорожденного. До рождения в легкие поступала лишь одна треть крови плода — количество, необходимое для

питания развивающейся ткани легких. Особая артерия — артериальный проток — доставляла остальные две трети объема в дугу аорты для непосредственного распределения по всем остальным участкам организма. Но с момента рождения вся кровь должна проходить через легкие для насыщения кислородом. Для того чтобы осуществилась подобная перемена, происходит удивительная вещь. В ответ на химический сигнал внезапно поднимается, будто занавес, специальный клапан, изменяющий направление потока крови, а артериальный проток закрывается при помощи мускульного сокращения. Этот мускул развился, как и все остальные, в результате доведенного до совершенства процесса деления и роста клеток у эмбриона. Но он нужен лишь для осуществления данного однократного акта. Как только дополнительный клапан закрывается, сердце навсегда «опечатывает» его, и постепенно артериальный проток растворяется в организме.

Теперь плод стал ребенком — свободным и независимым — но еще не способным поддерживать собственное существование. К счастью, организм женщины начал подготавливаться к подобной ситуации примерно с одиннадцатилетнего возраста. До этого возраста у мальчиков и у девочек имеются идентичные клетки в верхней части тела, включая грудные соски. Расположенные под кожей специфические клетки, отвечающие за жировообразование и выработку молока, до поры до времени отдыхают, находясь в неразвитом малоподвижном состоянии. Но в период половой зрелости определенные гормоны, присутствующие только в женском организме, начинают выделять небольшое количество своей секреции. 90 % клеток тела игнорируют эти химические позывные, и лишь немногие (среди которых и клетки груди) прислушиваются к ним. Клетки груди начинают быстро набухать, постепенно образуя идеальную симметричную форму развившейся груди. При достижении определенного размера они просто перестают размножаться. Затем многие годы они пребывают в состоянии бездействия.

Клетки груди старятся, умирают и заменяются новыми каждый год. При этом без надобности они совершенно не занимаются выработкой молока, хотя рассчитаны именно на это.

Во время беременности прогестерон и эстроген — те самые гормоны, которые ослабляют связи, укрепляют стенки матки и опосредованно вызывают тошноту, — навещают и грудь. Клетки, до этого пребывающие в состоянии расслабленности и умиротворенности, числясь в резерве, теперь получают повестку с указанием приступить к активной службе. Остальные гормоны, многие годы из дня в день проплывающие мимо грудных клеток, не оказывают на них никакого влияния. Они отгорожены от них, но очень ненадежным, даже немного смешным способом, напоминая открыт почтовый ящик соседа, в который можно залезть и прочесть его письма. Однако в данный момент сообщение адресовано неподвижным грудным клеткам.

Было бы неправильно назвать то, что следует за этим, адом крошечным, потому что во всем происходящем присутствует дух аккуратности и порядка. Но ведь всего за девять месяцев должна быть построена целая фабрика, фундамент которой закладывается в период полового созревания. Прежде всего каждая получившая повестку клетка производит на свет себе подобных путем деления. Она делится, и делится, и делится до тех пор, пока не наберется достаточного количества клеток, образующих трубчатую форму. Затем эта труба начинает разветвляться, и вскоре ее веточки и росточки пробивают себе путь в окружающем их жире грудной ткани.

Соседние жировые клетки понимают тот же самый полученный от гормонов сигнал по-другому. По их мнению, он означает следующее: «Подготовьтесь к уменьшению в размерах. Вы должны избавиться от жира и от пустующего пространства, чтобы предоставить место клеткам вновь образующихся протоков и клеткам, вырабатывающим молоко. Ваш состав должен постоянно обновляться». И совсем уже парадоксальное явление: эти же самые гормоны сдерживают процесс выработки молока до тех пор, пока не наступит нужный момент.

По этому же сигналу расположенные в груди кровеносные сосуды удлиняются, кожа растягивается в соответствии с изменившейся формой груди, грудные мышцы укрепляются, чтобы обеспечить поддержку увеличившейся массы. В это же самое время расположенные совершенно в другом месте клетки аппетита и вкуса реагируют на сигнал, вырабатывая новые совершенно немыслимые вкусовые ощущения, вызывающие желание съесть что-то особенное и в то же время обостряющие чувство отвращения к хорошо известным продуктам. Организм не понимает, что происходит, но повинуетя новым потребностям беспрекословно.

Через несколько месяцев новые гормоны из покидающей организм плаценты перемещаются в грудь и располагаются там среди уже имеющихся клеток, устраиваясь на новом месте, которое прежде занимала единственная клетка протока. Эти гормоны объявляют, что время пришло, — и новое предприятие по производству молока вступает в действие. Образующие протоки клетки раздвигают свои стенки, и их секрция просачивается в полость протоков. Сами протоки, по которым раньше никогда ничего не протекало, могут сначала засориться оттого, что протекающее по ним вещество слишком вязкое. В этом случае мама будет испытывать болезненное ощущение, чувство тяжести и покраснение, что свидетельствует о застое молока. Тогда медсестра или мамина мама покажут ей, как надо сцеживать застоявшееся молоко.

В этот критический момент появляется новое существо. У ребенка нет никакого жизненного опыта — он никогда раньше не был ребенком. Он никогда до этого не видел грудь, да и вообще никогда не открывал глаза. Но ребенок знает, что надо делать при прикосновении к материнской груди.

Если бы этот процесс проанализировал инженер, для которого очевидно, что жидкость может двигаться только в одном направлении — из зоны высокого давления в зону низкого давления, он бы пораился природному механизму всасывания. Ребенок создает низкое давление в глотке, полностью закрывая ртом околососковую зону и напрягая надглоточные мышцы, не абывая при этом замкнуть голосовую щель для образования разреженного пространства с низким давлением, чтобы не захлебнуться поступающей жидкостью. Врач-диетолог наверняка изумится невероятному сочетанию витаминов, питательных веществ, антител и макрофагов¹, содержащихся в материнском молоке. Ребенок не имеет ни малейшего понятия обо всем об этом, но знает, когда и как сосать.

В этом красивейшем процессе кормления грудью, в котором участвуют двое, мать точно так же нуждается в ребенке, как и ребенок в матери. Заблокированный молоком проток и налившиеся кровью мельчайшие ответвления сосудов грудных желез могут избавиться от застоя и боли только при помощи ребенка. Грудь рассчитана на то, чтобы служить ребенку. Последние поступающие от

---

¹ Макрофаг — крупная, подвижная фагоцитирующая клетка костно-мозгового происхождения (прим. перев.).

удаляющейся плаценты сигналы, появление всасывающей силы и даже крик ребенка — все это вместе является мощным стимулом к выработке молока.

Когда мы говорим о рождении ребенка, мы вряд ли можем обойтись без слова «чудо». Однако это удивительное явление случается довольно часто, о чем свидетельствуют шесть миллиардов живых примеров, существующих на сегодняшний день на нашей планете. Этим процессом руководит очень ограниченное количество сигналов, причем клетки груди, таза, матки и крови реагируют на эти сигналы по-разному. В настоящий момент в организме каждой молодой женщины миллионы клеток находятся в состоянии ожидания. При этом клетки внимательно изучают молекулярную структуру каждого оказавшегося рядом химического вещества, чтобы мгновенно распознать именно тот сигнал, который послужит им толчком к Действию.

Не менее впечатляющим, чем беременность, оказывается и процесс, происходящий в растущем организме младенца, гормоны которого регулируют развитие сотни триллионов клеток. Это настоящее чудо! Вы только представьте, к каким физическим недостаткам это может привести, если надколенная чашечка будет расти на 10 % быстрее, чем окружающие ее сухожилия, связки и мышцы? Или если правая нога вырастет немного длиннее левой? (Иногда, в результате генетического дефекта, одна из двух параллельных костей руки растет быстрее, чем другая. Тогда угол запястья деформируется, его форма искажается, функционирование нарушается.) Некоторые органы человека могут увеличиваться в два раза, другие в три раза, а какие-то — в сотни раз. Но это исключения. Как правило, каждый орган растет в пропорциональном соответствии с поддерживающими его структурами; он хорошо снабжается кровью на каждом этапе своего роста. Весь организм работает в четком взаимодействии.

Мне нравится представлять себя одной из клеток организма, потому что все мы, христиане, занимаем в Теле Христовом именно такое положение. Признаюсь: меня порой смущает собственная одноклеточность. Мне, конечно же, хотелось бы быть цельным телом, или, по крайней мере, клеткой с более важными функциями. Но со временем я научился воспринимать себя как малую частичку огромного механизма, который может работать только под руководством Святого Духа — ни я, никакой другой человек управлять им не в состоянии.

В этом Теле я получаю различную информацию, как и клетки человеческого тела получают разную информацию, благодаря курсирующим по организму химическим веществам. Часть ее приходит через людей: Божьих служителей, моих близких, общину верующих; часть — непосредственно из Божьего Слова — Библии; часть (правда, достаточно малая) от Главы, связь с Которым установлена у каждой клетки. Информация приходит в закодированном виде: мне нужно размышлять над ней и думать, что от меня требуется. Порой информационные строчки кажутся непонятными и даже противоречивыми. Какова моя роль в Теле Христовом? Как правильно выбрать момент для действия? Это сообщение адресовано мне или я должен передать его другому?

В Теле Христовом Святой Дух выполняет роль суфлера. Он координирует работу всех членов, чтобы Божий труд в Теле свершался по Его же воле. Внимательный член Тела услышит много призывов к действию. Он будет узнавать об отчаянных физических и духовных нуждах, о людях из других стран, о своих ближних, о необходимости духовной дисциплины, законодательных преобразований, высокого уровня личной этики. Все эти призывы несут в себе истину,

подкреплены Писанием и в определенной степени относятся к каждому из нас. Но каждого из нас Святой Дух подвигает на разные действия, а потому именно Его мы и должны слушать.

Я ответил по-своему: провел много лет в Индии, стране очень бедной. Ни один искренний христианин не может остаться равнодушным к физическим и духовным нуждам таких стран. Каждый должен что-то сделать, но каждый — свое. Можно молиться, писать письма миссионерам, собирать гуманитарную помощь, помогать на месте во время коротких поездок, оказывать финансовую поддержку христианам, трудящимся «на передовой». Все это очень нужные дела, нужные и разные. Как различны отклики клеток моего тела на действие гормонов, так различны и дела членов Тела, но все они равно нужны, ибо направляет их Святой Дух.

При родах один и тот же химический элемент дает клеткам стенок матки команду «напрячься», а клеткам шейки матки — «расслабиться». Так и библейские истины кажутся иногда противоречивыми. Если подряд прочесть Послание к Галатам, а потом 1 Послание к Коринфянам, то могут возникнуть сомнения: один ли автор их написал. Но Павел был мудр: он знал, что в разное время разным клеткам Тела нужно говорить разные слова. Законникам-галатам нужно было свежее, прохладное дыхание Божьей благодати, тогда как в языческом беззаконном Коринфе должны услышать слово о послушании и праведности.

Я знаю, что первое и главное качество «верной» организму клетки — внимательное отношение к кодировке сообщения. Я должен подождать, изучить сообщение, вчитаться в него. Дух будет различными способами говорить ко мне, наставлять меня на верный путь, но только при одном условии: если я буду слышать Его голос.

Есть ли задача сложнее, чем слушать Божий голос? Мы жаждем действия, хотим верой совершать великие поступки. Но если эти поступки, какими бы ни были наши мотивы, не навеяны Духом, они не помогут росту Тела. Так непомерно разросшаяся коленная чашечка кажется сильной, но увечит все тело.

Вспомните о воскресении Иисуса Христа. Это был поворотный момент истории. Как сказал Толкиен, это была «эвкатастрофа», событие, наполненное невыразимой благодатью. Ученики и последователи Иисуса не могли не рассказывать о том, что их вера в Мессию оказалась истинной, несмотря на Его казнь. Но независимо от «эвкатастрофической вести», Иисус сказал им остаться в Иерусалиме и ждать. Они тихо сидели 40 дней. Им не хватало очень важной вещи: крещения Святым Духом. Он назван Советником и Утешителем. Он ведет нас и подсказывает, какой клетке что делать.

Великие святые и мистики прошлого оставили нам книги о том, как привести мысли в согласие с Богом. Некоторые всю жизнь положили ради того, чтобы найти то самое слово, которое Бог говорит им лично. Епископ Джон Тэйлор пишет о двух видах молитвы: молитве движения, при которой разум перескакивает с предмета на предмет, донося каждый до Бога, и молитве покоя. Последняя — это полное сосредоточение на Боге, которое позволяет слышать Божий голос, обращающийся к каждой конкретной клеточке. Мне вспоминается спрятавшийся в пещере Илия. Божий голос позвал его не из шума ветра, не из грома землетрясения, не из огня. Это был тихий нежный голос, ласковый шепот. Думаю я и об Иисусе — Сыне Бога. Даже Ему нужно было непосредственно общаться с Отцом через пост и молитву.

Махатма Ганди, один из самых занятых и известных людей в мире, устраивал себе по понедельникам день молчания. Ему нужна была тишина, как он говорил, для того, чтобы отдохнули голосовые связки, чтобы бешеный ритм жизни не нарушил внутренней душевной гармонии. Какую же силу обретут христиане, если один день в неделю будут слушать Божий голос и расшифровывать посланные им сигналы! Советник может вести нас по жизни только тогда, когда мы слушаем Его голос.

Я очень хорошо помню человека, который лучше других показал мне, что такое слушать Бога. Это была моя бабушка. Бабуле Харрис было 80 лет, когда мы с ней познакомились. Она прожила до 94. Она не могла ходить без посторонней помощи. Слабое здоровье приковало ее к кровати и «бабушкиному креслу», ограничив мир тихой комнаткой с кружевными занавесками и темной мебелью в викторианском стиле. Каждый день мы с сестрой на час приходили к ней. Бабушка была гугеноткой, а потому заставляла нас читать ей Библию на французском языке: мы одновременно учили французский и изучали Библию. Она нам рассказывала об отрывках, которые мы читали¹.

Бабуля была сморщенная и сгорбленная. Ее мучили сильные головные боли. Она редко смеялась и не понимала наших шуток. Но мы, вечно жаждущие игр дети, каким-то образом понимали ее тихую радость и покой. Мы никогда не отлынивали от занятий с бабушкой, ибо чувствовали излучаемую ею любовь.

Когда ночами ей было трудно заснуть, она лежала в кровати в полудреме и тихо повторяла отрывки из Библии, которые знала во множестве, и молилась за своих 11 детей и полчище внуков. Мои тетушки по очереди спали в ее комнате. Очень часто посреди ночи она просила, чтобы принесли бумагу и ручку, и диктовала свои мысли. Например, она говорила: «Я чувствую, что настоятель церкви в Ипсвиче очень нуждается в помощи. Напишите ему так...» Затем она надиктовывала письмо и просила одну из тетушек вложить в него чек.

Несколько дней спустя, когда приходил ответ, бабуля светилась от радости. В тех ответах неизменно выражалось удивление, ибо она всегда точно знала, в какой момент сколько денег нужно было послать. Она смеялась чистым невинным смехом. Мы же, дети, удивлялись этому «заговору», который был у бабушки со Святым Духом.

В Теле Христовом она представляется мне отростком симпатической нервной системы, чувствительным органом, которому Бог доверил миг за мигом познавать Свою волю. Пастор Смит взывал к Главе о помощи. Бабуля «услышала» отраженные Главой сигналы и помогла нужной суммой. Для бабушки вся ее жизнь была подготовкой к этому труду. В молодости она была сильной и красивой. Но и в бурные годы своей жизни, когда она воспитывала 11 детишек, ей удавалось проводить время с Богом. Она насыщала свой разум Божьим Словом, запоминала целые книги Нового Завета, псалмы. И когда ее тело состарилось и ослабело, оно стало руслом излияния Божьей благодати.

Прошло более 50 лет, и я могу сказать: любовь к Библии привила мне именно она. Она слушала голос Духа — только и всего, но ее верность приносит плод и по сей день.

В человеческом организме крошечное количество нужного гормона может привести в действие сложный процесс. Тихий, нежный голос Бога — если только мы на него ответим — может изменить человека, группу людей, даже целый мир!

¹ Бабуля была далеко не проста и умела найти подход к своим внукам. Она знала: то, что ребенок запомнит в раннем возрасте, останется с ним на всю жизнь, а потому за каждую заученную главу из Библии выдавала нам по блестящей новенькой серебряной монетке. Каждые полкроны, каждый шиллинг были для нас сокровищем. И до сего дня в моей голове сохранились именно те главы Писания, за которые мне заплатила бабуля Харрис.

18 ВЕДУЩИЙ НАС ПО ЖИЗНИ

Компьютер фантастически расширяет наши способности к счету и анализу. Но он не помогает нам размышлять. У нас есть определенные инструменты, которые позволяют видеть все — от далекой туманности до нейтрона. Мы можем видеть все, кроме самих себя: мы значительно расширили свои зрительные способности, но «зреть во внутрь» так и не научились. Заглядывать в себя нам помогают те же помощники, которые были у пророков VIII века. Потенциально те же — но на деле сильно обедневшие. Ибо пока мы развивали в себе определенные стороны самопознания, другие стороны совершенно атрофировались. Мы превратили себя в мощные передающие устройства, но как принимающие устройства мы немногого стоим.
Джон Тэйлор, «Посредник Божий»

В 1946 году, получив диплом врача, я сел на корабль, отплывающий в Индию. За несколько лет до этого я изучил навигацию, когда однажды в летние каникулы в составе экипажа из пяти человек плавал на шхуне вдоль берегов Великобритании и Франции. На этой шхуне мы изучали навигацию на практике: ориентировались по расположению буйков, находили верный путь по сигналам маяков, рассчитывали пройденное расстояние по специальным приборам. Но плывя на пассажирском судне в открытом море, не встретишь никаких опознавательных знаков. В этом бескрайнем пространстве невозможно рассчитать пройденное расстояние. Как только капитан безошибочно определял наше местонахождение?

В то время суда еще не были снабжены радарным оборудованием. Имеющиеся на борту приборы — секстант, компас и хронометр — немногим отличались от тех, которыми пользовались Колумб и Магеллан. Я поднялся на капитанский мостик и попросил у капитана разрешения познакомиться с его методами навигации. Он любезно согласился и протянул мне секстант, которым я уже умел пользоваться. Мне не терпелось поскорее сравнить полученные мною результаты с данными опытных моряков.

Секстант состоит из двух напоминающих телескопы трубок, соединенных петлей. Чтобы измерить, например, высоту горы, вы наводите одну трубку точно на ее вершину, а другую трубку выравниваете по уровню моря. Когда оба изображения сойдутся в одной точке окуляра, секстант покажет точную величину угла. Воспользовавшись законами геометрии и сделав несложные вычисления, можно узнать высоту горы. Все это легко проделать на суше или недалеко от берега. Открытое море — совсем другое дело. Здесь нет фиксированной точки, от которой можно вести отсчет. Перед вами только линия горизонта и иногда звезды.

Очень быстро я узнал самый главный секрет астронавигации: нужно правильно выбрать время проведения расчетов. Чтобы определить правильный угол, необходимо наличие двух факторов: четкой линии горизонта и ясно видимых звезд. Одновременно горизонт и звезды можно видеть лишь два раза в сутки — на рассвете и при наступлении сумерек. В это время на капитанском мостике происходила самая напряженная деятельность. Каждый день я вставал рано утром и направлялся на мостик с секстантом в руке. Спросив, по какой именно звезде ориентироваться (она должна быть зафиксирована в наших астрономических таблицах), я направлял на нее трубу секстанта. Глядя через нее на эту звезду, я одновременно искал линию горизонта.

Поначалу звезды были очень яркими и хорошо различимыми, а линия горизонта темной, подернутой дымкой. Но постепенно — с наступлением рассвета — горизонт становился все отчетливее, а звезды меркли и очень быстро совершенно исчезали. Был всего один короткий миг, который мы ожидали с волнением и беспокойством, когда можно было отчетливо различить и линию горизонта, и сияние звезд. В этот ответственный момент я устанавливал свой секстант и измерял точный угол между звездой и землей.

Земля вращается со скоростью примерно полторы тысячи километров в час, постоянно изменяя положение нашего судна и угол отсчета. Поэтому, снимая показания прибора, я тут же хватал хронометр и замечал время, корректируя полученные показания с точностью до доли секунды. Теперь я уже мог определить положение и направление движения нашего корабля, потому что только одно место на земле может иметь данную величину образованного со звездой угла, полученную в данный момент времени. У меня не было возможности повторить свои измерения; если я замешкаюсь и пропущу момент, то звезда просто исчезнет.

При наступлении сумерек все происходило наоборот. Мы с экипажем стояли на мостике, глядя на отчетливо различимый горизонт. Он был прямой и резко очерченный, как край линейки. Мы ждали появления первой звезды. Во время того путешествия обычно появлялась звезда Альфа Орион. Завидевший звезду первым кричал: «Вон она», и мы все настраивали на нее свои секстанты. Мы фокусировали одну трубу на звезду, другую на горизонт, подставляли зеркало, чтобы свести изображения в одну точку, и фиксировали секстанты. Затем начиналась борьба за хронометр. Итак, два раза в день — на рассвете и на закате — я был занят интересным делом. Мы могли целый день смотреть на море и всю ночь любоваться звездами. Но, чтобы управлять судном, надо было соединить небеса и землю воедино. На борту имелись и другие, гораздо более сложные приборы для измерения направления течений, скорости вращения гребного винта и силы «приливной волны». С их помощью тоже можно было определить наше местонахождение, хотя и не так точно. Эти приборы обычно использовались в пасмурные дни. Но они имели один недостаток: если пользоваться ими каждый день, ошибки в показаниях накапливаются, и результат становится все более и более неточным. Чтобы получить точные результаты, мы должны были найти ось между фиксированными точками земли и неба.

Есть одно слово, которое ассоциируется у меня с навигацией по звездам. Ориент (восток), ориентация или модный спорт — спортивное ориентирование. Но началось все с «ориента», востока. Ориентироваться значило находить восток. Корнями слово уходит в древние религиозные обряды.

По требованиям иудаизма и раннего христианства церкви и синагоги должны были стоять лицом на восток — к Иерусалиму. Это был единственный приемлемый ориентир для верующих. Обычай пошел от царя Соломона — тот молился на освящении храма и просил Бога, чтобы Он слышал всякий призыв о помощи, обращенный к иерусалимскому храму. Позже появились синкретические религии, объединившие иудаизм с солнцепоклонничеством. Благодаря им молитвенное положение лицом на восток закрепилось. Иисус отверг мысль о том, что место молитвы может как-то повлиять на Бога (припомните Его разговор с самаритянкой в Ин. 4). Но традиция сохранилась и живет по сей день.

Эта традиция обладает определенным символическим значением и навеивает воспоминания о принципах навигации по звездам, которые я некогда изучал. Ноги твердо стоят на земле, в то время как взгляд ищет духовного руководства. Нужно, чтобы было отведено определенное время дня, когда я могу искать «свой восток», соединяя вместе земное и небесное. Посреди шума и суеты материального мира мне нужно найти спокойное место, где можно слушать тихий, нежный голос, рассказывающий, как жить.

Ветхий Завет дает нам один удивительный пример «духовного ориентирования». Речь идет о еврейском чиновнике, работавшем в правительственном учреждении в шумном городе Вавилоне. Даниила предупредили, что молиться, повернувшись лицом к Иерусалиму, — значит навлечь на себя наказание за «акт гражданского неповиновения». Наказание — ров со львами. Несмотря на указ царя, Даниил три раза в день широко открывал окно и с молитвой обращал лицо к Иерусалиму. Когда он молился, Вавилон со всеми своими благоговениями и шумными базарами, странными каменными строениями, чужим языком и крикливыми прохожими на улицах накатывал на него волной. Но Даниил поворачивался к Иерусалиму, язык его тела соединял его с Богом, ради Которого и существовал Иерусалим. В чужой языческой стране Даниил являл Иегове свое упование.

Ориентация в земном пространстве с помощью небес стала для меня образом моего упования на Дух Святой. Ведь и я живу в чужеродном материалистическом обществе. Я не поворачиваю голову в направлении конкретного города — Бог не живет в рукотворных зданиях, — но символизм молитвы мало изменился с древних времен. Для выживания мне нужно периодически останавливаться, чтобы вдохнуть в себя силу живого Бога, чтобы сознательно направить к Нему свой разум.

Порой меня переполняют реалии нашего мира, они давят со всех сторон. Пациенты записываются ко мне в очередь. Каждому из них нужно внимание. Руководство больницы и штата издают все новые инструкции и положения. Их нужно исполнять, писать отчеты. Я знаю, что через несколько дней должен поехать за границу. Мне нужно готовить выступления, просматривать книги, редактировать рукописи. В такие моменты очень велико искушение сэкономить время — вычеркнуть молитву из дневного расписания.

Но долгие годы научили меня, что именно в такие напряженные дни нужно больше всего полагаться на водительство Духа. Утром и вечером наступает время, когда Дух сводит небо и землю воедино. Я молюсь перед началом дня, прося, чтобы все в моей жизни происходило по Его воле.

Духовно я не могу выжить во враждебной земной атмосфере без живого общения с Богом через Святого Духа. Даниил смотрел на улицы Вавилона, но его разум и душа были в Иерусалиме. На холодной, непригодной для жизни Луне астронавты несли за спинами кислород из своего мира, который поддерживал в них жизнь. Так и я не могу жить без поддержки Святого Духа.

Тут возникает чисто практический вопрос. Как полагаться на Бога? Помогает ли Дух в трудных ситуациях? Способствует ли Он принятию конкретных повседневных решений? Как Бог ведет нас по жизни?

Признаюсь: мне очень редко доводилось чувствовать ясное и четкое водительство Духа. Я рассказываю Ему о своих проблемах, изливаю свои нужды, но Он не дает мне четких инструкций. Да и в самой Библии мало сказано о «технике» Божьего водительства. (Очень часто в пример приводят истории про

гедеонову шерсть и мужа-македонянина, но эти случаи столь ярки лишь потому, что являются исключениями. Вряд ли их можно счесть практическим руководством к поиску Божьей воли.)

Зато в Библии много сказано о том, что нужно любить Бога. Он хочет, чтобы мы сознательно и добровольно следовали Ему. Сознательно входили в Его присутствие. Здесь нет обходного пути, нет волшебного слова. Нужно всю жизнь искать близости с Богом, Который иногда кажется очень близким, а иногда — чересчур далеким. Я лично верю, что Бог ведет нас неприметным образом: дает нам мысли, говорит с нами, когда мы испытываем чувство неудовлетворенности, помогает принимать более мудрые решения, указывает на скрытые опасности и предостерегает об искушениях. Дух оказывает реальную помощь, но при этом ничем не ограничивает нашу свободу.

Если кто-то попросит меня проследить Божье водительство в моей жизни, я думаю, что сделаю это без малейшего труда. Теперь, оглядываясь назад, я вижу все обстоятельства своей жизни, следующие одно за другим в определенном порядке и определенной смысловой последовательности. А когда-то мне казалось, что все мои отдельно взятые поступки лишены всякого смысла.

В детстве и подростковом возрасте я хотел стать благовестником. Мои родители заложили во мне такую систему ценностей, по которой их деятельность, направленная на всестороннюю помощь населению Индии, была наивысшей точкой, к которой только человек мог стремиться.

Частично под влиянием отца, который был строителем, я решил пойти по его стопам. Отец возводил школы, больницы и жилые дома. Я знал, что в Индии все это очень нужно. Если я освою эту специальность, то, безусловно, найду свое место в этой стране. Как я уже говорил, я упорно отвергал щедрое предложение дяди оплатить мою учебу на медицинском факультете университета. Я начал изучать профессию каменщика, плотника, основы проектирования зданий. Уже тогда многие мои друзья считали, что я понапрасну теряю время. Они предлагали мне на выбор десятки других профессий, но в течение четырех лет я упорно стоял на своем.

Закончив обучение на строителя, я еще год проучился в Ливингстонском колледже, изучая основы медицины. Этот годичный курс был рассчитан на то, чтобы научить оказывать первую помощь и самое простейшее лечение своим коллегам-миссионерам. Тогда в первый раз я почувствовал тягу к медицине (во многом благодаря случаю в Коннотской больнице, описанному мной в первых главах этой книги). Именно в тот год я впервые задумался, что, может быть, совершил ошибку, не занявшись медициной. Но после окончания курса меня перестали посещать подобные мысли. В состоянии душевного подъема я пошел к руководителю миссии, в которой работали мои родители, с просьбой о трудоустройстве.

Не без гордости я объявил ему о своем решении помогать народу Индии. Мою решимость еще больше укрепил небольшой томик с текстами Писания. Перед тем как идти в миссию, я помолился и попросил Божьего водительства. Потом наугад открыл книгу и прочитал следующее: «Я выбрал тебя для Своего царства и славы». Для меня это совершенно четко означало следующее: второе поколение Брэндов продолжит работу Джесса Брэнда, отдавшего свою жизнь на службе Господу.

Но Дж. Коллин — президент миссии — почему то не рассматривал все происходящее в том же свете, что и я. Он задал массу вопросов относительно

причин моего желания работать в миссии и степени моей подготовленности к этой работе. А затем сердечно и искренне ответил: «Нет». Он не оспаривал моего желания, а просто счел, что я еще не готов к миссионерской деятельности. Он сказал, что мне нужно лучше подготовиться и подождать следующую вакансию, разумеется, если я не передумаю. Я был совершенно подавлен. Бог так четко определил мой путь, а этот важный человек встал на этом пути.

В медицине я оказался совершенно случайно. Я записался на курсы по подготовке к миссионерскому служению, где были организованы занятия по изучению Библии. На этих же занятиях нас учили приспосабливаться к жизненным неудобствам, с которыми придется столкнуться, оказавшись вдали от цивилизации. Я научился чинить обувь, шить одежду, питаться овощами исключительно с собственного огорода. Там же я прошел краткий курс по медицине. В это время внутренний голос, призывающий меня всерьез заняться медициной, начал звучать во мне все громче и громче. Я ощутил неудержимое желание стать врачом. Это чувство оказалось настолько сильным, что я бросил двухгодичные курсы по подготовке к миссионерскому служению и поступил на медицинский факультет.

Я стал учиться в университете. Четыре года, посвященные обучению на строителя, показались мне потраченными впустую. Несмотря на то что я начал учебу в более старшем, чем другие студенты, возрасте, я успешно закончил университет и стал дипломированным врачом.

Снова я стал проситься на миссионерскую службу, теперь уже имея две специальности — строителя и врача. И снова меня не приняли! На этот раз воспротивился Центральный медицинский военный комитет Великобритании. Они отклонили мою кандидатуру для работы в миссионерской больнице в приграничном районе Непала, а вместо этого предложили работу в Лондонской службе спасения пострадавших при бомбардировках. Но эта деятельность должна была начаться еще не скоро. Чтобы не терять время, я решил повысить свою квалификацию в области хирургии.

Дважды мои планы были нарушены. Первый раз мудрым и благочестивым руководителем миссии, а второй раз комитетом государственных чиновников. Каждый раз я чувствовал себя подавленным и обиженным. Неужели я как-то не так понял Божью волю относительно своей судьбы? Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что рука Божья направляла меня на каждом шагу. Случилось так, что индийский доктор Боб Кохран убедил этот Центральный медицинский военный комитет направить меня в только что открывшийся медицинский колледж в город Веллор (Индия). Этот же человек посоветовал мне попробовать применить основные принципы ортопедии при лечении страдающих проказой пациентов. Однажды (я подробно описал случай в книге «Ты дивно устроил внутренности мои»), пожимая сильную, но бесчувственную руку больного проказой, я пережил волнующий и незабываемый момент: я предельно ясно услышал зов Божий. С тех пор я посвятил свою жизнь лечению проказы.

Спустя десятилетия я с благодарностью вспоминаю время, посвященное обучению строительству и проектированию. Не проходит и дня, чтобы я не использовал полученные тогда знания: изобретаю приспособления для восстановления трудоспособности пациентов, конструирую и изготавливаю обувь специальной формы, совершенствую хирургические приемы и методы и т.д. Ничуть не меньше я рад тому, что принял решение стать хирургом.

Я стою под соломенной крышей нашего Центра Новой Жизни в Индии и вспоминаю, как Бог вел меня по жизни все эти годы. Я наблюдаю, как пациенты плотничают и столярничают в созданном мною цеху. И память переносит меня в тот столярный цех в Лондоне, где я работал много лет назад: я снова ощущаю запах деревянной стружки и слышу ритмичные удары молотка; опять стою среди своих товарищей — начинающих строителей. Но вот из воспоминаний я возвращаюсь в действительность и вижу огромную разницу. Здесь передо мной жители Индии с восстановленными после тяжелейшей болезни руками; они работают специально сконструированными для них инструментами. Бог позволил мне служить этим людям несколькими способами: как врач, я лечу их болезни, как хирург, я восстанавливаю их руки, как бригадир столяров, я даю им возможность начать новую трудовую деятельность.

Я был ведом по жизни таким зигзагообразным путем именно для того, чтобы помогать людям этими тремя способами. Если бы было по-другому — я приехал в Индию раньше или вообще не учился на строителя, — я бы просто сбился с предназначенного мне пути и не принес бы людям столько пользы. И теперь, по прошествии многих лет, я абсолютно явственно ощущаю: Бог спланировал и расставил по порядку все события моей жизни. Это чудесное ощущение.

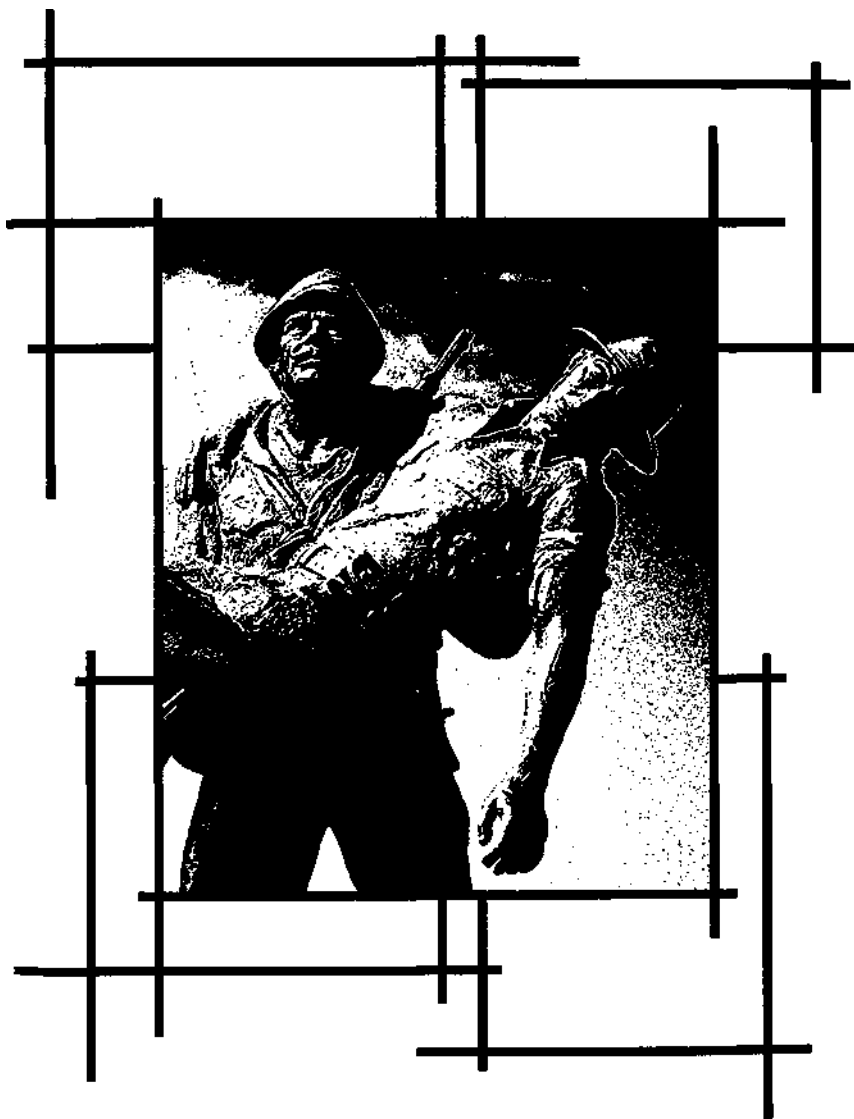
Тем летом, когда я учился управлять судном у берегов Англии и Франции, мне было поручено ответственное задание: пришвартоваться в полной опасностей гавани Святого Мало. Эта бухта веками служила приютом для пиратов. Под водной гладью скрывались торчавшие повсюду островерхие рифы, что делало гавань практически непригодной для швартовки судов. Существовал всего один узкий проход. Чтобы пройти по нему, я должен был ориентироваться по двум парам маяков. При подходе к гавани следовало двигаться по направлению, обозначаемому первой парой, и плыть строго на юг, пока в поле зрения не покажется свет второй пары. В этот момент я должен был резко забрать вправо и следовать курсом, указанным следующей парой маяков. Наше судно медленно приближалось к пока еще невидимому берегу. Лишь такое сложное зигзагообразное движение помогало избежать скрытых от глаз препятствий. Я полностью положился на ведущий меня за собой свет маяка — я доверился тому, кто хорошо знал эту гавань и обозначил единственный правильный путь.

Бог не требует от нас, чтобы мы каждый раз знали причину «резкой смены направления». Он не хочет, чтобы мы отчаивались при виде трудностей. Нет, Он хочет, чтобы мы с благодарностью принимали любые обстоятельства, возникающие в нашей жизни, и отвечали на них повиновением и доверием, даже когда они нас не устраивают и непонятны нам. Неподконтрольные мне обстоятельства, такие как войны, бюрократические препоны, — тоже проводники: они блокировали ненужные мне дороги. Встречая препятствия, я вновь обращался к Святому Духу за помощью, переоценивал ситуацию, вырабатывал новый план действий.

Огромное утешение я всегда черпал в обетовании из главы 8 Послания к Римлянам: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (ст. 28). Бог не обещает, что в нашей жизни будет случаться только хорошее. В стихе не сказано, что все, происходящее с нами, исходит от Бога. Я ищу Божьей мудрости, чтобы она вела меня по жизни, помогала обходить препятствия. Самое главное для меня — всегда двигаться в направлении Божьей воли. Я твердо верю, что в конечном счете все в моей

жизни окажется ко благу. Послушание Святому Духу является гарантией исполнения Божьего обетования.

В конце концов, я только клеточка Тела Христова. Управляет Телом Голова. Она координирует работу всех членов Тела и всей церкви. От меня же требуется верность и неустанное следование Духу, в какой бы форме Он ни показал мне Божью волю, ибо воля Его всегда направлена на укрепление всего Тела.

Бога, Который включил гниение зубов в схему мироздания? Зачем Он создал боль?» «Боль? — торжествующе произнесла жена лейтенанта Шискофа. — Боль — очень полезный симптом. Она предупреждает нас об опасности». «А кто сотворил опасности? — требовательно спросил Иосариан. — Почему бы Ему не сделали дверной звонок, чтобы предупреждать нас о них Мог бы и небесный хор задействовать. Или неоновые огни — голубые и красные, неоновые трубки на лбу у каждого человека?»

«Люди выглядели бы глупейшим образом с голубы ми и красными неоновым трубочками на лбу». «Зато сегодня они смотрятся прекрасно, когда бьются в предсмертно агонии. Не так ли?»

Джозеф Хелм

На литографии Оноре Демьера изображен знатный господин в ослом камзоле, сидящий на кушетке с высокой спинкой в викторианском стиле — нет, не сидящий, а скорчившийся в неестественной позе. Его ноги как-то неловко поджаты, а сам он согнулся в три погибели так, что голова касается коленок, будто у внутриутробного эмбриона: его скрючило от боли. Четыре ухмыляющихся чертенка злорадно выглядывают из каждого угла кушетки. Двое из них стегают мужчину веревками, а двое других радостно перепиливают ему живот огромной пилой с заострёнными зубцами. На лице человека зашло

выражение мучительной боли. Демьер дал своей картине короткое кивание «Колики» (резкая боль).

Почти все, разглядывающие репродукцию Демьера, вздрагивают при виде этой скорчившейся фигуры. Мы все хоть раз испытали приступ резкой боли от мышечного спазма, вызванного непроходимостью или вздутием кишечника. Боль — это печать смерти.

Мы врываемся в мир, проходя через напрягшиеся кровоточащие ткани еле сдерживающей крики женщины. «Мама стонала, а папа рыдал. Так горестно мир сей меня принимал», — писал Уильям Блейк. Наша собственная первая реакция — громкий крик от страха или от огорчения, или от того и другого. Спустя годы мы покидаем этот мир, проходя через страдания, нередко пережив последний приступ боли. Между этими двумя событиями мы проживаем свои дни, а боль постоянно поджидает нас у дверей. Существуют целые отрасли промышленности, направленные на то, чтобы ослабить силу удара стегающих веревок и притупить остроту пилящих зубцов боли. То и дело в различных телевизионных программах мелькают лица лекарей-шарлатанов, обещающих избавление от боли с помощью новейшего метода массажа ступней ног или мочек ушей, или акупунктуры, или суперсовременного электронного чуда, зашиваемого под кожу. Боль — это неприятное ощущение. Само слово «боль», пришедшее к нам из латинского языка, произошло от слова роепа — «наказание». Это явный намек на то, что работающие пилой черти не вымышлены.

По иронии судьбы, я провел почти половину жизни среди людей, чьи лица были искажены этим самым наказанием и мучением, но только совсем по другой — прямо противоположной — причине. Больные проказой страдают оттого, что они не чувствуют боли; они жаждут, чтобы к ним «пришли черти» и предупредили о надвигающейся опасности.

Мои личные отношения с болью — полные как любви, так и ненависти, — начались, как мне кажется, в глубоком детстве. Мы жили в горной местности на юге Индии. Почти каждый день родители уходили по вызовам лечить больных; и каждый раз они брали с собой зубоврачебный инструмент, так как знали, что зубная боль — одна из самых сильных и стойких. Даже в наиболее отдаленных и труднодоступных районах о моих родителях сложилась репутация избавителей от зубной боли.

Сотни раз я прерывал свои игры и широко открытыми глазами с бешено бьющимся сердцем наблюдал, как мама или папа удаляли пациенту зуб — причем без всякой анестезии. Не раз видел, как моя хрупкая мама, вставив щипцы между десной и зубом, старалась покрепче зажать ими основание зуба, чтобы он не обломился, пока она будет тянуть. Если ей попадался очень крупный пациент, она просто крепко сжимала щипцы в руках, а пациент сам мотал головой и тем самым раскачивал зуб, который она потом выдергивала. Пациенты кричали, прыгали, дрыгали руками и ногами и плевали кровью. Но, даже видя все это, люди выстраивались в очередь на удаление. Чтобы избавиться от зубной боли, они были готовы заплатить любую цену.

Иногда в деревнях устраивали представления факиры, демонстрирующие свою чудодейственную победу над болью. Одни из них просовывали тонкое кинжальное лезвие себе через щеку, язык, через другую щеку, и вытаскивали его наружу. При этом их щеки и язык совершенно не кровоточили. Другие подвешивали себя высоко в воздухе за веревки, пропущенные через металлическое кольцо в верхней части шеста и заканчивающиеся острыми крюками,

пропущенными через кожу их спины. Величаво и спокойно, без малейших признаков боли они, будто пауки на паутине, раскачивались над головами восхищенной толпы. Или навешивали на себя яркие украшения: брали апельсин и обычной булавкой прикалывали его к своей коже. Каждый из них таким образом подвешивал на себя десятка по два апельсинов. Они громко смеялись и весело танцевали под музыку, а апельсины на булавках равномерно подпрыгивали в такт их движениям.

Уже позже, учась на медицинском факультете университета в Англии, я был удостоен редчайшей чести работать домашним врачом под руководством сэра Томаса Льюиса — одного из первых исследователей боли. Я очень хорошо запомнил то время, потому что сэр Томас проводил опыты по изучению боли, используя в качестве «подопытных кроликов» своих студентов. Думаю, каждый из нас получил исчерпывающее представление о боли, когда его кололи, щипали или перетягивали жгутом. Результаты своих исследований Льюис описал в книге под названием «Боль», ставшей классическим образцом как великолепнейшего языка, так и важнейших медицинских исследований.

После окончания учебы, приехав в Индию, я сразу же получил полное представление о человеческих страданиях: я увидел огромное число жертв полиомиелита, остеомиелита, туберкулеза суставов, туберкулеза позвоночника, параплегии и других калечащих человека заболеваний. Все эти больные поступали в наш христианский медицинский колледж в Веллоре.

Потом совершенно неожиданно я узнал, что существует еще множество больных людей, которые не могут даже добраться до больницы. Эти парализованные, страшно изуродованные калеки лежали у входа в церковь, на вокзалах и у дверей общественных заведений, прося подаяния. Чаще всего у них были скрюченные самым немыслимым образом руки без пальцев и покрытые сплошной язвенной коркой ноги, полностью парализованные или с ортопедическими дефектами. Но ни один врач-ортопед никогда не лечил ни их, ни пятнадцать миллионов других таких же калек, разбросанных по всему миру. Из-за того, что они были больны проказой, больницы отказывались принимать их.

И вот я, конечно, не сразу, решил посвятить свою жизнь лечению больных проказой, уделив основное внимание ортопедическому направлению. Я еще больше, чем раньше, стал изучать, что такое боль, так как проказа разрушает болевые нервные окончания, тем самым делая организм крайне уязвимым для разного рода травм и повреждений. Эти существа с веревками, напоминающими пастушьи кнуты, которых мы видим на литографиях Демьера, — действительно ли они злые духи? Если бы они не причиняли таких мучений, обратил бы этот господин внимание на свои кишечные колики? В течение всей своей жизни, проведенной среди искалеченных страдающих людей, я не раз задавал себе подобные вопросы.

Деятельность, связанная с каким-либо чувственным восприятием, неизбежно влияет на представление человека о самом себе: он начинает считать, что его восприятие — самое сильное и самое лучшее на свете. Так, гурман заплатит тысячи долларов, чтобы поехать во Францию с единственной целью: самому ощутить вкус определенной пищи; знаток вин не пожалеет месячной зарплаты за бутылку выдержанного «Бордо». Оттенки вкуса и запаха начинают заключать в себе слишком большой смысл. Удивительно, но после многолетнего труда я разработал систему восприятия боли, не лишенную точно такого же фанатизма. В основу этой системы было положено не мое личное, субъективное болевое

ощущение, а проведенное мной исследование основных характеристик боли — исследование, результаты которого наполнили меня благоговейным страхом. Механизм действия боли напоминает механизмы всех других чувственных восприятий: подобно вкусу, зрению или слуху, боль регистрируется нервными окончаниями рецепторных клеток, преобразуется в химический и электрический код и передается в мозг, где приобретает конкретное значение и объяснение. Одна часть моего мозга принимает импульсы, которые она объясняет, как работу печатной машинки в моем кабинете; другая часть приводит меня в состояние готовности, когда раздастся телефонный звонок. Точно так же нервные клетки через свои сигналы сообщают моему мозгу, что у меня в пояснице случился прострел, который требует особого внимания.

Но боль функционирует так быстро и так грубо, что ее сигнал занимает все внимание нашего мозга, вытесняя все остальные сигналы, передающие нам приятные ощущения. Сигнал боли передается по горячей линии, он вытесняет все другие сообщения, становясь приоритетным. Более того, его воздействие выходит за пределы одного лишь мозга и охватывает все тело целиком. На мышечном уровне мое тело реагирует на боль и пояснице сокращением и напряжением мышц. Если этот сигнал остается без внимания, то может возникнуть порочный круг: мышечное напряжение вызывает еще большую боль, так как сдавливает нервы.

Изменяется мой кровоток: кровяное давление реагирует на боль так же, как на тревогу или страх. Я могу побледнеть или покраснеть, или, в случае сильного сдавливания сосудов, даже упасть в обморок.

Боль может нарушить мой пищеварительный процесс, вызывая спазм кишечника или даже тошноту и рвоту. Моя эндокринная система реагирует на боль, вырабатывая свою состоящую из химических элементов секрецию в виде адреналина. И, наконец, боль начнет действовать на меня уже на психологическом уровне. Я стану жаловаться своим сослуживцам и домашним. Возможно, я даже прерву свою зарубежную командировку, чтобы дать отдых пояснице. А это, в свою очередь, приведет к моральным осложнениям: я буду чувствовать свою вину перед людьми, которых подвел; впаду в депрессию из-за своей нетрудоспособности.

Удивительно, но ощущение боли, вызывающее такой сильный отклик в мозгу и в каждой части моего организма, с течением времени передается полному забвению. Вспомните о самой сильной боли, какую вам только пришлось испытать, и постарайтесь ощутить ее снова. Вы не сможете. У вас в памяти возникнут отчетливые воспоминания того момента: чье-то лицо или дом, в котором вы жили в детстве; а может быть, какой-то звук, например музыкальная мелодия; или даже ощущение вкуса или запаха еды, настолько приятное, что у вас произойдет невольное слюноотделение. Но ощущения той острейшей боли не возникнет. Оно исчезло из вашей памяти.

Всепоглощающая, целиком завладевающая вашей личностью и такая неопределенная, боль подсказывает вам, куда надо направить свои усилия. Но ее подсказка слишком расплывчата.

Что же такое боль? В какой момент она реально присутствует в моем организме — и в каком именно месте? Чтобы получить ответы на эти вопросы, нужно прежде всего изучить те индивидуальные нервные клетки, которые дают начало болевым ощущениям. Мой уже немолодой лондонский учитель (так же, как доктор Бишоп в Америке и доктор фон Фрей, у которого я учился еще раньше)

кропотливо изучал и записывал все тонкости и сложности нервной системы, непосредственно связанной с механизмом боли. Работая под руководством сэра Томаса Льюиса, я узнал настоящих героев, принесших себя в жертву ради получения знаний. Это были студенты-медики, поставившие на карту свою будущую карьеру, дав добровольное согласие на участие в серии экспериментов, которые вселили бы страх в самого маркиза де Сада. Многие профессора упорно настаивали на том, чтобы самим участвовать в подобных экспериментах: они считали, что иначе им будет трудно понять, что студенты хотели выразить в своих отчетах об испытанной боли.

Эксперименты включали в себя исследования по усовершенствованию аппаратов для измерения артериального давления. Давление измерялось таким образом: воздух накачивался в манжет, закрепленный на металлической пластинке, которая должна была крепко сжимать руку. Чтобы не допустить ни малейшего зазора между пластинкой и рукой, на место их соприкосновения наносился горячий расплавленный воск. Выше этого места руку перетягивали тугим жгутом, и этой рукой надо было выполнять определенные упражнения. Опыты фон Фрея по измерению давления с использованием свиной щетины и острых булавок, прикрепленных к миниатюрным весам, вскоре привели к созданию нового поколения лабораторного оборудования: ультразвуковых осцилляторов высокочастотных звуковых волн, ультрафиолетовых ламп, приборов с проводами из охлажденной меди, устройств теплового излучения, различных металлических поверхностей, имеющих непосредственный контакт с кожей, 1000-ваттных электрических лампочек, усиленных расположенными в определенном порядке зеркалами. Электричество послужило средством для создания огромного числа разнообразных орудий пытки, таких как генератор повторяющегося искрового разряда и совершенно преступное Устройство, создающее напряжение в пломбе зуба.

Сегодняшние изощренные методы экспериментальных исследований включают: вбрызгивание калия в открытую рану, надувание шара внутри желудка, смазывание слизистой оболочки носа раздражающими химическими веществами и нанесение на кожу разъедающих смесей, таких как разбавленная соляная кислота. Испытуемые опускают руки в ледяную воду, затем сразу в горячую. Им одновременно прокалывают щеки и руки, чтобы узнать, какая боль сильнее. Под громкий звук звящего колокольчика им называют подряд несколько цифр, а они должны повторить названные цифры в прямом и обратном порядке, одновременно испытывая воздействие одного из пыточных приспособлений.

Эти изнуряющие методы призваны дать ответы на многие основополагающие вопросы. С какого момента начинает ощущаться боль (болевой порог)? Привыкает ли человек к повышенной температуре или давлению (адаптация к боли)? В каком месте ощущается боль (местонахождение боли)? В какой момент человек не может больше терпеть (болевая выносливость)? В отчетах о проделанных опытах также дается словесное описание каждого вида боли и делаются попытки установить степени боли (была установлена 21 степень).

Студенты покидали университет с незначительными травмами, волдырями, следами от булавоочных уколов и дипломами, освобождающими их от последующего принесения себя в жертву. Профессора оставались с отчетами о чувствительности каждого квадратного сантиметра кожи. Подобные эксперименты не прекращались много лет по одной простой причине: нервная

система имеет невероятно сложное устройство. Каждый мельчайший участок тела воспринимает боль по-своему.

Думаю, мне не стоит приводить здесь графики и диаграммы с результатами тех экспериментов. Каждый знает, пусть даже и подсознательно, принципы распределения боли. Маленькая песчинка (или, что еще хуже, ресничка) попадает вам в глаз. Вы реагируете немедленно: ваш глаз начинает слезиться, веко полуотпускается, зрачок приближается к носу. Вы начинаете тереть верхнее веко пальцами, чтобы поскорее удалить попавшую частичку. Эта частичка способна вывести из строя любого, даже супертренированного спортсмена; боль настолько велика, что он не может и думать о продолжении своих выступлений. Но та же самая частичка, попавшая спортсмену на руку, не привлечет к себе ни малейшего внимания. Наверняка за время соревнования тысячи таких песчинок попадают на разные участки кожи спортсмена. Почему существует такое большое различие в чувственном восприятии?

Глаз обязан отвечать определенным требованиям структурной жесткости. В отличие от своего соседа уха, он располагается вровень с поверхностью тела, на одной линии со световыми волнами. Совершенно очевидно, что глаз должен быть прозрачным, а это существенно ограничивает поступление крови (кровеносные сосуды затемнили бы глаз, ограничив его зрительную способность). Любое вторжение вызывает серьезное повреждение, так как испытывающий дефицит крови глаз не может быстро восстановиться самостоятельно. Поэтому тщательно продуманная система болевого восприятия делает глаз сверхчувствительным к малейшему давлению или боли.

Разные участки нашего тела имеют разную чувствительность к боли и давлению, в зависимости от своей функции. Лицо, особенно в области губ и носа, очень чувствительно к тому и другому. Стопы, несущую ежедневную нагрузку при ходьбе, лучше всех защищены плотной кожей и, к счастью, не столь чувствительны. Живот имеет среднюю чувствительность, спина — еще меньшую. Кончики пальцев представляют собой совершенно необычный случай: их постоянное применение требует от них повышенной чувствительности к давлению и температуре, но они слабо чувствительны к боли. В тех местах, где конечности соединяются с телом, защищая жизненно важные органы, клетки в четыре раза более чувствительны к боли, чем к давлению. Легкий удар по ноге может оказаться незамеченным, удар в пах будет уже достаточно чувствительным, а удар в глаз — мучительным.

Изучая воспринимаемую человеческим организмом боль, я проникся глубоким уважением к мудрости Создателя. Иногда я желаю, чтобы внутренняя поверхность трахеи была бы еще более чувствительной к раздражителям, вызывала бы еще боль-Шую боль и усиленный кашель, т.е. создавала бы невыносимые условия для разрушающего легкие табачного дыма. Но разве тогда смогли бы выжить люди со своей сверхчувствительной трахеей во время бури в пустыне или в задымленной и загрязненной современной окружающей среде?

Я снова мысленно возвращаюсь к глазу. Некоторые обладатели контактных линз мечтают о том, чтобы их глаза были менее чувствительными. Но чувствительность — это большое благо: она помогает сохранить зрение многим людям. Глаз снабжен механизмом моментального реагирования на опасность — интенсивной болью, рефлекторным морганием и слезотечением; этот механизм срабатывает несколько раз в день, обычно на подсознательном уровне.

Каждая часть тела по-своему реагирует на различные виды опасности, представляющие угрозу для нее, а, следовательно, и для всего тела.

Ежедневно боль отражается на качестве жизни каждого человека, даже на самой простейшей функции организма — ходьбе. Больной проказой с абсолютно нормальной кожной тканью ступней ног, совершив многокилометровую прогулку, возвращается домой со ступнями, покрытыми язвами. Здоровый человек, испытав точно такую же нагрузку, вернется домой без язв. Почему? Ящик шкафа в моем кабинете переполнен слайдами, иллюстрирующими ответ на этот вопрос.

Слайды с изображением помеченных разными цветами ступней ярко демонстрируют следующее: способ, которым здоровый человек наступает на землю, радикально меняется на протяжении всего пути от первого до последнего километра. Если в начале путешествия основную нагрузку принимает на себя большой палец, то к концу прогулки уже вовсю подключаются другие пальцы и боковые стороны ступни. Через какое-то время после начала прогулки носки и пятка работают вместе. Если вы отправляетесь в далекое пешее путешествие, вы начинаете его, ставя ноги с пятки на носок. Но когда вы устало возвращаетесь назад, вы поднимаете и ставите всю ступню одновременно — все движения координируются на подсознательном уровне. Запечатленное на фотоснимке свидетельство таких перемен просто поразительно.

Мышечная усталость не является причиной подобных изменений. А именно болевые клетки ваших кончиков пальцев, пяток, свода стопы и боковых косточек периодически посылают следующие сообщения в ваш мозг: «Пожалуйста, полегче. Мне надо немного отдохнуть». Вы идете себе и идете, ни о чем не думая, а ваш мозг обеспечивает выполнение необходимых функций на подсознательном уровне, и каждая точка вашего организма постоянно беседует с вами. Даже сейчас, когда я сижу за столом и пишу эти строчки, болевые клетки моих голеней и бедер просят меня выпрямиться и сесть так, чтобы мой вес распределился между ними равномерно. Я непроизвольно повинуюсь их просьбе.

Боль в своем разговоре с нами обращается к нам различными способами. Когда опасность только начинает приближаться, мы чувствуем какой-то непонятный дискомфорт и беспокойно мечемся во сне. Когда угроза опасности возрастает, боль уже заявляет о себе во весь голос: рука начинает ныть и неметь, если долго находится в неудобном положении. А вот когда опасность становится неотвратимой, боль кричит: появляются волдыри, язвы и трещины, что вынуждает нас резко изменить что-то в своем поведении.

Больной проказой, не слышащий непрерывного гула межклеточной болтовни, будет идти несколько километров, не меняя походки и не перераспределяя вес должным образом. Одна и та же сила давления, длительное время воздействующая на одни и те же клетки, непременно приведет к их изъязвлению.

Хромота в немного преувеличенной форме графически Демонстрирует приспособляемость тела к боли. Видимо, вследствие своего профессионального любопытства врача-ортопеда при встрече с хромыми людьми я могу бесцеремонно уставить на них, забыв о всяких приличиях. Я многое узнаю от них. То, что им представляется серьезным нарушением функций своего организма, я считаю великолепной приспособляемостью. Тело хромого человека устраняет угрозу повреждения одной ноги, перераспределяя всю свою массу и давление на другую, здоровую ногу. Каждый нормальный человек иногда прихрамывает. К несчастью, больные проказой не прихрамывают никогда. Их

больные ноги никогда не получают отдыха, столь необходимого для выздоровления.

В крайней форме эта неспособность «слышать» боль вызывает серьезные нарушения в организме, так как им не принимаются необходимые меры реагирования на приближающуюся опасность. Например, когда здоровый человек растягивает лодыжку, он обычно падает. Растяжение может произойти, если вы случайно зацепитесь за какой-нибудь камень или соскользнете с тротуара. В момент вывиха боковые связки лодыжки подвергаются сильнейшему натяжению. Обнаружившие усиление натяжения нервные клетки в категоричной форме приказывают телу немедленно резко уменьшить нагрузку на поврежденную ногу. Бедренные и икроножные мышцы моментально расслабляются. Но если в этот момент ваша вторая, неповрежденная нога занесена над землей для следующего шага, вы лишаетесь опоры и падаете. (По образному выражению анатомов, шаг — это вовремя исправленное спотыкание). Ваше тело предпочитает лучше упасть, чем принять вес на вывихнутую ногу. Поднявшись после падения, вы чувствуете себя неловко, в этот момент вам больше всего хочется, чтобы никто не заметил, как неуклюже вы упали. А на самом деле вы совершили точно скоординированный маневр, спасший вас от растяжения связок или чего-либо похуже.

Я отлично помню, как на моих глазах больной проказой получил растяжение связок и при этом не упал. Он наступил на камень, и нога его не просто подвернулась, а вывернулась настолько, что ступня приняла вертикальное положение, встав на наружное ребро. Но он продолжал идти, нисколько не захромав. Он даже не взглянул на ногу, которую только что повредил так, что восстановить ее уже было невозможно: были порваны левые боковые связки! Этот человек был лишен защитной функции боли. После этого случая, лишившись опоры порванных связок, он еще много раз подворачивал ногу. Из-за этого у него возникли серьезные осложнения, и ногу пришлось ампутировать.

20 СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Человек может совершать удивительные подвиги, получать все новые и новые знания, но он никогда не сможет постичь самого себя. Лишь страдание заставляет человека заглянуть внутрь себя. И если ему повезет, то именно там — внутри себя — он найдет исходную точку всех своих знаний.

Сёрен Кьеркегор

Сострадание — основной закон человеческого существования.

Федор Достоевский

Не могу не признать, что моя профессиональная деятельность, направленная на лечение больных проказой, основным дефектом которых было отсутствие боли, оказала огромное влияние на мое отношение к самому понятию «боль». Однако страдания вызывает не только боль, но и невозможность почувствовать ее. Жизнь больных проказой наполнена невыносимыми страданиями.

Когда я задумываюсь о боли, я представляю себе не какое-то абстрактное гипотетическое количество человеческого страдания во всемирном масштабе, а конкретного человека с хорошо знакомым мне лицом и фигурой. В такие моменты моя память обычно воскрешает утонченные черты молодого человека, выходца из высшего общества, по имени Садагопан, впоследствии ставшего моим другом. Мы называли его Садан. Те, кто прочитал книгу «Ты дивно устроил внутренности мои», знают: этот человек добровольно согласился стать моим «подопытным кроликом» и терпеливо сносил все наши первые неудачные попытки создать определенный тип обуви, подходящий для больных проказой.

Когда Садан был доставлен в Веллор, его ноги усохли почти до половины, а пальцы парализованных рук были намного короче нормы. Нам потребовалось около двух лет неустанных усилий, чтобы приостановить процесс разрушения, активно протекающий в его ногах. Все это время мы восстанавливали и его руки — палец за пальцем. Чтобы он смог работать пальцами, мы образовывали в его мозгу ассоциативные связи наиболее используемых сухожилий с простейшими цифрами, тем самым переориентируя сознание и заставляя его управлять новым ассоциативным набором. В общей сложности Садан провел со мной четыре года, затраченных на лечение и восстановление. Он олицетворял собой нежную душу индийского народа, которому свойственна такая удивительно мягкая и плавная речь. Вместе с ним мы плакали, когда нас постигали неудачи, и радовались долгожданной победам. Я полюбил Садана как лучшего друга.

Через несколько лет лечения Садан решил на выходные дни съездить домой навестить семью, которая жила в Мадрасе. Когда он поступил к нам в больницу, его ноги и руки были покрыты язвами. Теперь же руки были чистыми, они могли совершать какую-то несложную работу. В надетых на ноги специальных ботинках-качелях он мог передвигаться без всякого труда. «Я хочу вернуться туда, где стал отверженным», — сказал он с гордостью. Он имел в виду те магазинчики и ресторанчики, из которых его выставляли за дверь, и те автобусы, в которые его не впускали. «Теперь, когда я уже не прежний калека, я хочу совершить самостоятельное путешествие в величественный Мадрас».

Перед отъездом мы с Саданом продумали все возможные неприятности, которые могли случиться с ним в пути. Так как у него в организме отсутствовала аварийная система болевых ощущений, любой острый или горячий предмет мог

причинить ему немалый вред. Но он уже научился быть осторожным и в больнице, и в рабочем цеху, поэтому я положился на него. Он сел в поезд и поехал в Мадрас.

Субботним вечером после роскошного праздничного ужина в честь его выздоровления Садан отправился в свою прежнюю комнату, в которой он не ночевал уже четыре года. Он лег на покрытую тканым покрывалом постель. Вот он и дома, и все счастливы снова видеть его. Его переполняло чувство глубокого удовлетворения и безмерного покоя. Он заснул.

На следующее утро, когда Садан проснулся и осмотрел всего себя, как привык делать в больнице, его охватил ужас. Небольшая часть тыльной стороны левого указательного пальца была повреждена. Он знал, что так быть не должно, он уже видел подобные раны у других пациентов. Садан повнимательнее исследовал руку: зияющая рана с застывшей по краям кровью, следами грязи, торчащими наружу искромсанными связками, так тщательно восстановленными несколько месяцев назад. Он догадался, в чем было дело: ночью к нему в комнату забежала крыса и выгрызла кусочек пальца¹.

У него в голове тут же пронеслось: «Что теперь скажет доктор Брэнд?» Целый день он страдал и мучился. Сначала ему захотелось сразу же вернуться в больницу. Но потом он вспомнил, что обещал провести дома оба выходных дня, и остался. Он пошел в магазин купить крысоловку, чтобы защитить себя от нападения крыс следующей ночью. Ничего не получилось: магазины не работали — был праздник. Тогда он решил вообще не спать, чтобы не допустить еще одной травмы.

Всю ночь с воскресенья на понедельник Садан сидел на постели, скрестив ноги и прислонившись спиной к стене, изучая книгу с бухгалтерскими отчетами в свете керосиновой лампы. Часа в четыре утра, совершенно утомленный от монотонного чтения, с отяжелевшими веками, он больше не мог заставить себя бороться со сном. Книга выпала из рук, а одна рука свесилась вниз, прислонившись прямо к горячему стеклу лампы.

Проснувшись утром, Садан сразу же увидел огромное пятно обгоревшей кожи на тыльной стороне правой руки. Его охватила дрожь, внутри него со скоростью быстротечной опухоли разрасталось безысходное отчаяние. Он молча уставился на обе руки — одна была изъедена крысой, другая выгорела до самой кости. Он отлично знал все опасности и трудности, встречающиеся на пути больного проказой. Он даже объяснял их другим. Но сейчас он был раздавлен тем зрелищем, которое представляли собой его изуродованные руки. В голове снова пронеслось: «Как я теперь посмотрю в глаза доктору Брэнду, который положил столько сил на восстановление этих рук?»

В этот же день Садан с забинтованными руками вернулся в Веллор. Когда я подошел к нему и стал развязывать бинты, он заплакал. Должен признаться, что и я заплакал вместе с ним. Он излил мне всю свою печаль и сказал: «У меня такое чувство, будто я потерял свободу». В ответ на эти слова я мысленно задал себе вопрос: «А как можно быть свободным, не зная боли?»

Он был одним из миллионов людей, страдающих от проказы и других лишаящих человека чувственного восприятия болезней; все вместе они преподали нам наглядный урок на тему, что в действительности значит боль, точнее — ее отсутствие. В целом, боль — сигнал о том, что что-то не так. Она на-

---

¹ Чтобы избежать повторения подобных трагедий в будущем, мы установили следующее правило: все отпущенные на выходные дни домой пациенты должны были приносить в дом кота, который защитит их от ночного нападения крыс.)

поминает пожарную сигнализацию, издающую громкий пронзительный звук, если вероятность загорания достигает определенного уровня. Садан чуть не потерял руки из-за отсутствия этого сигнала.

Кроме предупреждающей функции, боль вносит еще один вклад, который трудно переоценить: она сплачивает и объединяет все наше тело воедино. В действительности Садан пострадал потому, что остальные части его тела потеряли связь с руками. Не было ни одного болевого импульса, сообщившего мозгу, что что-то ужасное происходит с его руками.

Тело обладает единством в той же степени, что и болью. Нарывающий ноготь на мизинце подтверждает, что мизинец очень важен для меня: он — мой и нуждается в заботе. Волосы тоже очень важны, но мы относимся к ним скорее как к украшению. Их можно обесцвечивать, придавать им любую форму, гладить утюгом, даже отрезать — они не почувствуют боли. Но то, что принадлежит мне неотъемлемо, определяется болью.

Для меня нет ничего более мучительного, чем видеть, как мои пациенты в Карвилльской клинике «теряют связь» со своими собственными руками и ногами. Когда боль покидает их, они начинают относиться к конечностям, как к бесплатному приложению к своему организму. Когда вы долго спите в неудобном положении, то нередко говорите, что ваша рука или нога, образно выражаясь, «омертвела и ничего не чувствует». Люди, страдающие проказой, относятся к своим рукам и ногам действительно как к омертвевшим.

Самой распространенной раной в Карвилле была ожоговая рана от сигареты, зажатой между двумя пальцами. Когда про сигарету забывали, она догорала дотла и начинала выжигать пальцы руки. Про такие пальцы говорили: «к ним приложилась сигарета». Пациенты относились к своим рукам как к неживым аксессуарам, как к пластмассовому мундштуку. Один пациент с сильно искореженными руками как-то сказал мне: «Вы знаете, у меня нет ощущения, что мои руки — это реальные руки. Мне кажется, что это какие-то неодушевленные предметы вроде деревянных палок. У меня такое чувство, что их легко можно заменить другими, потому что они не являются частью меня».

Я работал директором реабилитационного центра нашей больницы. Кому, как не мне, надо было постоянно напоминать пациентам о существовании тех частей тела, о которых они «забывали» из-за отсутствия боли. Большую часть своей жизни я тратил на лечение ран, полученных в результате ослабления контроля больных над самими собой. Я бы многое отдал за то, чтобы разбудить в них чувство единства своего организма. Но было совершенно невозможно преодолеть свойственное этим людям ощущение разобщенности, поскольку они были неспособны воспринимать боль. Если боль объединяет организм, то ее отсутствие неизбежно разрушает это единение.

В Индии у меня была группа пациентов, целиком состоящая из подростков, которую называли «группа озорников» за то, что ее члены испытывали пределы нашего врачебного терпения. Эти пройдохи устроили соревнование: кому из них удастся привести в большой ужас окружающих, демонстрируя полнейшее отсутствие боли. Они беспрестанно всовывали в палец или в ладонь колючки и вытаскивали их с противоположной стороны, будто иголку во время шитья. Они жонглировали горячими углями и держали руки в пламени. Кроме того, они нередко калечили себя, делая то, что могли делать здоровые мальчишки, не нанося себе ущерба. А потом прятали от нас свои раны. Когда их спрашивали,

откуда взялась очередная рана на руке или на ноге, они отвечали с озорным огоньком в глазах: «Ой, надо же! Она появилась сама собой».

Мы прилагали колоссальные усилия, используя в лечении методы психологического воздействия, терпеливо разъясняли мальчишкам сущность их заболевания. И хотя «группа озорников» попортила нам немало крови, они постепенно научились уважать собственное тело. Они стали использовать все свое остроумие для решения задачи по сохранению рук и ног. В течение всего реабилитационного периода я как бы заново знакомил ребят с их конечностями и заставлял их с теплом и заботой относиться к этим частям своего тела.

Спустя годы, когда я стал работать с лабораторными животными, я был ошеломлен тем, что они проявляли еще большее отстранение от омертвевших частей своего тела. Если я денервировал (перерезал нервы — прим. перев.) крысу или мышь для проведения какого-либо эксперимента, я должен был обязательно хорошо ее накормить, иначе на следующее утро я обнаруживал, что ее лапы стали в два раза короче. Я слышал, что волк, лишенный восприятия боли из-за отморожения лапы или из-за повреждения ее капканом, перегрызал эту лапу, освобождался от капкана и спокойно ковылял прочь. Это свидетельствует о самом страшном последствии неспособности ощущать боль: не чувствующие боли люди или животные теряют ощущение целостности собственного организма.

Одноклеточная амeba автоматически воспринимает любую возможную угрозу как угрозу всему ее существу — и все ее существо реагирует на опасность. Но организмы, состоящие из множества клеток, нуждаются в чем-то большем. Боль является той основной связующей нитью, которая поддерживает многоклеточный организм в состоянии постоянной готовности. Голова знает о том, что происходит в любом, самом отдаленном уголке тела.

С точки зрения анатомии, сам способ связи, используемый нашим телом, — это нечто совершенно поразительное. В циркуляционной системе организма клетки объединяются с помощью кровеносных сосудов, которые сами состоят из миллионов промежуточных клеток. А в нервной системе одна-единственная клеточка обеспечивает нужную связь на немыслимом расстоянии — между самыми отдаленными участками организма. Одна тоненькая нервная клетка, соединяющая палец ноги с позвоночным столбом, простирается на полтора метра — никакая другая клетка организма не обеспечивает связь на таком большом расстоянии.

Когда я перехожу от боли физической к боли в Теле Христовом, состоящем из верующих, меня опять поражает значимость этой системы связи. Здесь боль играет важнейшую защитную и объединяющую роль точно так же, как и в клетках моего тела.

Существует огромное различие между единством живого тела, состоящего из взаимосвязанных клеток, и единством Тела, состоящего из автономных членов. В церкви не увидишь тоненьких отростков, тянущихся от одного человека к другому. Тем не менее Тело Христово имеет определенную систему связи, благодаря которой мы узнаем о боли друг друга. Биология такова, что в многоклеточном организме клетки должны страдать друг с другом — это условие выживания. Когда живая ткань ранена, она кричит — и все тело слышит ее крик. В Теле Христовом мы любим ближнего как самого себя и потому призваны еще более отождествлять себя с чужой бедой: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены», — говорит Павел (1 Кор. 12:26).

Сильные эмоциональные переживания объединяют людей так же прочно, как клеточные отростки — дендриты — объединяют все части организма. Это особенно наглядно демонстрируется во время спортивных соревнований. Вы только посмотрите на лицо сидящей на трибуне Уимблдона жены спортсмена, принимающего участие в чемпионате по теннису. Связующие нити привязанности и сопереживания объединяют этих людей настолько сильно, что малейший промах или удача мужа на корте легко читается на лице жены. Она вздрагивает при каждом пропущенном мяче и не может скрыть радостной улыбки, когда муж ведет в счете. То, что волнует его, волнует и ее.

Еще один пример. Если вы побываете в любой еврейской семье из Майами, Сан-Франциско или Чикаго в период избирательной кампании в Израиле, вы узнаете у этих людей, живущих за десятки тысяч километров от места событий, обо всех деталях этой кампании больше, чем у самих израильтян. Словно невидимая паутина, сложное переплетение человеческих мыслей и чувств связывает воедино людей, находящихся очень далеко друг от друга.

Можно привести и еще более наглядный пример. Вспомните, в каком состоянии находится народ, когда умирает его лидер. Я пережил такое общее чувство невосполнимой утраты, когда в 1963 году приехал в Соединенные Штаты, чтобы выступить в небольшой церкви при Стэнфордском университете, которую посещали в основном студенты. Я оказался там через два дня после убийства президента Джона Кеннеди. В тот день я говорил о боли, потому что на лицах сотен студентов, собравшихся под крышей церкви, я не видел ничего, кроме боли. Я рассказывал молодым людям о разных событиях в той или иной точке земного шара, когда сотни людей собирались вместе., чтобы через скорбь и молитву выразить общую боль всей нации.

Ни на какой другой проповеди я не чувствовал такого духовного единения, как на этой.

Подобные живые связи должны объединять членов Тела Христова по всему миру. Когда в Южной Африке бросают в тюрьму отважных христиан, когда правительство уничтожает церковь в Камбодже, когда в Центральной Америке каратели истребляют верующих, когда мусульмане выгоняют христианина из города, когда мои ближние теряют работу, страдает часть моего Тела, и я тоже должен ощущать потерю. Боль дает о себе знать чувством одиночества, отчаяния, физического страдания, ненависти к себе.

«Как сидящий в тепле может понять замерзающего?» — спрашивает Солженицын, думая о миллионах заключенных ГУЛАГа. И он нашел путь: стал нервной клеткой, предупреждающей нас о боли, на которую мы доселе не обращали внимания. В теле, состоящем из миллионов клеток, комфортно живущие клетки должны сознательно прислушиваться к болевым сигналам. Нужно развить в себе более низкий болевой барьер, по-настоящему прислушиваясь к страдальцам. Слово «сострадание» означает «страдание вместе с кем-то», совместное страдание.

Сегодня наш мир стал намного меньше. Тело Христово имеет более подробную информацию о своих клетках. Мы знаем о гонениях на верующих в России, о голоде в Африке, о положении христиан в Южной Африке, Индокитае, Центральной Америке. Зов клеток звучит из газет. Прислушиваемся ли мы? Слышим ли мы их плач так же хорошо, как слышит мозг жалобы растянутого

сухожилия или сломанной руки? Или мы приглушаем звук телевизора, чтобы не слышать крика отчаяния?

А как мы реагируем на то, что происходит в нашем поместном Теле Христовом? Вот суть трагедии: разведенные, пьяницы, интроверты, бунтари, безработные часто говорят, что меньше всего сострадания они нашли в стенах церкви. Мы, словно человек, который принимает аспирин при первом намеке на головную боль. Мы хотим заткнуть рот «людям с проблемами», вылечить их, не затронув корней болезни. Как-то мать Джона Уэсли спросили: «Кого из своих одиннадцати детей вы любите больше?» Ее ответ был настолько же мудр, насколько глуп был вопрос: «Больше остальных люблю больного — пока он не поправится. Больше остальных люблю путешественника, пока он не вернется домой». Именно так, мне думается, Бог относится к нашей страдающей планете. Он чувствует боль страдальцев. А мы?

Бог дает нам краткое заключение о жизни царя Иосии: «Он разбирал дело бедного и нищего, и потому ему хорошо было». И далее следует тревожное примечание: «Не это ли значит знать Меня?» (Иер. 22:16).

Сегодня в церкви раздаются много призывов к единству. Мир смотрит на нас и видит, что самый большой недостаток церкви — разъединение. Одну деноминацию призывают объединиться с другой или призывают сразу все деноминации объединиться в какой-то общенациональной или международной компании. На основании собственного опыта изучения нервной системы человеческого тела, я мог бы предложить другое основание для единства — боль. Я могу судить о физическом здоровье человеческого тела на основании того, как четко оно реагирует на боль. Все наши диагностические приемы (измерение температуры, пульса, анализ крови) измеряют реакцию организма на боль и степень его сопротивляемости болезни. В Теле Христовом многое зависит от того, как сильные части тела помогают слабым.

Некоторые крики из Тела Христова раздаются громко и настойчиво. Мы не можем их не слышать. Но больше меня беспокоят отдаленные болевые участки, боль пальцев руки или ноги, которую мы как-то заглушили. Мне приходилось ампутировать много конечностей и чаще всего из-за того, что нога или рука затихла и перестала передавать болевые сигналы. Есть члены Тела Христова, боль которых мы не улавливаем, потому что удалили или перерезали нервы, которые соединяли нас с ними. Они тихо страдают. Остальные члены Тела не замечают их страданий. Я думаю о своих ливанских друзьях. В Бейруте дети подрастают, не зная, что такое мир. Они таскают на плече автоматы с такой же естественностью, с которой наши ребятишки — водные пистолетки. Они играют не в парках, а в развороченных бомбами многоэтажках. Ливанские христиане, особенно арми-ниане, чувствуют полную оторванность от западной церкви, которая все свое внимание обращает на Израиль и считает, что все неизраильяне на Ближнем Востоке — это арабы и мусульмане. Ливанские христиане обращались к своим западным братьям за помощью, просили о сострадании, о понимании. Но мы ведем себя так, как будто между нами не существует нервной связи, будто синапсы заблокированы. Мало кто слышит боль ливанских братьев и пытается по-христиански помочь им.

Или подумайте о гомосексуалистах, которых немало в церквях и колледжах. Опросы показали, что около 20% мужского состава христианских колледжей борются с гомосексуальными тенденциями. Это настолько шокирует христианских деятелей и настоятелей церквей, что они просто делают вид, будто

такой проблемы не существует. А несчастные остаются в стороне, отрезанные от жизни огромного Тела и от сострадания, которое могло бы им помочь.

Я думаю о стариках в домах для престарелых — месте одиночества и скорби. И о брошенных детях, которые вырастают нервными и неуверенными в себе в детских домах. И о национальных меньшинствах, которые отрезаны от жизни Тела Христова¹. Даже прихожане церкви, на которых косо смотрят из-за какого-то незначительного несогласия с догматами данной конфессии, могут чувствовать себя оторванными от общины.

В современном обществе мы стараемся не подпускать беду близко к себе. Мы формируем специальные организации или назначаем социальных работников, которые обязаны заниматься страдальцами. Если мы не остановимся, возникнет целая система благотворительных учреждений, которая надежно изолирует болящих членов Тела от здоровых. Это вызовет атрофию в обеих группах органов: нуждающиеся будут отрезаны от человеческого тепла и сострадания, а благотворители будут уверены, что любовь имеет сугубо финансовое выражение.

Когда определенная часть человеческого тела утрачивает осязательный контакт с остальным телом, то даже при нормальном питании она атрофируется. В большинстве случаев — в 95 из 100, о которых я рассказывал, — происходят серьезные повреждения или деформация тканей. Телу трудно защищать ту часть, которой оно не чувствует. В духовном Телe утерa чувствительности неизбежно приводит к атрофии органа и его внутренней деградации. Очень много бед в мире происходит от того, что какой-то эгоистичный организм не реагирует на боль другого. Тело Христово страдает оттого, что мы недостаточно страдаем.

Хочу упомянуть еще об одном служении членов Тела друг другу, тоже связанном со страданием. Говорю это с замиранием сердца: мы можем явить страдальцам любовь, когда Бог, как кажется, любви к ним не проявляет.

Начиная с книги Иова и Псалмов, мы узнаем о большом количестве верующих, которые много страдали. Можно говорить и о сочинениях святых, упоминающих «ночь души», когда Бог, вроде бы, не слышит их. Кажется: когда Он нужнее всего, до Него труднее всего докричаться. Именно в моменты, в которые члены Тела чувствуют себя покинутыми Богом, Тело Христово может выполнить свое высшее предназначение. Тогда-то мы и становимся Телом Христовым — воплощением Божьих реалий в миру.

Если кто-то считает, что Бога нет, мы можем показать окружающим Его бытие, явив в себе Его любовь и милость. Кто-то скажет, что Бог не способен позаботиться о человеке:

«Боже Мой, почему Ты оставил меня?» Я думаю, что в такие моменты остальная часть Тела Христова обязана пробиться сквозь одиночество и страдание болящих членов и явить собой Христову любовь.

«Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтоб и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим; и надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли,

---

¹ Мне вспоминается ужасный случай, произошедший в Южной Африке. Молодой человек по имени Махатма Ганди, находясь в духовном поиске, хотел послушать миссионера Эндрюса. Но на собрание Ганди не допустили из-за темного цвета кожи. Вскоре он отвернулся от христианства и повел за собой около 400 000 000 последователей-индуистов. Стэнли Джонс делает вывод: «У расизма много грехов, но самый великий грех в том, что расизм скрыл Христа от одного из величайших людей на земле в тот момент, когда он принимал самое важное в жизни решение».

утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях (наших), так и в утешении» (2 Кор. 1:3-7).

От одного из моих самых любимых карвилльских пациентов — человека по имени Педро — я узнал очень многое о чувственном восприятии боли. В течение 15 лет его левая рука была лишена возможности чувствовать боль, но, несмотря на это, не получила никаких серьезных увечий. Из всех наблюдаемых нами пациентов только у Педро сохранились здоровые, работоспособные пальцы.

Мой ассистент с особой осторожностью исследовал руку Педро и пришел к поразительному выводу. Один крошечный участок на ребре его ладони по-прежнему сохранял нормальную чувствительность: он мог чувствовать не только легкое покалывание булавкой, но даже едва ощутимое прикосновение волоска. На других участках рука не чувствовала ничего. По результатам термограммы мы пришли к выводу, что сохранивший чувствительность участок руки был на 6° теплее остальных участков (что лишний раз подтверждало нашу до конца еще не сформулированную теорию: теплые участки тела защищают нервные окончания от вызываемых проказой разрушений).

Рука Педро стала для нас объектом величайшего любопытства; мы подвергали ее различным проверкам. Мы заметили, что Педро дотрагивается до всего сначала ребром ладони (это было очень похоже на то, как собака прежде всего нюхает незнакомые предметы). Он брал в руки чашку кофе только после того, как определял ее температуру своим чувствительным участком.

В конце концов, Педро устал от нашего бесконечного восхищения его рукой. Он сказал: «Вы знаете, когда я родился, у меня на руке было родимое пятно. Доктора сказали, что это гемангиома, и удалили ее при помощи сухой заморозки. Но она до конца не исчезла, я чувствую в этом месте пульсацию». Смущенные тем, что мы сами не догадались сделать подобное предположение, мы провели тщательную проверку и установили: кровеносные сосуды его руки действительно находились в ненормальном состоянии. Сплетение артерий создавало дополнительное количество крови и в то же время препятствовало ее продвижению к мелким капиллярам, посылая сразу же обратно в вены. В результате кровь очень быстро циркулировала по данному участку руки, поддерживая в нем температуру, близкую к температуре сердца и слишком высокую для появления характерных для проказы бацилл.

Единственное теплое пятнышко размером с пятикопеечную монетку, которое Педро первоначально рассматривал, как дефект, оказало ему колоссальную услугу теперь, когда его поразила проказа. Один-единственный не потерявший чувствительность островок встал на защиту всей руки.

В церкви, которая разрослась и превратилась в общественный институт, тоже должны быть подобные чувствительные участки. Нам нужны пророки, которые в разговоре, проповеди или произведениях искусства будут напоминать нам о страдальцах, крича нам об их боли.

«Мой народ сокрушен — сокрушаюсь и я», — говорил Иеремия (см. Иер. 8:21). «Утроба моя! утроба моя! скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать; ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы, тревогу брани», — причитал Иеремия (Иер. 4:19). Пророк Михей тоже писал о печальном состоянии израильского народа:

«Об этом буду я плакать и рыдать, Буду ходить, как ограбленный и обнаженный, Вить, как шакалы, и плакать, как страусы; Потому что болезненно поражение ее» (1:8-9).

Эти пророки — полная противоположность бесчувственному Ионе, который больше пекся о собственных удобствах, которому безразличен был гибнущий город. Израильские пророки хотели предостеречь всю страну от социального и духовного ожесточения. Так пусть же появятся современные Иеремии и Михеи. Будем так же ценить этих сострадательных, чувствительных к боли членов Тела, как Педро ценит крошечный чувствительный участок своей кожи.

Отгораживаясь от боли, мы рискуем потерять удивительные блага, которые дает нам членство в Теле. Живой организм лишь настолько силен, насколько сильна слабейшая его часть.

21. ПРИСПОСОБИТЬСЯ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Я еще точно не знал, что у меня рак, но интуитивно догадывался об этом, думая об опухоли, как о накоплении в организме «проглоченных слез». Для меня это означало, что все слезы, которые я не смог или не захотел выплакать за свою жизнь, собрались у меня в горле — и получилась опухоль. Так произошло потому, что слезы не выполнили своей основной функции — не выплакались. Если подходить к вопросу со строго научных позиций медицины, мой поэтический диагноз, конечно, не имеет никакого отношения к действительности. Но с человеческой точки зрения, он очень близок к правде. Все мои сдерживаемые страдания и проглатываемые обиды не могли больше уместиться внутри меня. Давление стало таким большим, что последовал взрыв, разрушивший мое тело, столько времени прятавшее внутри себя в сжатом виде всю свою боль.

Фриц Цорн, «Марс»

Штат Луизиана. Обычный летний день. Окружающий воздух весь пропитан влажностью. Кажется, будто при каждом вдохе мои легкие наполняются капельками воды. За те несколько минут, что я поднимался на третий этаж по металлической пожарной лестнице, проходящей по наружной стене нашей больницы, я весь истек потом. К счастью, в лаборатории, где мы проводим опыты на животных, есть кондиционер.

Я окинул взглядом аккуратные ряды клеток, стоявших по обеим сторонам прохода. Крысы, мыши, кролики, броненосцы — все эти создания никак не подходили для роли домашних любимцев, но каждое из них внесло свой вклад в борьбу с проказой. В большой клетке в самом углу раздавалось шарканье лапок Клары. Обезьянка Клара отличалась от остальных зверюшек тем, что с ней можно было установить определенные отношения.

У меня было особое отношение к Кларе. Наверное, потому, что она напоминала мне обезьянок, живших рядом с нашим домом в Индии, с которыми мы постоянно играли в детстве. А может быть, еще и потому, что она была очень забавная. Прodelывая с ней различные опыты, мы старались относиться к ней бережно и с большой осторожностью, причиняя как можно меньше боли. Она, в свою очередь, вела себя идеально.

Вытащив Клару из клетки, я немного поиграл с ней, а потом стал развязывать бинт, которым была забинтована ее правая лапка. Пальчики у Клары были розовые и в складочку, совсем как пальчики ребенка, но из кожи суставов пробивались густые темные волоски. Во всем ее теле меня интересовали только пальцы. Я обратил внимание: два пальца слегка припухли, а на третьем вздулся пузырь. Я рассмотрел руку обезьянки повнимательнее, через увеличительное стекло. Моей задачей было сравнить первые два пальчика с другими и проверить, есть ли между ними разница. Разницы не было.

Когда я дотронулся до двух исследуемых пальчиков, Клара выдернула лапку. Внешне пальчики не казались более распухшими, чем остальные. Но было видно, что прикосновение к ним вызывало боль. За несколько дней до этого я хирургическим путем вскрыл лапку Клары и перерезал чувствительные нервные окончания в этих двух пальчиках. Теперь у нее были два нормальных пальца и два не чувствующих боль. И меня интересовала частично лишенная

чувствительности лапка этой обезьянки, к которой я прибинтовал защитную шину, чтобы уберечь от возможных повреждений пальцы с отсутствовавшим болевым восприятием.

Опыты с Кларой — большая часть которых проводилась с применением анестезии — дали ответы на очень многие вопросы, касающиеся реакции организма на болевые раздражители. Было продемонстрировано самое главное: при одинаковом отрицательном воздействии бесчувственные пальцы подвергаются ничуть не большему разрушению, чем здоровые. Все четыре пальца обезьянки одинаково уязвимы. Теперь я могу доказать своим страдающим от проказы пациентам, что повреждение конечностей не является чем-то неизбежным, что они могут, соблюдая особую осторожность, предотвратить травмирование своего тела даже при отсутствии болевых ощущений.

Зарубцевавшаяся ткань на лишенных болевых ощущений пальчиках Клары доказывает, что организм мобилизует силы, необходимые для процесса выздоровления, даже если болевой сигнал не воспринимается центральной нервной системой. Мой скальпель перерезал нервы, передающие причиняемую телу Клары боль в ее мозг; обезьянка больше ничего не чувствует. А ответная реакция организма на боль — припухлость, кровотечение, рубцевание — происходит на местном уровне.

В предыдущей главе мы рассматривали боль, как бесценную объединяющую силу всех разрозненных клеток организма и, соответственно, всех членов Тела. Являясь членом Тела Христова, я должен замечать боль, которую испытывает соседний со мной член. А что дальше? Как я должен на нее реагировать? Умение приспособливаться к боли в своем собственном теле научит меня правильно реагировать на боль моего соседа.

Чтобы лучше понять механизм реагирования на боль, я испробовал на своих пальцах механические приспособления, испытываемые на Кларе: различные устройства, в которых металлические стержни оказывают давление на пальцы с дозированной силой и частотой. Если я подставляю руку под миниатюрный механический молоток, наносящий удар с силой 300 г на 1 кв. мм, то не почувствую никакой боли. Наоборот, мое ощущение будет приятным, напоминающим вибромассаж. Но если устройство ударит по моему пальцу с такой же силой несколько сотен раз, то палец покраснеет, и я почувствую слабую боль. После 1500 ударов я не смогу больше терпеть эту боль. Палец станет ощущать болезненность при прикосновении, даже на ощупь он будет заметно горячее, чем соседние. Продолжив опыт на следующий день, я смогу выдержать всего пару сотен ударов, а потом выдерну палец. Участвуя в этом сложном и непостижимом процессе, мое тело оценивает боль не только по силе механического воздействия, но еще и по тому, как клетки «чувствуют себя» в момент начала воздействия.

Защитная реакция моего организма проявляется через воспаление — кровь устремляется в область, испытывающую особо сильное воздействие. Таким образом организм старается смягчить разрушительную силу удара через приток дополнительного количества жидкости. С точки зрения системы болевого восприятия организма, воспаление вызывает состояние, называемое повышенной болевой чувствительностью. Мой палец, выдержавший сотни ударов миниатюрного молоточка, становится сверхчувствительным к ударам

молотка, потому что в воспаленном состоянии всего несколько дополнительных ударов приведут к появлению волдыря или язвы.

Точно так же обожженный палец становится сверхчувствительным к горячему, потому что даже малейшее повышение температуры может повредить размягченные воспалением ткани. (Много раз я пробовал опускать руки в таз с водой. При этом, к моему огромному удивлению, руки посылали мне разные сообщения. Левая рука сообщала, что вода горячая; правая — что теплая. Тогда я вспомнил случай, произошедший со мной однажды за завтраком: капля горячего растопившегося сала от жарившейся грудинки брызнула со сковородки мне на левую руку. В тот момент я этого не заметил. Но окончания нервных волокон в том месте снизили свой порог чувствительности, и теперь теплая вода кажется им горячей).

Тот, у кого никогда не нарывал палец от воспалившегося заусенца, считает, что «ничего особенного» в этом нет. Между тем нарывающий палец напоминает о себе дергающей болью через каждую минуту, как бы осторожно вы себя ни вели. Это ощущение имеет четкое физиологическое объяснение: болевые клетки неожиданно оказались в десять раз более чувствительными к боли. Мой палец стал сверхчувствительным для того, чтобы я по глупости больше не подвергал его воздействию горячего жира и не подставлял под удары молотка. Болевые клетки, образно говоря, «увеличились в объеме». Вот таким удивительным способом повышенная болевая чувствительность создает преграду из боли, чтобы защитить особенно ранимые части.

Каждый из нас не раз испытывал на себе, что означает «потерять душевное равновесие». Можно провести психологическую параллель этого состояния с реакцией физической сверхчувствительности. Когда мы находимся в состоянии крайнего психического напряжения, в котором можем оказаться под воздействием накопившихся незначительных стрессов — неожиданные финансовые расходы, неприятности на работе, ссоры с домашними, — любая едва бросающаяся в глаза неудача кажется невыносимым ударом. Мы становимся сверхчувствительными, и наш разум подсказывает, что нам требуется передышка, так же как сверхчувствительность нейронов предупреждает наш организм о том, что пора отдохнуть.

Следуя примеру клетки человеческого организма, мы — члены Тела Христова — должны узнать, что такое сверхчувствительность и что с ней делать. Клетки моих пальцев — сами по себе совершенно здоровые — принимают сигналы от соседних поврежденных клеток и передают эти сигналы голове. Так и в Теле Христовом бывает «ходатайственная» боль.

Кроме того, живое тело снисходительно относится к больным клеткам. Боль играет столь важную роль, потому что она — громкий и не умолкающий крик. Люди, испытывающие физическую или нравственную боль, очень чувствительны, а потому могут порой ополчиться против тех, кто пытается протянуть им руку помощи. Более здоровые члены Тела должны прощать их, ибо за внешней раздражительностью скрываются боль и глубокая нужда страдальцев.

Один пастор как-то сказал, что христианская церковь — это «единственная армия, которая пристреливает своих раненых». Он говорил о столь распространенной тенденции резко и сурово осуждать людей, испытывающих эмоциональную или духовную боль. Живой организм поступает иначе. Он перестраивается, чтобы оповестить о боли все тело и устранить ее причины.

Целительные элементы, стекаются со всего организма к больному месту, как подтвердило изучение денервированных пальцев обезьянки.

Настоящая любовь охраняет и защищает уязвимые части тела. Возможно, нам придется говорить с людьми с раненой душой, мягко укорять нечувствительных или же принимать на себя поток жалоб и брани, который человек не может сдерживать из-за накопившейся боли. Как бывший миссионер, я не могу недооценивать роль людей, молившихся за меня дома и писавших мне письма. Эти сверхчувствительные «клетки» старались понять мою боль и питать меня во время нужды. Именно от таких самоотверженных людей зависит, будет миссионер служить 20 лет или «сломается» после нескольких месяцев.

Однажды мне довелось работать дежурным врачом на спортивных соревнованиях. Шел матч по боксу. В мои обязанности входило лечить травмы, полученные спортсменами на выступлении. (В моей врачебной практике было всего одно такое дежурство. Больше я выдержать не мог: вид двух избивающих друг друга мужчин, собственными руками уничтожающих свои же живые клетки, не мог не задеть меня за живое). У меня перед глазами до сих пор стоит такая сцена: после особенно яростного раунда тренер одного из боксеров тяжелого веса подбежал в угол к своему подопечному. Я стоял рядом. Тренер взволнованно кричал: «Дай ему в левый глаз!» и для убедительности показывал на свой дико вытаращенный глаз. «Ты уже хорошенько ему врезал — глаз здорово распух. Осталось совсем чуть-чуть: парочка ударов, и он лишится глаза окончательно!»

Боксер последовал совету тренера: он безжалостно бил и бил по воспаленному, распухшему, сверхчувствительному глазу соперника. После матча я должен был зашивать остатки век и брови. То, что раньше называлось глазом, теперь представляло собой жуткое зрелище.

Эта «игра» нередко возникает у меня перед глазами в связи с самыми разными обстоятельствами. Как-то раз это случилось на вечеринке у друзей. Все гости дружелюбно беседовали,

пока муж не сказал жене что-то такое, что причинило ей явную боль. Замечание мужа само по себе было совершенно безобидным. Но жена почему-то покраснела и смутилась, а муж расплылся в самодовольной улыбке. Был нанесен моральный удар — нарочито вежливый, но жестокий. После этого инцидента все присутствующие испытали какую-то неловкость.

Когда я оказываюсь свидетелем подобных ситуаций и слышу чье-то замечание, в котором в завуалированной форме проскальзывает недовольство, вызванное беспорядком в доме, давним разногласием, раздражающей привычкой, неопрятным внешним видом или поведением родни одного из супругов, у меня в ушах звучит: «Дай ему еще разок прямо в левый глаз!» Каждый из супругов отлично знает уязвимые места друг друга. Интимные отношения увеличивают ранимость близкого человека, которого своей насмешкой мы как бы раздеваем донага. В такие моменты мне очень хочется, чтобы Тело Христово показало такое же постоянство, какое демонстрирует мое физическое тело в своей исцеляющей ответной реакции на поведение соседних клеток. Этого требует любовь.

Человеческое тело не так уж беззащитно. Оно не просто посылает предупредительный сигнал, опухает, краснеет и прекращает борьбу. Если бы меня попросили охарактеризовать сложнейшую структуру боли одной фразой, я бы сказал так: боль целенаправленна. Она вызывает в нас болезненные ощущения не для того, чтобы мы ощутили дискомфорт, а чтобы заставить нас

изменить свою реакцию на опасность¹. А сверхчувствительность — это не один из элементов жестокого намерения причинить телу еще большие страдания, а мгновенное приспособление, которое призывает остальные члены тела уделить повышенное внимание пострадавшей части.

Как только пострадавший член привлек внимание всего организма с помощью посылаемых в центральную нервную систему сигналов или посредством ферментов, приводящих соседние клетки в состояние повышенной готовности, следует незамедлительная реакция здорового организма. После срабатывания механизма сверхчувствительности в организме начинает действовать второй уровень реагирования: перераспределение нагрузки.

Я копаю землю в своем саду. Снова и снова я вонзаю лопату в твердую почву, а моя рука ощущает ответные толчки ручки лопаты. Поначалу они не причиняют руке боли, но постепенно подкожные клетки запрашивают большее количество крови, и кожа краснеет (воспаление и сверхчувствительность). Моя рука становится все более и более чувствительной. И я перераспределяю нагрузку: перехватываю ручку лопаты таким образом, чтобы под давлением оказался новый участок кожи руки и я смог продолжить копать. Причем я делаю это на подсознательном уровне.

То же самое происходит, когда я надеваю новые ботинки. При примерке в магазине ботинки казались мне очень удобными, но после того как я прошел в них пару километров, небольшое пятнышко на ноге стало вызывать о помощи. Зона трения или повышенной нагрузки, которую я сразу не заметил, теперь требует моего пристального внимания. Если мне приходится много ходить, мое тело начинает приспособливаться путем перераспределения нагрузки из области сверхчувствительного пятнышка: я хромаю. Новая походка, хотя и неестественная и неудобная, снижает до минимума чувствительность поврежденной зоны.

Однажды мне позвонили и попросили проконсультировать одного знаменитого игрока баскетбольной команды университета штата Луизиана. Он забивал большую часть голов своей команды. Во время игры он демонстрировал поразительную быстроту и прыгучесть. Но ни разу ему не удалось продержаться на площадке до конца игры. Каждый раз во втором тайме у него на ноге появлялся огромный волдырь, который вскоре лопался и не давал игроку возможности закончить игру. Наши рекомендации были просты, но результат оказался незамедлительно: мы посоветовали парню носить только специальную обувь, изготовленную точно по форме его ноги из смеси крошеной пробки и латекса, причем с учетом точек распределения нагрузки. Таким образом, перераспределив нагрузку по большей площади, мы дали парню возможность беспрепятственно прыгать и бегать по залу на протяжении всей игры.

Если мы не будем приспособливаться, если перестанем перераспределять нагрузку, вся наша ежедневная деятельность станет чрезвычайно опасной. Я знаю это, как никто другой, так как через мои руки прошли сотни людей, больных проказой. Эти люди больше никогда не смогут ходить, потому что вышедшая из строя система боли уже не предупреждает их центральную нервную систему о необходимости перераспределения нагрузки с одного участка

---

¹ Думаю, этот принцип подходит к объяснению любой боли, а не только физической. Эмоциональные и духовные страдания тоже являются знаками, показывающими определенное направление. Чувство вины причиняет такую «душевную боль», что человек раскаивается и ищет способы заслужить прощение. Депрессия указывает на необходимость каким-то образом ослабить слишком сильное напряжение. Семейный конфликт совершенно четко отражает глубоко скрытые разногласия, с которыми надо разобраться. Короче говоря, эмоциональная и духовная боль, так же как физическая, — это симптом, а не болезнь. Обычно симптом не устраняется до тех пор пока не излечивается болезнь.

ноги на другой. Сама затрачиваемая при ходьбе сила не приводит к повреждениям — ноги «сконструированы» таким образом, что нога слона, крысы и человека выдерживают каждая свою предельно допустимую нагрузку. Но если эта нагрузка постоянно, без перерыва воздействует на один и тот же участок, это вызывает серьезные поражения тканей.

От этой опасности невозможно скрыться. К разрушениям приводит даже такое состояние, которое иначе как состоянием полного отдыха и не назовешь, — сон. Даже самые незначительные нагрузки делают невозможным кровоснабжение определенного участка, и в результате болевые клетки лишаются способности передавать свои сообщения. Если бы тело слышало крик боли, оно бы перевернулось, чтобы перераспределить нагрузку на другие клетки. Но при отсутствии боли тело не меняет своего положения, и появляются гноящиеся пролежни. Я благодарю Бога за миллионы вкрапленных в мою кожу датчиков, сигнализирующих мне, когда требуется снять нагрузку с моих ягодиц, когда необходимо поменять положение ног или спины, когда нужно изменить походку¹.

Переходя от созерцания тела человеческого к Телу Христову, я вижу ту же способность к адаптации. Как здоровое тело ощущает повышение нагрузок на каждую свою клеточку и соответствующим образом адаптируется к ним, так и духовное Тело под руководством Главы должно постоянно чувствовать, какая клетка требует специального внимания и перераспределения сил в организме. Клетки, «находящиеся на передовой», должны обладать стойкостью и высокой сопротивляемостью. Остальные, внутренние, клетки должны быть надежно защищены, чтобы вести «тихий созерцательный» образ жизни.

По моим наблюдениям, в двух случаях церкви зачастую не удается правильно перераспределять нагрузки. Во-первых, когда мы выводим на передовую пастырей, миссионеров и других людей, представляющих церковь перед миром, мы начинаем требовать от них слишком многого. Мы оказываем на них огромное давление, требуя, чтобы они соответствовали нашим представлениям о духовности. Когда же им что-то не удастся, мы, вместо того чтобы быть милостивыми к ним и простить, тут же отворачиваемся от них. Мы не даем им права на ошибку. Я всегда предлагаю таким христианским лидерам окружать себя сверхчувствительными людьми и соработниками, которые могут уловить признаки надвигающегося стресса и что-то сделать для того, чтобы перераспределить нагрузки.

Во-вторых, мы слишком часто недооцениваем разрушительность вроде бы незначительных механических повреждений. К моему великому удивлению, исследования показали: несильные, но часто повторяющиеся перегрузки гораздо опаснее для моих пациентов, чем такие явные опасности, как рваные раны или ожоги. Аналогично нам нужно обращать внимание на те небольшие каждодневные стрессы, которые постоянно накапливаются в жизни пасторов: это нескончаемые телефонные звонки, церковные советы, финансовые трудности, бремя душепопечительства, одиночество, необходимость выступать перед людьми, недружелюбие со стороны общества. Эти опасности гораздо серьезнее. Они выбивают из колеи сильнее шумного церковного раскола.

---

¹ Конструкторы-изобретатели пытались каким-то образом помочь парализованным и не чувствующим боли людям, у которых из-за обездвиженности на коже появляются язвы и пролежни. Все, что требовалось таким людям, это перераспределение нагрузки. Конструкторы изобрели инвалидные коляски и кровати со специальными роликами, напоминающими ролики заводских конвейерных лент. Эти ролики находятся в постоянном движении, чтобы осуществлять плавное перераспределение нагрузки

Церковь может извлечь и еще один важный урок из «практики» человеческого тела. В жизни каждого члена церкви наступает такой момент, когда ему просто необходима защита, прежде всего в период духовного младенчества. Я много раз видел, как новообращенных (особенно знаменитых спортсменов, артистов, королей красоты) начинали превозносить до небес. Обычно эти полные энтузиазма новообращенные завоевывали на короткое время интерес средств массовой информации. Но вскоре они уставали от имиджа, которого их заставляли придерживаться, не успевали проникнуться новым образом жизни — и с горечью и отвращением оставляли веру. Когда такое происходит, я тут же начинаю думать об одной кожной болезни — псориазе.

Псориаз в тяжелой форме может изменить внешность человека сильнее, чем проказа. В трудных случаях покрасневшие участки грубой шелушащейся кожи видны по всему телу. Причина возникновения болезни одна — клетки кожи постоянно обновляются: старые отшелушиваются, и новые через три недели достигают поверхности кожи. При псориазе новые клетки выходят на поверхность слишком рано — всего за несколько дней. Молодые клетки еще не готовы к стрессу: воздействию света и ультрафиолетовых лучей, перепаду температур и атмосферным воздействиям. Они умирают быстро и мучительно. Неужели это не урок для христианского мира, который новообращенных знаменитостей выталкивает на поверхность, хотя те еще не успели обрести духовную зрелость? Перераспределение стресса просто необходимо для защиты неподготовленных клеток.

Видел я и примеры того, как церковь с необычайной скоростью и мудростью помогала своим клеточкам перераспределять стресс. Бывают случаи, когда братья и сестры по церкви становятся тем решающим фактором, который и определяет: выживет человек или погибнет. Мне вспоминается одна разведенная женщина. Муж бросил ее, чтобы жениться на другой. Жизнь ее рушилась. Ее терзали чувства вины и обиды. Проблем было много: четверо детей, отсутствие денег, дом, требующий ремонта. Для этой женщины церковь стала единственным шансом обрести духовное здоровье. Люди проявляли к ней любовь и оказывали практическую помощь: кто-то сидел с детьми, кто-то красил дом, кто-то чинил машину. На праздники ее приглашали в гости. На первый взгляд в ее жизни ничего не изменилось: сегодня, пять лет спустя, она еще «прихрамывает» и очень зависит от церковной помощи. Но я уверен, что именно поместная церковь спасла ее от краха. Сегодня она душевно и духовно здорова, потому что клетки Тела окружили и поддержали ее, ослабили стрессы, которые они испытывала.

Иногда, даже послав многочисленные призывы о помощи, отдельные клетки продолжают испытывать периодически повторяющееся воздействие разрушительной силы. Подвергаемая нападению область использует последнюю оставшуюся в ее распоряжении стратегию смягчения удара, и чудесный процесс самоисцеления вступает в действие.

Двести раз подряд я вонзаю лопату в твердую землю. Я уже начинаю ощущать боль в ладонях. Но я знаю: необходимо перекопать весь огород, поэтому игнорирую предупредительные сигналы своего организма. В конце концов он не выдерживает. Не дождавшись от меня никакой поддержки, он делает решающий шаг; Верхний слой эпидермиса¹ отделяется от нижних слоев и выпячивается

---

¹ Эпидермис — наружный слой кожи (прим. перев.)

наверх, образуя куполообразную выпуклость, окруженную со всех сторон скопившейся у ее подножия жидкостью. Это волдырь.

Моя кожа, до этого плоско расплющенная и поэтому легко уязвимая, теперь получила отдых: она больше не испытывает нагрузки, так как затрачиваемые мной для копания усилия больше не направлены на покрытый волдырем участок. Организм приспособился к новым обстоятельствам. Но такое приспособление не оценивается нами должным образом, наоборот, оно даже расстраивает нас. На самом деле это поразительное явление требует координации усилий миллионов клеток.

Образование волдыря или язвочки — крайняя степень реакции организма. Это состояние временное. Его задача — охладить поврежденную зону, смягчить последствия вредного воздействия, рассредоточить нагрузку — короче говоря, помочь мне справиться с поставленной задачей¹. Люди склонны к вредным привычкам: мы снова и снова доводим себя до такого состояния, когда из-за повышенной нагрузки у нас начинается воспаление, сверхчувствительность и язвообразование. Теннисист продолжает играть, хотя у него на руках появилось уже пять волдырей. Еще не скоро до него дойдет, что нужно искать какие-то альтернативные способы действовать ракеткой, как-то приспособливаться к новой ситуации. Если приспособливания не происходит, костная ткань начинает утолщаться и уплотняться. Под воздействием постоянного напряжения мышцы растягиваются; волдырь превращается в затвердевшую мозоль.

Осмотрев ногу бегуна, я могу определить: сколько километров он пробегает в день. У профессионального бегуна на ногах нет живого места: все в мозолях, в водянистых вздутиях, в натертостях — таким образом тело создает дополнительные слои, чтобы хоть как-то защититься от безжалостной нагрузки при беге на длинные дистанции. Если нагрузка продолжается достаточно долго, то в теле образуется так называемая сумка: наполненный жидкостью карман, запрятанный глубоко в ткани под вздувшимся участком кожи. Такие местные приспособления регулярно обнаруживаются в организмах людей определенных профессий и видов деятельности. Медики даже употребляют специфические названия заболеваний, характерных для разных категорий людей. Так, воспаление сумки надколенника называется «коленом горничной», радикулит — «поясницей кочегара», бурсит большого пальца — «шишкой портного» и, мое самое любимое название, «колено епископа» — из-за того, что во время молитвы священнослужитель встает коленями на специальную дощечку.

Организм приспособливается к новым обстоятельствам быстро, но неохотно. И очень редко обходится без ощущения утраты. Я уже рассказывал: как-то во время летних каникул, когда я еще учился на медицинском факультете в Англии, я плавал в качестве одного из членов экипажа на тридцатиметровой шхуне. Сначала из-за постоянного трения о веревки на моих ладонях и пальцах появились натертости, и я испытывал чувство жжения. Потом кожа стерлась уже до крови. А недели через две-три на коже появился толстый слой мозолистых уплотнений. Но, к моему огромному огорчению, когда после каникул я вновь приступил к занятиям в университете, я обнаружил, что полностью потерял способность препарировать ткани. Раньше, когда я резал ткань скальпелем, я мог ощущать малейшее сопротивление на пути его продвижения; теперь я стал

---

¹ В некоторых похожих ситуациях организм реагирует на более сильные воздействия тем, что к месту приложения усилия направляется большой поток жидкости, чтобы смягчить удар. Опытный игрок в ручной мяч знает, что перед началом матча обязательно нужно провести разминку с использованием нескольких мячей. Это приведет к состоянию так называемой водянки: возникновению защитного слоя жидкости под кожей.

чувствовать лишь самое сильное давление. Я запаниковал — не было сомнений в том, что эти толстые наслоения омертвевшей мозолистой ткани навсегда лишили меня будущего, которое я связывал с карьерой хирурга. Однако со временем, когда тело осознало, что я не нуждаюсь в дальнейшей защите, оно с радостью сбросило дополнительные слои, как некоторые животные сбрасывают свою полинявшую кожу. Я вновь обрел прежнюю чувствительность.

Трение, возникающее в отношениях между людьми, тоже может вызывать появление «мозолей». Чтобы выжить, оказавшийся в стрессовой ситуации человек также нуждается в дополнительном защитном слое, оберегающем его психику от преждевременного изнашивания. Для сравнения на память приходят различные события из собственной жизни: когда я ездил по отдаленным индийским деревням, сотни жителей терпеливо стояли в очереди ко мне на прием. В нашей же больнице в Карвилле врачей было не меньше, чем пациентов, поэтому я мог уделять намного больше времени каждому пациенту: глубже разобраться в его проблемах, лучше узнать его самого. Во время тех поездок по Индии мне приходилось жертвовать чувствительностью каждого человека, чтобы провести жизненно важные медицинские процедуры. Я, естественно, не мог всей душой откликнуться на нужды и потребности отдельного пациента, если у меня их были сотни.

То же можно сказать и о медсестрах, социальных работниках и различного рода консультантах, постоянно находящихся в самой гуще человеческих страданий. Нередко они сами нуждаются в защитном мозольном слое. Они должны быть готовы не падать в обморок при каждом случае, например, плохого обращения с ребенком, каким бы жестоким оно ни было. Только что начавшие трудовую деятельность медсестры и врачи часто просят моего совета: как правильно вести себя при виде человеческого страдания, чтобы не стать жестокосердными и циничными, какими нередко становятся их коллеги. Им приходится идти по лезвию бритвы. Конечно же, они не могут вникать в мельчайшие подробности нужд и страданий каждого пациента, но они не могут и полностью отгородиться от них, не могут не проявлять элементарного человеческого сострадания. Я сам считал за правило каждый день молиться и просить Бога обозначить для меня одного или двух пациентов, к которым я должен проявить особое участие. Я физически не могу быть одинаково чувствительным ко всем, но мне непозволительно быть одинаково равнодушным к каждому. Поэтому я положился на Его Дух, чтобы Он помог мне определить тех, кто нуждается в чем-то большем, чем просто лечение.

Те из нас, кто в Теле Христовом играют роль клеток-помощников, должны внимательно следить за состоянием членов церкви, оказывающихся на «переднем крае». Мы не должны допускать, чтобы они видели только человеческие страдания. Часто о человеке говорят «он сгорел», и это еще один из способов самоуничтожения. «Бойцы передового отряда» полагаются на нас, веря, что нам со стороны виднее, что мы заставим их сбавить темп, немного передохнуть, передать часть груза другому. Предупредительным сигналом служит появление сверхчувствительности, усталость, эмоциональные травмы. Повышенная или пониженная чувствительность могут обездвижить как физическое, так и духовное тело.

Хочу привести яркий пример длительной стрессовой ситуации, в которой оказались трое выдающихся хирургов из крупной больницы в Мидвесте. Когда я впервые приехал туда в 1952 году, всеми уважаемый выдающийся хирург,

специализирующийся на операциях по восстановлению рук, обучал двух своих ассистентов, которые должны были занять его место. Этот человек был пенсионного возраста, а его ассистентам Моррису и Бэйтсу — чуть за сорок. У них за плечами был уже немалый опыт, они успели продемонстрировать выдающиеся способности. И Морриса, и Бэйтса знала вся страна; один из них даже издавал популярный медицинский журнал. Но пожилой врач никак не мог доверить им самостоятельное проведение операции. Через плечи своих ассистентов он склонялся над очередным оперируемым пациентом, беспрестанно что-то советуя, подсказывая и делая замечания, будто они были малыми детьми. Моррису, превосходнейшему хирургу, он без конца повторял: «Нет-нет, не следует делать этот разрез таким длинным!»

Этим двоим не оставалось ничего другого, как только, стиснув зубы, ждать того дня, когда их «мучитель» уйдет наконец на пенсию. Когда меня познакомили с ними, я сразу ощутил плохо скрываемую злобу, кипящую в душе каждого из них. Даже невооруженным глазом было видно: когда речь заходила об этом пожилом ипохондрике, у них повышалось кровяное давление.

Я снова оказался в этой же больнице десять лет спустя. В то время ни Морриса, ни Бэйтса уже не было в живых. С одним случился удар, его полностью парализовало, и через несколько месяцев он умер. Другой умер от инсульта — кровоизлияния в мозг. До того как они стали работать под руководством главного хирурга, у обоих было отличное здоровье. Вы спросите, что стало с пожилым доктором? Ему было далеко за семьдесят, и он по-прежнему работал там же, где и раньше, — обучал молодых докторов.

Ни одно замечание, брошенное старым врачом своим молодым коллегам, само по себе не привело бы к таким трагическим последствиям. Но стойкое, периодически повторяющееся воздействие сильного раздражителя постепенно истощило здоровую психику, точно так же, как мое приспособление дозируемой периодически повторяющейся нагрузки разрушило живые ткани лапки обезьянки Клары и моего собственного пальца. Этот пожилой хирург был образцом христианского отношения к своей жене, страдающей болезнью Паркинсона. Но он же оказался совершенно слеп к чувствам тех, кто работал с ним бок о бок.

Я думаю о тех людях, которые могли бы получить помощь, если бы эти два блестящих хирурга были живы. Что же все-таки случилось? Неужели окружающие не заметили, что происходит, и не отреагировали, подключив всю свою сверхчувствительность? Почему же не вмешалось руководство больницы и не перераспределило нагрузку? Наверно, Моррису и Бэйтсу следовало покрыться прочным мозолистым слоем, чтобы защититься от воздействий старого доктора? А может быть, надо было обратиться за помощью ко Всевышнему и попросить у Него ниспослания очистительной силы всепрощения? Ничего подобного не произошло. Два человека продолжали испытывать разрушительное воздействие стресса, и их организм ответил на происходящее резким повышением кровяного давления.

И такое саморазрушение часто происходит в Теле Христовом. В церкви сплетничают о пасторе, работодатель безжалостно преследует энтузиаста-работника, родители или сестры с братьями «затюкивают» «гадкого утенка». Где же прощающая благодать и любовь, которые нисходят до слабости? Где силы примирения? Каждый из нас может извлечь для себя урок из способности тела

реагировать на боль. «Носите бремена друг друга, — говорил Павел. — Так вы исполните закон Христов».

22. ХРОНИЧЕСКАЯ БОЛЬ

Интересно, что станет с обществом, в котором будут искоренены некоторые формы страдания в соответствии с идеалами представителей среднего класса ? Я имею в виду такое общество, в котором брак, воспринимаемый как нечто невыносимое, быстро и безболезненно заканчивается разводом; отношения между отцами и детьми не приводят к постоянному напряженному противостоянию; периоды печали и скорби становятся заметно короче; больные и люди с физическими недостатками незамедлительно выдворяются из дома, а умершие из памяти. Если поменять одного супруга на другого станет так же легко, как старый автомобиль на новый, то опыт неудачных отношений останется не востребуемым. Если не будет страданий, то мы ничему не научимся, так как учиться будет нечему. Дороти Созль, «Страдание»

Очень редко, но все-таки случалось со мной и такое: я сталкивался с болью, не поддающейся объяснению. Создавалось впечатление, что такая боль бессмысленна. Но она поглощала все внимание человека, и он не мог думать ни о чем другом. Именно такая боль преследовала индианку Раджамму. К тому моменту, как она обратилась ко мне за помощью, я прожил в Индии чуть больше года. Во время врачебной практики в Лондоне, если ко мне обращался пациент с заболеванием не по моему профилю, я направлял его к другому специалисту. Но в Индии я не мог позволить себе такую роскошь.

Раджамма вошла в мой кабинет, еле передвигая ноги, с выражением страха на лице. Прежде чем сесть на стул, она обвела подозрительным взглядом мой кабинет, будто ожидая столкнуться в нем с врагом. Ее недругом становилось все, что могло вызвать испуг или стать причиной неожиданного пугающего шума. Это мог быть даже порыв ветра, дунувший ей в лицо. Передо мной сидела изможденная, худая женщина со впалыми щеками: она находилась в состоянии физического истощения. В глаза бросались круглые точечные следы ожогов на ее лице; я догадался, что это последствия лечения. Все ее лицо было каким-то неестественным и перекошенным и напоминало жесткую мездру кожи животных.

Такое заболевание называется невралгией тройничного нерва, или лицевой невралгией¹, причем у Раджаммы оно было в самой тяжелой форме. При этом заболевании человек периодически испытывает приступы спазматической боли, затрагивающей одну сторону лица. В мгновение ока лицо перекашивается. Или наоборот, мучительная боль возникает из-за того, что лицо приняло какое-то выражение. Это подергивание лицевых мышц называется «тик». Иногда он начинается без всяких видимых причин, а иногда его вызывает инфекция, например, гнилой зуб. Хотя Раджамма не помнила, чтобы у нее болели зубы, доктора на всякий случай удалили ей все зубы с поврежденной стороны лица.

Женщина медленно рассказывала мне все, что ей довелось пережить. Во время рассказа она старалась не закрывать до конца рот и очень осторожно шевелила губами, чтобы нечаянно не вызвать даже малейшего движения щек. Раджамма жила в небольшой земляной хижине вместе с мужем и четырьмя детьми. Она сказала, что ее дети больше не играют ни в доме, ни рядом с ним. Они ходят на цыпочках, никогда не смеются и не шутят из-за боязни спровоцировать

¹ Невралгия тройничного нерва, или лицевая невралгия — произвольные подергивания мышц лица, иногда односторонние (прим. перев.).

неожиданный приступ маминой болезни. Куры (которые в индийских деревнях обычно беспрепятственно разгуливают по дому) помещены в специальный загон, чтобы не испугать хозяйку неожиданным хлопаньем крыльев или кудахтаньем. Раджамма страшилась даже есть, поэтому стала такой худой. Она боялась делать глотательные движения и жила на одной воде, не слишком горячей и не слишком холодной.

Несмотря на все меры предосторожности, бедняга оставалась в полной зависимости от мучительной боли. Приступы боли случались по нескольку раз в день, они полностью лишили женщину трудоспособности. Иногда от отчаяния она соглашалась на лечение деревенских «докторов»: они накаливали на огне металлическую трубку и прижигали ею болезненные места на лице женщины в надежде уменьшить боль. Ее душевное равновесие, естественно, тоже оставляло желать лучшего. Супруг поначалу мужественно переносил все это, пытаясь понять, откуда возникает такая беспричинная боль. Но бесконечное состояние напряженности, в котором постоянно находилась семья, начинало приближаться к критической отметке — взрыв был неминуем.

Я очень старался выяснить причину заболевания, но у меня ничего не получалось. Дважды я пытался умертвить саму область, которая являлась источником возникновения спазмов. Мне казалась, что она находится непосредственно перед костью правой щеки. В первый раз один лишь вид приближающейся к ее лицу иглы вызвал у Раджаммы один из самых тяжелых приступов. Вторую попытку я предпринял уже с применением анестезии, но успеха вновь не добился.

День и ночь я размышлял об этом случае. Наконец пришел к выводу: единственный надежный способ прекратить возникновение жуткой боли — сделать трепанацию черепа и перерезать нервы, расположенные в правой части лица. Это решение было для меня неприемлемым, так как я не только никогда не принимал участия в проведении нейрохирургической операции, но даже не видел, как это делается. Однако у меня не было другого выхода. К счастью, когда мы изучали анатомию, у нас была практика, на которой мне приходилось разрезать черепно-мозговые нервы. Я знал, в каком именно месте искать Гассеров нервный узел, расположенный на поверхности мозга сразу под черепом.

Я объяснил все это Раджамме и ее мужу, обратив особое внимание на то, что существует двойная опасность. Во-первых, может просто ничего не получиться, так как я не умею делать подобные операции. И, во-вторых, самое страшное: я могу случайно перерезать большее количество нервов, чем нужно. В этом случае глазное яблоко вместе со щекой потеряет чувствительность, что может привести к слепоте. В общем, я нарисовал подробную картину возможных последствий.

Однако ни одно из моих слов нисколько не поколебало решимость этих людей. Их страдания были настолько велики, что, если бы я им даже сообщил, что операция неизбежно приведет к потере глаза, они бы согласились на это, не раздумывая ни минуты.

В течение всей последующей недели я штудировал различные медицинские учебники и справочники, которые мне только удалось найти. Затем вместе с нашим анестезиологом доктором Гвендой Льюис мы распланировали стратегию проведения операции. Я хотел иметь возможность во время операции общаться с пациенткой, поэтому мы выбрали такое анестезирующее средство, которое

обеспечило бы женщине возможность отвечать на мои вопросы. И вот наступил день операции.

Мы решили, что Раджамма должна находиться в сидячем положении — это сведет до минимума давление в венах головы. Ей была сделана анестезия, и через положенное время я начал рассекать ткани. Гассеров нервный узел находится в венозной полости, окруженной костью. Внутри этой полости образуется крестообразное пересечение вен и нервов, представляющее собой самый настоящий клубок спутанных ниток. При малейшем прикосновении к этой зоне скальпелем она полностью заливается кровью. Я отпилил кусочек кости, препятствующей проникновению в нужную зону, вошел в полость и стал продвигаться вглубь нее, проходя один слой за другим. Наконец моим глазам предстало основание полости. Сплетение нервной ткани сантиметра в два шириной и в полсантиметра глубиной лежало передо мной во всей своей красе, очень напоминая светящийся в ночи серп луны. Из него, будто притоки реки, веером расходились в разные стороны пять нервных волокон, направленных в сторону лица.

Одно из волокон являлось двигательным нервом, и любое, даже самое незначительное его повреждение привело бы к параличу челюсти пациентки. Из всех сил я старался не задеть его. Но все остальные волокна выглядели абсолютно одинаково: они представляли собой пучок, в котором все было так переплетено и запутано, что я не мог разобраться, где какой нерв. Я проделал электростимуляцию одного из этих тончайших волокон и спросил Раджамму, что она почувствовала. Она ответила: «Вы дотронулись до моего глаза». В тот момент, когда я клал на место эту тонюсенькую нервную ниточку, мне на лоб стекло несколько капель пота.

На большей части нашего тела каждый нерв обернут в плотную, но подвижную оболочку. Однако предполагается, что скрытые под черепом нервы никогда не будут испытывать никакого постороннего вмешательства. Поэтому на них нет оболочек, и даже малейшее дрожание моей руки безвозвратно выведет из строя любой нерв.

Я уставился на образовавшуюся лужу крови, прозрачной как вода, из-за анемии, вызванной недостаточным питанием Раджаммы. (В то время мы еще не располагали банком крови и не имели возможности сделать пациентке вливание перед операцией). В конце концов я отделил два крошечных нервных волокна белого цвета и поднял их выше уровня натекающей крови. Я решил, что именно эти два волокна передавали болевые импульсы, причиняющие страдания пациентке. Мне не оставалось ничего другого, как перерезать их и покончить с этим делом.

Я подцепил два волокна пинцетом, но вдруг мной завладело какое-то неожиданное неприятное чувство. Я был поражен значительностью того простого акта, который собирался совершить. Нас, хирургов, учат держать себя на определенном психологическом расстоянии от пациентов: не допускать, чтобы личные эмоции играли преобладающую роль в момент принятия важного решения. По этой причине мы стараемся не оперировать собственных жен и детей. Но в этот момент у меня перед глазами вдруг предстала вся семья Раджаммы. Они молча стояли вокруг меня, а в их взгляде застыл немой вопрос: что я собираюсь сделать с их мамой?

Я не мог оторвать взгляд от этих пульсирующих тоненьких ниточек из мягкого белого вещества. Трудно было поверить, что от них зависело столь многое. Были ли именно эти два нерва причиной мук Раджаммы? Нам так мало известно о фи-

зиологии нервов, что я не могу визуально определить причину заболевания. Однако эти нервы, состоящие из сотен аксонов (отростков осевого цилиндра нервной клетки — прим. перев.), соединяющих между собой тысячи нервных окончаний, буквально терроризировали бедную женщину. Подобные им нервы управляли движениями моей руки, указывали мне, какую именно силу прикладывать к используемому инструменту в каждом конкретном случае.

Вздвогнув, я отвлекся от своих мыслей и вернулся к действительности. Мои мечтания продолжались не более пяти — десяти секунд, но я никогда не забуду нарисованный моим воображением образ, возникший передо мной при виде крошечного, поблескивающего нерва. Я не знал точно, какой из двух нервов является источником боли; я должен был пожертвовать двумя. Итак, я сделал один за другим два разреза — оба нерва были перерезаны. Очень быстро мы восстановили кровоток и зашили рану.

После того как Раджамма окончательно пришла в себя от наркоза, мы тщательно проверили ту область щеки, которая лишилась чувствительности. Я облегченно вздохнул, убедившись, что глаз не пострадал. Постепенно Раджамма начала делать то, что раньше вызывало острые болевые приступы. Прежде всего она попыталась слегка улыбнуться — впервые за несколько лет. Лицо ее мужа просто сияло от счастья. Очень осторожно Раджамма потрогала щеку, зная, что теперь в этом месте она ничего не почувствует.

Перевернутый с ног на голову мир Раджаммы медленно, но верно вставал на место. Она вновь стала такой же мягкой и доброй, какой ее знали раньше. Волнение мужа стало утихать. Куры вернулись обратно в дом. Дети, не скрывая радости, снова начали играть, бегать и прыгать даже совсем близко от мамы. Короче говоря, семья опять стала жить нормальной жизнью.

За всю свою хирургическую практику я столкнулся с очень небольшим количеством случаев, когда люди, подобно Раджамме, страдали от острой, бесконечно повторяющейся боли, физическую причину которой невозможно было установить. И уж совсем считанное число раз мне приходилось избавлять людей от этой боли хирургическим путем — перерезав нерв. В медицине этот способ рассматривается как последнее спасительное средство. Он связан с большим риском. Очень велика вероятность того, что денервация будет проведена в неверно выбранных зонах, что некоторые части тела станут бесчувственными. Но, пожалуй, самое необъяснимое — это то, что, даже после того как нервы будут перерезаны, боль может остаться прежней.

Принимая во внимание особенно изнурительный характер боли Раджаммы, невыносимо изматывающей как ее саму, так и всю ее семью, я после долгих раздумий пришел к выводу: не остается ничего другого, кроме рискованной операции. Мои поиски не привели к обнаружению физической причины ее состояния. И мне пришлось положиться на всю свою врачебную интуицию, чтобы избавить женщину от боли, как от обстоятельства, затрудняющего нормальное существование, а не как от симптома установленной болезни. В этом и состоит конкретная опасность хронической боли: боль больше не является сигналом, указывающим направление поиска; она превращается в демона — всепоглощающего и полностью лишаящего возможности действовать. Те, кто испытывает хроническую боль, думают только об одном: как от нее избавиться.

Чаще всего хроническая боль возникает в спине, шее или суставах, хотя люди, страдающие таким заболеванием, как рак, испытывают подобную боль везде. Если не чувствующие боль люди, например мои пациенты с проказой, жаждут

получить сигнал боли, то испытывающие хроническую боль без перерыва слушают оглушительный рев ее сигнальной сирены. Последнее время прокатилась целая волна исследований и разработок, ставящих своей задачей выявить причины и облегчить страдания людей с хронической болью. В США было открыто около 500 клиник, специализирующихся на лечении таких пациентов.

Несмотря на всепоглощающую природу хронической боли, выбираемые виды лечения уводят врачей в сторону от привычных хирургических операций. В словаре занимающихся этим вопросом специалистов появился новый термин — «управлять болью». Директор одной из крупнейших американских клиник по лечению хронической боли сказал, что для избавления людей от хронической боли нам потребуется прибегнуть к новым способам лечения, сильно отличающимся от общепринятых операций по удалению какого-либо органа. Возможно, нам следует рассматривать хроническую боль так же, как диабет или нарушение коллагеновой¹ структуры, т.е. учить пациентов вести нормальный образ жизни, несмотря на наличие заболевания.

Я могу всю свою комнату завалить тренажерами и электронными устройствами, которые рекламируются как панацея от хронической боли. Газеты и журналы пестрят рекламой акупунктуры, массажа ступней или мочек уха, метода самоконтроля за физиологическим состоянием организма, аутогипноза (самовнушения). Появились даже такие экзотические средства, как накожные электронейростимуляторы, предлагающие гораздо более технологичный (и более дорогой) метод. Многие из этих способов обезболивания основаны на методе внедрения отвлекающих раздражителей в замкнутую цепь мозговых сигналов, что помогает подавлять поступающие болевые сигналы.

(Лично я предпочитаю более простые способы достижения той же самой цели. Например, я нередко назначаю пациентам, испытывающим постоянную боль в руке или ноге, использовать щетку для волос с жесткой щетиной. Массирование больного места такой щеткой приводит к возбуждению чувствительных к прикосновению и нажатию окончаний и нередко облегчает боль. А когда моя собственная боль становится особенно невыносимой, я снимаю обувь и хожу босиком вокруг дома по дорожкам, засыпанным жестким гравием и ракушечником).

В этой книге я, естественно, не могу дать подробные и обстоятельные советы тем людям, которые мучаются из-за хронической боли, но могу провести аналогию с Телом Христовым. В Теле тоже присутствует хроническая боль, которая никак не отпускает, а потому церковь должна учиться приемам обезболивания.

В наши дни бедность, голод и войны — постоянное явление. Подумайте о сигналах, которые приходят к нам из африканских и центрально-американских церквей. Мы не можем игнорировать признаки хронического страдания. Информация лежит в наших почтовых ящиках, кричит с экранов телевизоров, из радиоприемников. Каждый день приносит новые печали. Иисус говорил именно о таком хроническом страдании человечества (смысл этих Его слов часто искажают): «Ибо нищих всегда имеете с собою» (Мк. 14:7).

Я жил там, где страдание — часть повседневной жизни. И я знаю ужасные проблемы, которые встают перед страной, где страдания приобрели общенациональный размах. Я смотрел на длинные очереди пациентов, заранее зная, что большинству придется отказать — принять я смогу лишь горстку людей.

¹ Коллаген — основной белок белых волокон соединительной и костной тканей, сухожилий и хрящей (прим. перев.).

Я знал, что еще тысячи людей, живущих в отдаленных районах, тоже нуждаются во врачебной помощи. Даже в преуспевающей Америке есть нищие, хотя бедностью там считается несколько другой уровень достатка.

Самые тяжелые страдания мы предпочитаем наблюдать опосредованно — по телевизору. Но нам все равно приходится делать нравственный выбор. Мы можем оказать помощь, дать юный, еду, чтобы облегчить страдания нищих, или же можем притвориться бесчувственными к хронической боли и переключить телевизор на другой канал, отвернуться от проблемы или же выделить по копейке в каждый благотворительный фонд.

Библия ясно говорит: члены Тела ответственны и за страдающих нечленов церкви. В последнее время огромное количество гуманитарной помощи поступает в бедствующие страны именно через христианские организации. Это показатель здоровья Церкви, говорящий о том, что она прислушивается к крикам боли, доносящимся из мира. Христиане оперативно отзывались на нужды жителей Индокитая, живущих на утлых лодчонках, помогали африканским странам во время засухи, старались облегчить страдания беженцев во время кризиса в Сомали. Сотни миллионов долларов ушли на гуманитарную помощь. Сильные помогали слабым. Но, когда речь заходит о борьбе с застарелой хронической болью, церковь часто оказывается бессильной.

Глава одной из крупнейших христианских благотворительных организаций недавно признался: «У нас будто гонки машин «скорой помощи» — только в мировом масштабе. Когда в мире происходит крупное бедствие и его начинают освещать в средствах массовой информации, то жертвователи реагируют с невероятной щедростью. Благотворительные организации собирают миллионы долларов. И наперегонки бросаются помогать. Пока о кризисе пишут и говорят, нам нетрудно собирать деньги. Через полгода нужды не убывают, но кинокамеры перебазировались в другие места земного шара, и продолжающееся страдание жителей этого уголка мира всем становится безразлично».

Сильное страдание пробуждает в людях желание помочь, но люди быстро устают от неприятной информации. Чувствительность не возрастает, как это происходит в человеческом теле, а наоборот — убывает. Вопрос: «Как мне устранить причину боли?» превращается в другой: «Как мне заглушить эту боль?» Пропадает стимул к действию. Боль становится глухой, пульсирующей. Она утомляет.

Здравоохранение всегда было на передовой линии благотворительной помощи. Люди с готовностью жертвуют на строительство больниц, лекарства, медицинское оборудование¹. По данным ВОЗ 80 % заболеваний происходят от загрязнения воды. Парижская система водоснабжения оказывает большее влияние на здоровье горожан, чем все больницы города. Но развитие программ по санитарии и гигиене гораздо менее привлекательно, чем героические методы борьбы со смертью.

Естественно, примеры хронической боли мы можем гораздо чаще увидеть не в Сомали или засушливой Африке, а дома. Во время экономического кризиса в США и Европе тоже раздавались мольбы о помощи: люди не в состоянии были прокормиться. Но крик о помощи может превратиться в глухую боль, от которой захочется отгородиться. В начале 80-х годов в США были урезаны расходы на социальные программы, и это сильно сказалось на жителях больших городов.

¹ Приведу пример. После смерти Альберта Швейцера, знаменитого врача и философа, его друзья и поклонники начали сбор средств для строительства простой сельской больницы, какие очень нравились Швейцеру. Деньги не поступали, пока одно из профессиональных агентств не убедило строительный комитет собирать не на сельскую больницу, а на современный больничный комплекс с новейшим оборудованием. Только тогда жертвователи откликнулись, и потекли средства.

Церкви столкнулись с необходимостью помогать массам нуждающихся. За помощью бедные пошли не в правительственные органы, а в церкви.

В 1982 году мэр Нью-Йорка вышел с радикальным предложением к руководителям церквей — помочь толпам бездомных, бродящих по улицам города. Он просил каждую из 3500 церквей и синагог города взять к себе десять человек — и проблема была бы решена (на улицах Нью-Йорка насчитывалось 36 тысяч бродяг). Мэр обратил внимание церкви на хроническую болезнь, которую нужно было лечить.

Церкви проявили недовольство. Один протестантский священнослужитель был, казалось, оскорблен тем, что об этом плане узнал из газет. «Это очень сложная ситуация, и простого выхода из нее найти не удастся», — сказал другой. «Осуществить это будет очень сложно», — отметил третий. Большинство представителей церкви попросили время на обдумывание вопроса. Они утверждали, что их церкви не приспособлены к тому, чтобы принять бездомных. Только семь конгрегации ответили положительно.

Конечно, предложение мэра было непростым, но сам по себе призыв к благотворительности ничем не противоречил призывам ветхозаветных пророков, Иисуса и апостолов. «Делитесь хлебом с голодными и бездомных приводите в дом свой», — говорил Исайя. Иисус увещевал учеников «давать всякому, кто просит» у них. В раннехристианской церкви члены ее всегда приносили овощи, фрукты, молоко и мед, чтобы раздавать вдовам, заключенным и больным.

Я не хочу сказать, что хроническая боль уйдет сама собой. Ни одному человеку, работавшему в Индии, такая мысль не придет в голову. Я думаю о женщине, покинутой мужем, которая осталась одна с детьми и без денег. Я думаю о гонимых христианах, об огромных нуждах стран третьего мира. Ни правительства, ни церкви не смогут решить все их проблемы. Но очень важно и то, с каким отношением мы беремся помогать. Неужели мы очень скоро охладеем и перестанем реагировать на чужую боль? Неужели мы рванемся вперед в приливе энтузиазма, а потом позволим этому энтузиазму сойти на нет, если очевидные улучшения не наступят?

С детства я хорошо запомнил ежемесячные благотворительные походы моей тетушки Янисы. У нее был список от Общества друзей престарелых. И каждый месяц она посещала старушек по этому списку. Я часто сопровождал ее. Она относилась им деньги, еду, одежду, рождественские подарки. Очень тихо и незаметно она делала свое дело и учила меня превращать чужую хроническую боль в свою, облегчать ее. Она обязательно лично навещала старушек — никогда не посылала им посылки по почте. Это скромное служение она верно несла долгие годы.

Люди с хронической болью — квадрифлегики и родители умственно отсталых детей рассказывают о распространенной схеме: друзья и члены церкви вначале проявляют участие и сострадание к ним, но со временем теряют интерес. Большинство чувствует себя очень неудобно перед лицом нескончаемых страданий. Порой от страдальцев даже отворачиваются. Подобное онемение чувств может произойти и в отношении какой-то общенациональной или мировой проблемы.

О здоровье тела можно во многом судить по его реакции на непроходящую, хроническую боль. Чтобы справиться с болью, нужны два качества: достаточная чувствительность, позволяющая найти причину боли и отреагировать на нее, и

достаточная внутренняя сила, которая не позволила бы боли взять над вами верх. Для Тела Христова эти два качества столь же обязательны и непреложны.

23. БОЖЬЯ БОЛЬ

«Я вижу все, — кричал он, — все, что есть на свете. Почему всякая вещь на свете восстает против другой? Почему каждая малость на свете должна одна бороться против целого мира? Почему мухе приходится противостоять вселенной? По той же самой причине, по которой я один должен был присутствовать на совещаниях страшного Совета Дней. Чтобы всякая вещь, которая следует закону, могла жить во славе, не боясь анархистов... Чтобы ложь сатаны рикошетом отлетела в лицо хулителя, чтобы муками и слезами мы заработали право сказать этому человеку: «Ты лжешь!» Нет страданий, которые не стоило бы вынести, лишь бы сказать обвинителю: «Мы тоже страдали». Он повернул голову и тут же увидел огромное лицо Воскресенья, на котором играла странная улыбка.

«А ты, — закричал он страшным голосом, — страдало когда-нибудь?» На его глазах лицо разросло до огромных размеров, стало больше, чем гигантская маска Мемнона, которой он до крика боялся в детстве. Оно становилось все больше и больше, заполняя собой небо. Все померкло. И уже во тьме, перед тем как погиб его разум, далекий голос произнес простые слова, которые он раньше уже где-то слышал: «Можешь ли пить из чаши, из которой Я пью?»
Г. К. Честертон, «Человек, которого звали Четвергом»

15-летнему еврейскому «Некому мальчику по имени Эли Визель пришлось пройти через все ужасы концлагерей Бумы и Освенцима. На всю жизнь ему запомнился один случай. Это было не массовое убийство и не пытки, а наказание одного ребенка. Жертва, мальчик лет двенадцати, помогал голландцу пронести оружие в лагерь. Его приговорили к смерти. У мальчика было тонкое красивое лицо, резко отличающееся от изможденных, обезображенных лиц остальных заключенных. Визель говорил, что это было лицо печального ангела. Казнить такого ребенка перед тысячами пленных было нелегко даже эсэсовцам.

Лагерные «добровольцы» отказались на этот раз помогать, и эсэсовцам пришлось приводить приговор в исполнение самим. Они соорудили три виселицы: одну для ребенка и две для двух других осужденных.

Три жертвы забрались на табуретки, и эсэсовцы надели им петли на шеи. «Да здравствует свобода!» — закричали двое взрослых заключенных. Ребенок не проронил ни слова.

Вдруг из рядов потрясенных зрителей раздался крик: «Где же Бог? Где Он?»

Табуретки были выбиты из-под ног, тела задергались на веревках и вскоре обмякли. Охранники приказали всем заключенным пройти мимо повешенных. Зрелище было ужасным. Двое взрослых были мертвы. Языки торчали изо ртов. Они уже опухли и посинели. Но ребенок был таким легким, что умер не сразу.

Умирал он в течение получаса. Заключенные проходили рядом с ним, наблюдая за его лицом, лицом человека, который расстается с жизнью.

«За мной, — рассказывает Визель, — шел человек, задававший вопрос: «Где Бог?» И вдруг внутри себя я услышал голос, ответивший ему: «Где Он? Да вот Он висит на виселице...

Вечером суп отдавал мертвечиной»¹.

¹ Elie Wiesel, Night (New-York: Discus/Avon Books, 1969), pp. 75—76.

Вопрос «Где Бог?» преследовал Визеля и тысячи других людей, которые выжили в этом аду, которые кричали и не слышали ни звука в ответ. Визель хотел, чтобы эти его слова были поняты буквально, по-атеистически: мол, молчание Бога доказывает, что Он повешен, Он мертв, беспомощен. Он не может ответить и помочь. Другие люди используют те же слова, но придают им другое значение: Бог страдал вместе с ребенком. Он страдает и скорбит, когда больно каждому из Его детей. Но если Бог был там, висел на виселице, если Он видел, как тысячи невинных веля в печи, то почему Он не вмешался? Почему они не смогли почувствовать Божье присутствие? Никогда Бог не казался более далеким, чем в те дни.

За всю свою долгую жизнь в медицине я не переставал думать о боли. Я видел ее красоту и удивительно тонкие механизмы, изучил ее физиологию и видел результаты «безболезненной» жизни моих пациентов-прокаженных. Я видел жестокость смерти, когда пациенты умирали в страшной агонии. Я выслушивал родителей искалеченных детей. Что бы ни было отправной точкой в моих размышлениях о богословии, я всегда возвращаюсь к вопросу о боли.

Поэтому я просто не могу закончить главу о боли, да и всю книгу о Теле Христовом, не затронув Божьего отношения к человеческой боли.

Если болевой сигнал имеет четкую направленность, если он призывает нас с состраданием откликнуться на зов болящего, то как должен на него реагировать сам Глава Тела? Что Он испытывает к жертвам насилия, разведенным, алкоголикам, безработным, гомосексуалистам, голодающим? Тема книги не позволяет отвечать на вопрос «почему?» Но мы с вами должны подумать, как относится Бог к страданию Своих тварей. Влияет ли на Него наше страдание?

Через всю книгу проходит одна мысль: Бог прошел через ряд самосмирений. Смирением было сотворение мира, заветы с патриархами, израильские царь-неудачники, вавилонский плен, вочеловечение, казнь на кресте и, наконец, роль Главы Церкви. Я уже сказал: в роли Главы Церкви Он может на деле — не фигурально и не по аналогии — чувствовать боль. Но, выдвинув подобную предпосылку, я не могу опустить еще несколько важных вопросов о природе вечного Бога. Возможно, эти вопросы уже промелькнули в вашем разуме, когда я обронил слова об ограничениях, добровольно наложенных Богом на Себя. Бог неизменен и вечен, не так ли? Может ли наша боль хоть как-то затронуть неизменного по сути Бога? Может ли Он вообще чувствовать боль? Отождествлял ли Он Себя со страданиями ребенка, висящего на виселице? Это правильные вопросы. Не задать их себе невозможно.

В столь тщательно продуманных документах, как англиканский катехизис и Вестминстерский катехизис сказано, что Бог «не имеет тела, частей тела и страстей». Может ли не обладающий страстями Бог чувствовать боль? За долгие века богословы пришли, очевидно, к общему мнению, что Бог не может испытывать страсти и страдания. Раннехристианское богословие, развивавшееся в атмосфере греческой философской мысли, считало, что такие свойства, как движение, изменение и страдание, присущи лишь человеку и что они как раз и отличают Бога от человека. Бог должен быть апатичным, не иметь никаких тревожных чувств¹. Отрывки из Библии, в которых Бог описывается

---

¹ Клемент Александрийский, например, призывал к свободе от страстей. Этим, по его мнению, можно было добиться схождения с не испытывающим волнений Богом. Нужно очистить себя от отваги, страха, радости, зла, зависти и любви к твари, говорил он. Подобное отрицание страстей и эмоций оставалось в философии и богословии вплоть до возникновения романтического движения. Спиноза же называл эмоции «перепутавшимися идеями», а Кант призывал «выполнять обязанности ради обязанностей».

гневающимся, скорбящим, радующимся, были сочтены антропоморфизмами или простыми сравнениями.

Но существует очень странная вещь. Когда Библию берет в руки человек, не имеющий специальных философских или богословских познаний, у него складывается совсем другое впечатление о Боге. Библия очень много говорит о страстном внимании Бога к Своей твари. Библия — каталог Божьих эмоций, тех самых, которые Он испытывал по отношению к людям. С момента сотворения мира Бог играет роль отзывчивого Отца, отпустившего Своих детей в самостоятельную жизнь.

Каждое событие ветхозаветной истории показывает, как Бог разделяет боль (или, зачастую, торжество) Своего народа. Он слышал плач рабов в Египте. 38 лет Он был среди палаток скитальцев в пустыне: на время наказания Он присоединился к Своему народу. «Во всякой скорби их Он не оставлял их», — говорит Исайя (63:9).

Пророки словно соревнуются: кто из них лучше покажет глубину эмоциональной привязанности Бога к Своему народу. В книгах пророков Иеремии и Осии мы слышим крик раненого

Бога. «Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? — спрашивает Бог. — Ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью воспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилосержусь над ним» (Иер. 31:20). (Лютер переводит эту последнюю фразу «Сердце мое разбито».)

В книге Осии Бог провозглашает: «Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя» (11:8). «Почему ты покинул Меня? — часто спрашивает Он. — Мой народ покинул Меня», — рыдает Он. В книге пророка Исайи есть очень смелый поворот, когда пророк сравнивает Бога с роженицей:

*«Долго молчал Я,
терпел, удерживался; теперь буду кричать,
как рождающая» (42:14).*

Совершенно очевидно: земные события вызывают в Боге радость, грусть, удовольствие, гнев. Ветхий Завет рисует нам Бога, Который не является неким «далеким святым», но активно участвует в жизни мира. Он вместе со Своим народом отправляется в изгнание, плен, огненную печь, могилу.

Слова типа «мое сердце разбито» — это сравнения, которые могут быть употреблены по отношению и к человеку, и к Богу. Но автор использует сравнения, чтобы показать нам истину, а не скрыть ее. Еврейский богослов Авраам Гешель делает вывод: «Слова о страстях Бога — это не компромисс, не способ совместить высший смысл вещей с низшим человеческим разумением. Скорее эти слова нужны для того, чтобы возвысить разумение до смысла».

Могло ли случиться, что отцы церкви, столь яро старавшиеся спасти Бога от принижения до человеческого уровня, упустили очевидную вещь: Бог добровольно поставил Себя в такие условия, когда тварь может причинить Ему боль. Любовь невозможна без жертвы. И Бог, совершенный Сам в Себе, может отдать лишь Себя. Он страдает не от недостатков Своего бытия, как это происходит с людьми, а от любви, которая переполняет все Его естество. Именно так евангелия и говорят о любви: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного».

Образный китайский язык умело сочетает концепции любви и боли. Иероглиф, выражающий высшую любовь, составлен из сплетенных иероглифов любви и боли. Так мать до боли любит своего ребенка. За него она готова отдать свою

жизнь. По существу, эту любовь до боли и показал всему миру Бог, когда снял венец и присоединился к нам на земле.

Каждый раз, когда христиане начинают говорить о том, как человеческие страдания влияют на Бога, им нужно начинать с вочеловечения Бога — с того момента, когда Он пришел, чтобы жить среди нас. Евангелия показывают, как Иисус боролся с болезнью и страданием. В начале Своего служения Он объявил, что исцелять больных — одна из Его главных целей (см. Лк. 4:18). Когда Иоанн Креститель спрашивал, Он ли Мессия, то в качестве одного из доказательств Иисус привел исцеления (см. 7:22). В евангелиях Иисус ни разу не отказывает просящему в исцелении, страдальцу — в помощи. Сказал ли Он кому-нибудь: «Радуйся болезни своей!» или «Живи с болью по умершему сыну»? Когда умер друг Иисуса Лазарь, Господь рыдал. Бог, явленный нам в Иисусе Христе, не радуется страданиям Своих детей, напротив, Он скорбит.

Когда Самому Иисусу довелось испытать страдания, Он не показал Себя бесстрастным святым мучеником. В Гефси-манском саду Он лишь огромным волевым усилием соглашается на предстоящую муку. Трижды Он молит: «Если возможно, да минует Меня чаша сия!» И на кресте Он не сносил боли безмолвно: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты оставил Меня!» Он отказался совершить только одно чудо исцеления — избавить Себя от крестных страданий.

«Что могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представляю, когда все уже пересказано, перерисовано со всеми мельчайшими подробностями? Что могут сказать все эти места... если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его (верующего) сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами?»¹

Каждый раз, когда пытаюсь говорить о кресте, я вспоминаю эти слова Николая Васильевича Гоголя. Что еще можно сказать? Но я просто не могу говорить о боли Бога, не остановившись на самом ярком моменте истории. Ибо именно на кресте Бог отождествил Себя со стонающей и мучающейся тварью.

Что же такого необычного в той случившейся в Иерусалиме смерти? Почему тот день называется «днем, который потряс мир» и «величайшим событием в истории»? Как этот день превратил крест из символа смерти в символ христианского почитания?² Сам факт физических страданий Иисуса еще не говорит о влиянии страданий на Бога. Его страдания мало чем отличались от страданий первого мученика Стефана, святого Петра или даже Сократа. И дело вовсе не в том, что тогда на кресте наказание понес совершенно невинный человек. Сократ тоже был невиновен, как и Солженицын или евреи, о которых пишет Эли Визель. Даже не характер казни сыграл здесь решающую роль. Например, в «Книге Св. мучеников» Фокса приведены гораздо более страшные пытки, чем распятие на кресте.

Как может мало кому известный человек, умерший на кресте на окраине Римской империи, обойденный современными ему светскими историками, претендовать на центральное место в истории человечества и повлиять на все, что было до Него и случилось после Него? Скофферс называет это «оскорблением привычного порядка вещей», и действительно такой вопрос встает перед каждым верующим. Ответ может быть только один: такое невозможно...

¹ Н.В. Гоголь, Духовная проза, с. 424. М., 1992 (прим. перев.).

² Чарльз Уильямс пишет: «Когда святой Павел проповедовал в Афинах, мир был просто утыкан крестами. Они стояли за городом вдоль дорог, на них висели тела медленно умирающих людей. Когда блаженный Августин проповедовал в Карфагене, мир тоже был утыкан крестами. Но эти кресты стояли уже в центре городов, их несли торжественные процессии, они высились у алтарей, были украшены драгоценными камнями, и на каждом из них было изображение умирающего Человека». Даже Колизей — свидетель столь многих кровавых зрелищ — был увенчан христианским крестом с надписью «Benedictus».)

если только казненный человек не был Богом, инкогнито вошедшим в нашу историю. Он присоединился к человечеству, вступив в историю, позволив нам увидеть Свой позор, наготу и боль.

Именно на этом этапе рассуждений доктрина о Святой Троице обретает столь таинственное измерение, что другие религии просто блекнут по сравнению с христианством. Что случилось: Всемогущий Бог позволил Своему Сыну страдать за нас, или Он страдал во Христе вместо нас? Мусульмане верят, что Бог не мог снести казни Своего пророка Иисуса, а потому в последний момент заменил Его другой жертвой. Раввины утверждают, что Иисус не мог быть Божьим Сыном, потому что «Бог не позволил Авраамову сыну умереть, а потому не допустил бы и смерти Своего собственного». Можно ли сильнее исказить евангелие? Согласно христианским верованиям, Бог отдал Своего возлюбленного Сына именно потому, что не мог видеть страданий людей, таких как Исаак. «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8:32).

Но и до сегодняшнего дня мы это плохо понимаем. Известный американский телеведущий Фил Донахью как-то объяснял, почему он разочаровался в христианстве: «Как может всезнающий Бог, вселюбящий Бог позволить Своему Сыну быть убитым на кресте, чтобы искупить мои грехи? Если Бог Отец вселюбящий, то почему Он Сам не спустился на Голгофу?» Ответ таков: каким-то образом это и был Сам Бог на кресте. Он пришел на землю и умер. «Бог во Христе примирил с Собою мир» (2 Кор. 5:19).

Когда я думаю о боли, которую испытывал Бог во время голгофских мучений Христа, я всегда возвращаюсь к отрывку из книги Исая, этого красноречивейшего из пророков. Он отразил мысль о боли Бога в описании страдающего слуги из главы 53. Новозаветные авторы всегда относили этот отрывок к Христу¹:

*«Он был презрен и умален пред людьми,
муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое;
Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.
Но Он взял на Себя наши немощи,
и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем,
наказуем и уничижен Богом.*

*Но Он изъязвлен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем:
и ранами Его мы исцелились.*

*Все мы блуждали как овцы,
совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него
грехи всех нас.*

*Он истязуем был,
но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на
заклание,
и, как агнец пред стригущим его безгласен,
так Он не отверзал уст Своих.*

*От уз и суда Он был взят; народ Его кто изъяснит ? Ибо Он отторгнут от
земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь.*

---

¹ Иудейские комментаторы Библии очень часто относят символ слуги-страдальца к себе как к народу-страдальцу. Не потому ли, спрашивает японский богослов Казо Китаори, ряды поклонников иудаизма столь редки? Ни один народ не страдал больше, чем евреи. Но человеческая боль, как бы велика она ни была, бессмысленна и бесплодна, пока не станет символом боли Божьей, пока люди действительно не поверят, что Бог умирал с тем мальчиком на виселице.

*Ему назначали гроб со злодеями,
но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха,
и не было лжи в устах Его».*

Вочеловечение позволило Богу испытать еще один вид боли — тот самый, который постоянно испытывает человеческое тело. Я вспоминаю о своих бесплодных попытках создать «искусственную» болевую систему. Каждый из моих пациентов теоретически понимал, что такое боль, признавал, что это — ценная сигнальная система, наблюдал за ранами и царапинами на своих бесчувственных к боли руках и ногах. Но, будучи не в состоянии прочувствовать боль, пропустить ее в мозг, они не могли страдать.

Совершенно неправильно было бы говорить о «постепенном познании боли» Богом, но определенный намек на последовательность событий мы видим в таинственном стихе из Послания к Евреям 2:10: «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, Вождя спасения их совершил чрез страдания». Представить себе, что такое боль, — это одно. Бог-Творец прекрасно понимал физиологические достоинства боли и ее недостатки. Сострадая боли, испытывая одни и те же чувства вместе со Своим народом, страдая с человечеством, Бог становился ближе к людям. Но все же чего-то не хватало.

Пока Бог не оделся в мягкую плоть, содержащую болевые рецепторы, которые работали столь же отлаженно, как и наши, и которые подвергались тем же суровым внешним воздействиям, что и наши, Он не испытывал физической боли. Послав Сына на землю, Бог так же учился чувствовать боль, как учимся мы. Наши молитвы и крики страдания обретают теперь больший смысл, потому что мы знаем: Он понимает нас. Инстинктивно нам бы хотелось, чтобы Бог, Которому мы молимся, не только знал о боли, но и разделял ее, не оставался к ней равнодушным. Мы смотрим на Иисуса и понимаем: такой Бог у нас есть. Он подчинил Себя времени, пространству, семье, боли и печалям.

Ныне же Христос вознесся к Отцу и в новой роли — роли Главы Тела — принимает поступающие к нему болевые сигналы от всего Тела. Сами клетки мозга полностью нечувствительны к боли. От внешней среды они защищены костяным черепом — им не нужна система оповещения об опасности. Но они отчаянно чувствуют боль других клеток организма. Именно в этом смысле Иисус стал теперь центром, к которому стекается боль, и Он реально осознает нашу боль¹.

ЛУ"ристос, однако, не довольствовался тем, что прочувствовал УХлашу боль и разделил ее с нами. Я говорил о кресте, но в воскресении, которое за ним последовало, Он преобразил природу боли. Он сверг силы мира сего, позволив для начала греху восторжествовать, а потом обратив это зло во благо. Таким образом, самое бессмысленное из всех деяний — смерть невинного Человека — стала величайшим событием в истории, имеющим огромный смысл.

Именно об этом гимн Павла, приведенный в конце главы 8 Послания к Римлянам: «Христос (Иисус) умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод,

¹ Было бы проще и приятнее, если бы Бог просто уничтожил боль и не мучился больше от нашей боли. Но боль существует. Она говорит не о том, что Бог плохо заботится о нас, а о том, что она играет очень важную роль в мироздании, а потому ее нельзя «изъять» из мира без потерь. Глядя на своих пациентов-прокаженных, я каждый день вижу, какой потерей для мира обернулась бы утрата боли. Поэтому, если бы я имел возможность устранить человеческую боль, я бы этого никогда не сделал. Боль слишком ценна. Но я делаю все возможное, чтобы помочь, когда боль превращается в муку.

По образу Его

или нагота, или опасность, или меч?.. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас». И последние слова: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

Это апогей боли. Бог принимает на Себя громадную боль, смертную боль Своего сына и использует ее, чтобы впитать в Себя все наши более мелкие земные боли. Бессмысленной боли больше нет.

Сам Иисус сказал Своим последователям «взять крест» и следовать за Ним, пить чашу, которую Он пьет. Павел пошел дальше, написав об «участии в страданиях» Христовых (см. Кол. 1:24; Фил. 3:10). Он редко упускал возможность упомянуть о распятии Христа, единении в Его смерти, участии в Его страданиях. В одном из отрывков Он говорит прямо: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10). Все эти обрывки тайны рассказывают о произошедшем чуде. Бог впитывает в Себя нашу боль, и все наши страдания становятся частью Его страданий, а потом станут частью победного воскресения и обратятся во благо. Подобный же ход мыслей мы наблюдаем у апостола Петра, который пишет, что даже ангелы желают проникнуть в эту тайну (см. 1 Пет. 1:12).

В двух глубочайших по своему смыслу отрывках Христос столь полно отождествляет Себя со страдающим народом, что принимает его боль. В Евангелии от Матфея 25:35-40 мы видим, что милость, которую мы оказываем голодным, алчущим, больным, нагим, странникам, пленникам, Он воспринимает как оказанную Ему лично. В Деяниях 9:4 Бог является ослепшему Савлу на дороге в Дамаск и спрашивает: «Савл! что ты гонишь Меня?» Бичи и камни, ранившие тела гонимых христиан, ранили тело Иисуса. В подобном контексте мало кому придет в голову спрашивать: «Почему Бог допускает страдание?» Вопрос «Зачем Бог Сам страдает?» будет уместнее. Дело в том, что Он живет нашей болью.

Эли Визель был прав: в определенном смысле Бог действительно висел на виселице с извивающимся тельцем мальчика. Он проходит через боль каждого из нас. Он лично был на земле и принял на Себя незаслуженное наказание. Он до сих пор с нами. Он «слышит» каждое наше чувство и пропускает его через Себя.

Моя специализация — удивительное устройство человеческой руки. Мне кажется, ничто в мире не может сравниться с рукой — с ее силой и быстротой, выносливостью и чувствительностью. Самые удивительные действия — создание произведений искусства, игра на музыкальных инструментах, письмо, исцеления, прикосновение — совершаются с помощью руки. А потому вполне естественно: когда я думаю о вочеловечении Христа и боли Бога, я представляю себе руки Иисуса.

Мне очень трудно вообразить, как Бог стал младенцем. Но когда-то у Него были крохотные, дергающиеся ручонки новорожденного с малюсенькими ноготочками, складочками вокруг запястий и нежной кожей, не знавшей грубого прикосновения. «Руки, сотворившие солнце и звезды, — говорит Честертон, — были когда-то слишком малы, чтобы дотянуться до головы тельца». Слишком малы, чтобы сменить одежду, поднести пищу ко рту. Бог испытал состояние младенческой беспомощности.

Мне доводилось выполнять плотницкие работы, а потому я могу легко представить руки молодого Иисуса, который учится ремеслу отца в мастерской. На Его коже появились затвердения, грубые участки и остались нежные кусочки. Я уверен, что Он с благодарностью испытывал боль. (Плотницкое дело — очень опасная профессия для моих пациентов-прокаженных, которые не имеют болевой системы оповещения, позволяющей им использовать инструменты с острыми краями и грубой поверхностью.)

Представляю я себе и руки Христа-врача. Библия говорит, что от рук Его происходила сила, исцеляющая людей. Он не любил безликих массовых исцелений. Он исцелял человека прикосновением. Он касался давно высохших глаз, и они начинали видеть свет и цвет. Он коснулся женщины, страдающей кровотечением, прекрасно зная, что по иудейским законам станет после этого нечист. Он прикасался к прокаженным, до которых в те времена не решался дотронуться никто. С Его прикосновениями люди чувствовали, что в них входит Божий Дух. Мало-помалу Его руки восстанавливали то, что нарушилось в Его возлюбленном мире.

Да и самое главное событие в жизни Иисуса вспоминается нам по Его рукам. Его руки, которые сделали столько добра, пронзали толстыми железными шипами. Разум мой кричит, когда я представляю себе эту картину.

Всю свою жизнь я оперировал руки. Лезвием скальпеля я аккуратно разрезал слои тканей — осторожно, по одному слою, — и мне открывалось удивительное сплетение нервов и кровяных сосудов, тоненьких косточек, сухожилий и мышц. Внутри раскрытой руки я был охотником за сокровищами. Я искал здоровые сухожилия, чтобы пришить их на место и освободить из «темницы» пальцы, которые бездействовали 20 лет. Я знаю, что случается с человеческой рукой при распятии.

В те дни палачи пробивали шипами запястья. Шип вонзался в промежуток между костями запястья, где проходят сухожилия пальцев и медианный нерв. Невозможно пронзить запястье, не заставив кисть судорожно искривиться. Иисусу не давали анестезии. Он позволил искалечить и уничтожить собственные руки.

Когда крест подняли, вес Его тела пришелся на руки — ткани рвались, лилась кровь. Воплощенная беспомощность: обездвиженный Бог висит на древе. «Исцели Себя!» — кричала толпа. Спасал других — почему не спасти Себя? Ученики, которые надеялись, что Он — Мессия, скрылись во тьме и разбежались. Конечно же, они ошиблись: этот человек не мог быть Богом.

И вот при последних проблесках сознания Иисус проговорил: «Отец, в Твои руки предаю дух Мой». Смиренный век в теле подошел к концу. Наказание принято.

Но это не последнее упоминание о руках Иисуса в Библии! Христос появляется в запертой комнате. Фома не верит неправдоподобному рассказу друзей. Он считает, что люди не воскресают из мертвых. Должно быть, они видели привидение, им почудилось. И в этот момент Иисус протягивает к нему Свои руки. Ошибиться невозможно. Именно эти руки творили чудеса. Раны — лишнее доказательство: руки принадлежат Тому, Кто умер на кресте. Тело изменилось — Он может проходить через стены и закрытые двери, — но раны остались. Иисус предлагает Фоме подойти и самому удостовериться.

Ответ Фомы прост: «Господь мой и Бог мой!» Впервые один из учеников Иисуса называет Его напрямую Богом. И слова эти — реакция на увиденные раны.

Почему у Иисуса остались раны? Он мог бы облечься в совершенное тело. Мог бы и вовсе не иметь тела, вернувшись в великолепные небесные чертоги. Но Он носит на теле воспоминания о Своем пребывании на земле. Напоминание это — раны. Потому я и говорю, что Бог слышит и понимает нашу боль, Он вбирает ее в Себя, потому что сохранил раны как вечный образ раненого человечества. Он был здесь. Он понес наказание. Боль человечества стала Божьей болью.